

ШУБИН А. В.

**МАХНО
И
МАХНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ**

Annotation

Книга во многом повторяет текст воспоминаний махновца Белаша В.Ф. Однако читается легче и с большей приятностью. Есть в ней и своя новизна.

Будет интересна всем любителям истории.

- [А. В. Шубин](#)
  - [Предисловие](#)
- [Глава I. Начала](#)
  -
  - [1. Анархизм и анархия](#)
  - [2. Место в истории](#)
  - [3. Еще не батько](#)
  - [Примечания к главе 1](#)
- [Глава II. Волны революции \(1917–1918 гг.\)](#)
  - [1. Вождь местного значения](#)
  - [2. Путешествие по России](#)
  - [3. Партизанский батько](#)
  - [4. Своя земля](#)
  - [Примечания к главе 2](#)
- [Глава III. Красное и черное \(первая половина 1919 г.\)](#)
  - [1. Махно и Махновия](#)
  - [2. Батько и большевики](#)
  - [3. Крушение союза](#)
  - [Примечания к главе 3](#)
- [Глава IV. Черное знамя в тылу белых \(вторая половина 1919 г.\)](#)
  - [1. Рейд на Запад](#)
  - [2. Порядок — отец анархии](#)
  - [3. Анархист–реформатор](#)
  - [Примечания к главе 4](#)
- [Глава V. Между красными и белыми \(1920–1921 гг.\)](#)
  - [1. Черные мстители](#)
  - [2. Последний союз](#)
  - [3. Последняя война](#)

- [Примечания к главе 5](#)
  - [Глава VI. Эмиграция](#)
    - [1. Мытарства](#)
    - [2. Платформист](#)
    - [3. Тридцатые годы](#)
    - [Примечания к главе 6](#)
-

А. В. Шубин
МАХНО И МАХНОВСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ

Предисловие

Его имя в нашей стране знают все. Но для миллионов людей батько Махно — скорее сказочный герой, чем реальное историческое лицо. Он бандит и народный герой, благородный рыцарь и символ разбушевавшейся толпы, практик анархии и диктатор, алкоголик с безумным взглядом и практичный крестьянский вождь. Сколько людей, столько образов — переплетающихся и противоречивых.

История сегодня для многих — своего рода фэнтези. Исторический роман, который читают с телеэкранов драматурги и публицисты. Они продолжают традицию тоталитарного прошлого, когда история переписывалась в зависимости от «общественных потребностей». Это увлекательно, но опасно. Когда художественное произведение выдается за документальную правду, люди теряют возможность извлекать из истории жизненные уроки, они оказываются жертвами произвольных толкований жизненного потока и подчиняют этому толкованию свою жизнь. Когда журналистика и беллетристика пожирает историю, она претендует на власть над сознанием, на тотальный контроль.

Махно был одним из первых в нашей стране борцов с тоталитаризмом, и именно поэтому его образу пришлось в полной мере испытать на себе действие «машины правды» и коммунистов, и их противников. Реальный Махно не вписывался в их «правила игры». Он был революционером, но боролся против большевизма. Он был принципиальным противником Ленина, но сражался и против белых. Он, рабочий, бросил вызов самой идее пролетарского государства. Но прежний, дореволюционный строй был для Махно не меньшим злом, чем большевизм. Он искал свой, третий путь между этими Сциллой и Харибдой, и сумел увлечь за собой огромные массы трудового люда. Махновская «республика на колесах» была символом сопротивления любой диктатуре — красной или белой. Махно был анархистом, но понимал под анархией не хаос, а общество самоуправления и самоорганизации, при котором люди живут без бюрократов, капиталистов и помещиков. Одна идея в ряду великих утопий, из осколков которых складывался XX век.

В условиях социального распада, революции и гражданской войны можно было творить и пробовать любые социальные формы, но жизнь заставляла то и дело отступать от идеальных схем. Махно был практиком, и за это ему доставалась и от союзников идеалистов, и от врагов, которых он частенько «обходил» на крутых виражах истории Российской революции. Так или иначе, махновцам удалось создать модель общества, в которой большинству населения жилось лучше, чем при большевиках и белых. Их вожаку удавалось серьезно влиять на направление исторического потока, срывая планы красных и белых стратегов. И это уже не мало. Этот след в истории у Махно уже не отнять. Его не замазать никакими мифами.

Глава I. Начала

Если вы взяли эту книгу в руки, вам мало просто знания о том, что Махно был более или менее удачливым борцом против коммунизма и вождем последней крестьянской войны в нашей стране. Вам важны детали, вам интересно, чем жил этот человек, каково его место в истории, которая не началась в 1917 году и не закончилась поныне. А это значит, что нам нужно начать с истоков — с рассказа об идеологии анархизма, о Гуляйпольском районе, о том времени, когда в анналах истории еще не числился батько Махно.

1. Анархизм и анархия

Анархизм и анархия. Что только не понимают под этими словами — бессмысленный и беспощадный бунт, общественный хаос, стремление к беспорядку и насилию. Как это далеко от идеалов общественного течения, которое вот уже полторы сотни лет является одним из факторов идейного развития современной цивилизации. Теоретики анархизма предвосхитили многие идеи К. Маркса, М. Ганди, Э. Фромма, Г. Маркузе, О. Тоффлера и других мыслителей, которые сыграли огромную, во многом определяющую роль в формировании современной культуры. Анархисты П. Прудон, М. Бакунин, П. Кропоткин и Л. Толстой занимают почетное место в этом же ряду. Практики анархизма заставили мир считаться со своим движением, время от времени превращая его в фактор мировой политики. Миллионы людей вставали под черное знамя анархии, несмотря на яростную и часто лживую агитацию его оппонентов, несмотря на то, что принадлежность к анархистскому движению часто была связана с риском для жизни. Анархизм — крайнее проявление идей свободы, солидарности и антибюрократизма — именно в силу своей крайности всегда был вызовом цивилизации и стимулом (может быть — в греческом значении слова) для развития ее идей. В силу своей последовательности анархизм смог уже в XIX — первой половине XX века поставить в практическую плоскость задачи, которые «мировая цивилизация» ставит перед собой только сегодня, в канун XXI столетия.

«Из всех формул, в которые страдающее, мыслящее и мечтающее человечество облекло свои страстные искания общественного идеала, — анархизм, несомненно, является наиболее возвышенной и наиболее полно отвечающей на вопросы пытливого человеческой мысли. Наиболее возвышенной, говорю я, потому что центральной идеей анархизма является конечное освобождение личности», — писал выдающийся теоретик анархизма А. Боровой. 1

Анархизм оппозиционен всем политическим учениям, выступающим за те или иные формы государственности. И в то же время в нем можно найти аналоги почти всему спектру

государственнических идеологий. Многообразное анархическое учение включает в себя коммунистов и индивидуалистов, социалистов и синдикалистов, но всех их объединяет критика государственности во имя социальной солидарности и личной свободы.

За свою многовековую историю анархизм неоднократно приговаривался своими оппонентами к скорой гибели, но прогнозы эти не оправдывались. Само существование государства вызывало к жизни идею о необходимости его замены иными общественными механизмами.

Непрерывная традиция современного анархизма ведет свое начало от сочинений П. — Ж. Прудона. Наиболее авторитетными теоретиками анархизма, разрабатывавшими его теорию в XIX в., были М. А. Бакунин, а затем П. А. Кропоткин. Для многих анархистов XX века учителем был также Л. Н. Толстой. Однако, несмотря на свою приверженность традиции, анархизм отрицает безусловность любого авторитета, в том числе и основателей этого учения.

Отрицание самодостаточности авторитета «отцов—основателей» придает особую ценность в анархизме практическому опыту социальных движений и деятельности анархистских организаций. Анархизму представилось немало возможностей практически опробовать свои идеи. Анархизм прудонистского направления играл ключевую роль в социально—экономических преобразованиях Парижской коммуны, ученик П. — Ж. Прудона Ф. Пии — Маргаль стал одним из лидеров испанской революции 1868—1874 гг. и первым в истории президентом Испании. Учение М. А. Бакунина приобрело большую популярность в рабочем движении Западной Европы и народническом движении России. Анархисты лидировали в массовых социальных организациях десятков стран Европы и Америки, оказывая существенное влияние на ход мировых событий. С историей анархистского движения неразрывно связаны празднование Дня международной солидарности трудящихся 1 мая, драматические события Мексиканской революции 1910—1917 гг., когда анархистские батальоны защищали режим, создавший затем самую демократическую конституцию того времени, возникновение сотен сельских коммун в России и на Украине, «Красный май» в Париже в 1968 г. и массовое движение против коммунистического режима в СССР в 1988—1991 гг.

Что такое анархизм? Это идейное течение и общественное движение, стремящееся к максимально возможному освобождению личности, выступающее за немедленную или постепенную ликвидацию государственных структур и их замену общественным самоуправлением.

Целью анархизма является анархия (безвластие), то есть свободная организация общества, обходящаяся без организации власти человека над человеком. Под властью понимается систематическое принуждение человека к чему-либо, противоречащему его воле, организованное насилие человека над человеком. Наиболее распространенной и концентрированной формой власти считается государство, как машина принуждения людей. Анархизм отрицает оправданность существования государства его созидательной деятельностью, так как, по мнению анархистских теоретиков, ее издержки превышают положительный результат. Анархия не может быть совместима с государством и иногда трактуется в анархизме как общество без государства.

Анархия так же несовместима и с другими формами систематического насилия и принуждения. Поэтому анархизм отрицает бытовое толкование слова «анархия» как синонима хаоса и беспорядка, сопровождающегося систематическими актами насилия. Ключевым понятием в анархизме является свобода как возможность реализации способностей человека, ограниченная лишь такой же возможностью других людей². В этом отношении анархизм выступает противником индивидуализма и поборником социального равноправия и солидарности.

Наибольшую активность в первой половине XX века развивали анархо-синдикалистское и анархо-коммунистическое направления анархизма. Само деление на анархо-коммунистов и анархо-синдикалистов условно. Почти все российские анархисты начала XX в. считали своей целью достижение и анархии, и коммунизма (анархического коммунизма). Коммунизм при этом рисовался как общество равных возможностей, напоминавшее картины из романов И. Ефремова и братьев Стругацких. Большинство анархистов признавали синдикализм (создание революционных антиавторитарных самоуправляющихся профсоюзов — синдикатов) необходимым путем к анархии. Но радикальные анархо-коммунисты считали этот путь

вспомогательным, а собственно анархо–синдикалисты сосредоточивались на профсоюзной работе.

Уже во второй половине XIX в. сформировались две наиболее авторитетные концепции анархического устройства общества. Автором первой был М. А. Бакунин, отталкивающийся в своих построениях от наследия П. — Ж. Прудона.

Ключевым в теории Бакунина является понятие свободы. По его мнению, «свобода человека состоит единственно в том, что он повинуетя естественным законам, потому что он сам признает их таковыми, а не потому, что они были ему внешне навязаны какой–либо посторонней волей — божественной или человеческой, коллективной или индивидуальной» 3.

Однако «свобода» не означает независимости человека от других людей. Свободным можно быть только среди свободных: «Истинно свободным я становлюсь только через свободу других, так что, чем многочисленнее свободные люди, тем более обширной, глубокой и широкой становится и моя свобода» 4. Свобода и солидарность людей нераздельны.

Но почему взаимоотношения между людьми далеки от принципов свободы и солидарности? На их пути стоит власть, выраженная, прежде всего в государстве.

Государство должно быть уничтожено социальной революцией: «Старой системе организации, основанной на насилии, социальная революция должна положить конец, предоставив полную свободу массам, коммунаам, ассоциациям, а также и отдельным индивидуумам и уничтожив раз и навсегда историческую причину существования всякого насилия — само существование государства». 5. В этом процессе разрушения государства Бакунин видел отличие социальной революции от политической. Это понятие социальной революции закрепилось в анархистской мысли.

Революция трактуется Бакуниным как массовое социальное творчество, освобождение творческих сил народа от сковывающих его институтов: «Вообразите себя посреди торжества стихийной революции в России. Государство и вместе с тем все общественно–политические порядки сломаны. Народ весь встал, взял все, что ему понадобилось, и разогнал всех своих супостатов. Нет более ни законов, ни власти. Взбунтовавшийся океан изломал все плотины. Вся

эта, далеко не однородная, а напротив, чрезвычайно разнородная масса, покрывающая необъятное пространство всероссийской империи всероссийским народом, начала жить и действовать из себя, из того, что она есть на самом деле, а не из того более, чем ей было приказано быть, везде по-своему, — повсеместная анархия». 6 Собственно разрушительные последствия революции — лишь неизбежная плата, обратная сторона созидания. Бакунин без жалости относился к современному ему обществу, в котором видел, прежде всего, нищету, угнетение и индивидуализм.

Взгляд на конкретные формы революции определялся позицией теоретиков относительно возможности и границ применения насилия в революции. Для М. Бакунина и П. Кропоткина было характерно признание социального насилия, то есть спонтанного восстания, гражданской войны, но не систематического организованного террора. М. Бакунин писал: «Революция — это война, а когда идет война, то происходит разрушение людей и вещей. Конечно, очень печально для человечества, что оно не изобрело более мирного способа прогресса, но до сих пор каждый новый шаг в истории рождался лишь в крови. Впрочем, реакция не может упрекать в этом отношении революцию. Она всегда проливала крови больше, чем эта последняя». 7

«Социализм не жесток, он в тысячу раз человечней якобинства, я хочу сказать, политической революции. Он нисколько не помышляет против личностей, даже самых зверских, прекрасно зная, что все люди, дурные или хорошие — лишь неизбежный продукт того социального положения, какое создали им общество или история. Социалисты, правда, не могут, конечно, помешать, чтобы в первые дни революции в порыве гнева народ не истребил нескольких сотен лиц среди наиболее гнусных, наиболее яростных и наиболее опасных; но, когда этот ураган пройдет, они со всей своей энергией будут противиться хладнокровно организованной политической и юридической лицемерной резне». 8

Другой теоретик анархизма Л. Толстой отрицал применимость насилия вообще: «Анархия может быть установлена только тем, что будет все больше и больше людей, которые будут стыдиться прилагать эту власть». 9 «Христианство есть отчасти социализм и анархия, но без насилия и с готовностью к жертве». 10

По мнению М. Бакунина, на место централизованной иерархической организации общества сверху должны прийти самоуправление и самоорганизация снизу: «...порядок и организация должны...идти снизу вверх... Порядок в человеческом обществе должен слагаться из как можно более широкого развития всех индивидуальных, общинных, коммунальных, провинциальных и национальных свобод». 11 Построение общества как свободной конфедерации самоуправляющихся объединений исключает закрепление за кем-либо управленческих функций. Власть как социальное явление если и существует, то сводится к минимуму: «Всякий является авторитетным руководителем и всякий управляет в свою очередь. Следовательно, отнюдь не существует закрепленного и постоянного авторитета, но постоянный взаимный обмен власти и подчинения, временный и, что особенно важно, добровольный» 12. Как видим, классик анархизма не отрицает самой функции власти, но выступает против ее закрепления за какой-либо социальной группой. Такой подход подразумевает, что все население обладает достаточным культурным уровнем для осуществления функций власти. Эта проблема, как мы увидим, станет одной из ключевых при практической реализации анархистских идей.

Отсутствие в обществе единого регулирующего центра делает производственные объединения людей самостоятельными. Они согласуют свою работу на добровольных началах без обязательных к исполнению планов. Помимо добровольной мотивации к труду М. Бакунин признает и «принуждение голодом» к тем, кто не желает работать, будучи здоровым взрослым членом общества: «Никто не сможет более эксплуатировать чужой труд: каждый должен будет работать, чтобы жить. И каждый, кто не пожелает трудиться, волен будет умереть с голода, если только он не отыщет какой-либо ассоциации или коммуны, которая согласилась бы из жалости кормить его. Но тогда, по всей вероятности, будет найдено справедливое не признавать за ним никаких политических прав, раз он, будучи трудоспособным, предпочитает находиться в позорном положении и жить за счет чужого труда: ибо не будет иного обоснования для общественных и политических прав, кроме труда, несомого каждым»». Признавая «стимулирование голодом», концепция М. Бакунина, таким образом, не отрицает рыночных механизмов регулирования

хозяйственной деятельности и основана на идее коллективной собственности на средства производства. 14

В связи с этим необходимо разъяснить еще несколько терминов, используемых в данной работе. Под «рыночным социализмом» понимается модель, основанная на общественных формах собственности (в том числе коллективной), использовании товарно-денежных отношений и отсутствии директивного планирования. В работе используются также термины «радикализм», понимаемый как стремление к немедленной реализации принципов анархии в ходе революции, и «эволюционизм» — признание того, что анархия может быть достигнута путем эволюционных процессов (которые, впрочем, могут включать в себя революции).

Коллективизм модели «Великого бунтаря» не значит, что Бакунин не предполагает никакой системы координации трудовых усилий свободных производителей: «Организация общества путем свободной федерации снизу вверх рабочих союзов, как индустриальных, так и земледельческих, как научных, так и союзов работников искусства и литературы, сначала в коммуну, потом федерация коммун в области, областей в нации и наций — в международный братский союз». 15 Бакунин не считал возможным немедленно реализовать свою программу и называл идеи немедленного скачка к анархии «безумной мыслью». 16 Подробнее мы вернемся к идеям М. Бакунина по мере их «возвращения» в анархистскую среду в XX веке.

Дело в том, что после периода господства бакунизма в анархистском движении в 70-е гг. XIX в., он был постепенно вытеснен идеями другого русского анархиста, П. А. Кропоткина. 17 Популярность П. Кропоткина в анархистских кругах конца XIX в. объясняется, прежде всего, его радикализмом, импонировавшим анархистской молодежи, а также кризисом капиталистических отношений, не способных в тот период обеспечить трудящимся стабильных условий существования. В результате на место динамичной коллективистской модели М. Бакунина выдвигается коммунистическая модель П. Кропоткина, основанная на радикальной уравнительности. Взгляды Кропоткина, сформулированные в конце XIX — начале XX века, были господствующими в анархистской среде первой трети XX века. Поэтому на них мы должны остановиться подробнее.

Как и все анархистские теоретики, Кропоткин отрицает начала современного ему общества, как в экономической, так и в политической сфере. В этом обществе «все было захвачено в свою пользу небольшой горстью людей в течение той долгой истории, составившейся из грабежей, переселений, войн, невежества и насилий, которое человечество пережило с тех пор, как стало учиться побеждать силы природы». 18 Гарантом этой системы является «государство, это олицетворение несправедливости, притеснения и всевозможных монополий в руках капиталистов». 19 «Господство олигархии, опирающейся на силу государства и капитала, по мнению Кропоткина крайне неэффективно: «они мешают рабочему производить то, что нужно всем, и заставляют производить не то, что нужно другим, а то, что дает наибольший барыш хозяину». 20 Автор опускает то обстоятельство, что для того, чтобы товар принес «барыш хозяину», он все же должен быть «нужен другим».

Отрицая, таким образом, рыночные отношения в их частнособственническом варианте, Кропоткин выступает против них и в случае коллективной собственности на средства производства. Рыночные отношения не устраивают его в принципе: «С того дня, когда люди начали мерять услуги, оказываемые обществу, платя за них деньгами или какой-либо другой формой заработной платы... — с этого дня вся история капиталистического общества была (при содействии государства) написана заранее». 21

Кропоткин подразумевает обратимость исторических явлений и возможность повторения всей этой истории, если рыночные принципы будут сохранены после революции. Называя «коллективистами» государственных социалистов, Кропоткин под видом критики их построений приводит аргументы против экономических методов стимулирования к труду, которые отстаивал Бакунин. Кропоткин пишет: "«Каждому — по его делам!» — говорят они. Но человеческое общество не могло бы просуществовать и двух поколений подряд, если бы каждый не давал иногда другим гораздо больше, чем он надеется получить от них в виде денег или рабочих чеков». 22

Но ни государственные социалисты, ни бакунисты не предполагали доводить сферу рыночных отношений до 100 %. Попытка Кропоткина довести идею до абсурда ничего не доказывает.

Зато сам он абсолютизирует антирыночные коммунистические принципы в конструктивной части своей программы.

Теоретик анархо–коммунизма исходит из того, что «в настоящее время, когда все связано и переплетается между собою в промышленности... — искать долю каждого в современном производстве оказывается совершенно невозможным... Каким образом определить при таких условиях часть, приходящуюся на долю каждого в тех богатствах, созданию которых содействуем мы все». 23. Следовательно, «как только революция сломит силу, поддерживающую современный порядок, нашу первую обязанностью будет немедленное осуществление коммунизма». 24

П. Кропоткин выступает за немедленную экспроприацию хозяйства у экономической олигархии, за «возврат обществу того, что ему принадлежит по праву». 25 Экспропрированное переходит в распоряжение всего общества, которое тут же устанавливает полный контроль над хозяйством и организует производство «уже не ради барышей кому бы то ни было, а для того, чтобы обеспечить жизнь и дальнейшее развитие всего общества». 26

Кропоткин надеется, что захват запасов прежнего общества обеспечит населению «право на довольство» и позволит пережить тяжелый период разрушения экономики, вызванный революцией. 27 Уравнительное обеспечение всех продовольствием должно, по мысли Кропоткина, вызвать в недрах трудящихся творческие силы и коллективистские чувства, достаточные для того, чтобы наладить производство на новых, уже коммунистических, началах. 28

Немедленное появление коммунистического хозяйства после социальной революции исключает возникновение самостоятельных хозяйственных субъектов, которые бы уклонялись от уравнительного распределения материальных благ. Однако Кропоткин категорически отрицает централизованное управление «общенародным» хозяйством. Распорядителями анонимного общества должны быть автономные союзы людей, объединившихся совершенно свободно ради выполнения какого–либо дела. 29

Абсолютная уравнительность в экономике и отрицание самостоятельных хозяйственных субъектов, которые взаимодействуют друге другом через рынок, заставляют предположить, что координационные стороны должны в модели П. Кропоткина

согласовывать все макроэкономические вопросы в масштабах всего коммунистического сообщества.

Но что будет, если многочисленные стороны не перейдут к консенсусу? Бесконечная затяжка переговоров? В условиях постоянно меняющихся экономических реалий это означает раскол «единого экономического пространства» на самостоятельные части, которые должны как-то взаимодействовать друг с другом. Собственность перестает быть общей, абстрактное стремление к равенству превращается в равенство возможностей. Возникает потребность в универсальном экономическом посреднике — деньгах. Иная перспектива теоретически возможна лишь при высочайшем развитии духовной культуры и средств коммуникации, предпосылки которого стали возникать лишь во второй половине XX в.

Что еще способно удержать экономическую систему, предложенную Кропоткиным, от распада? Автор надеется на инициативу трудящихся масс: «Пусть только представят народу свободу действия, и через неделю распределение припасов будет происходить с удивительной правильностью. Сомневаться в этом может только тот, кто никогда не видел рабочего народа в действии, кто провел всю жизнь, уткнувшись в бумаги». ³⁰ Однако эти оптимистические строки сами навеяны скорее книжными образами истории, нежели реальной практикой. Пример Парижской Коммуны, который Кропоткин приводит в подтверждение своих строк, дает множество примеров неразберихи и нерациональности в распределении, которые были порождены не только бюрократизмом, но и отсутствием у коммунаров навыков экономической самоорганизации. Как мы увидим, энтузиазм трудящихся при проведении анархистских преобразований действительно позволял творить экономические чудеса, хотя и не столь впечатляющие, как это представлялось Кропоткину. Но энтузиазм оказывался весьма краткосрочным фактором, после которого должны действовать другие.

Таким образом, попытка немедленно ввести и коммунизм, и анархию (в формуле Кропоткина — анархический коммунизм) в условиях современного автору и его последователям индустриального общества вызывает множество проблем, решение которых возможно лишь в случае принятия за аксиому ряда очень спорных предположений (например, о пробуждении альтруизма в массе

тружеников в условиях тотального разрушения современной им цивилизации; о готовности трудящихся немедленно организовать общество всеобщего достатка простым перераспределением накопленных прежде продуктов; о способности большого количества участников гигантских союзов немедленно договариваться друг с другом по множеству самых разных вопросов и т. д.).

Противоречия, заложенные в анархо–коммунистической модели Кропоткина, сформулированной на материале XIX в. проявятся и в концепциях его последователей в XX в. Однако и сам Кропоткин пытался преодолеть их.

Основным субъектом общества по Кропоткину должна стать большая территориальная община (Париж с округой, например) — это уже все–таки не весь мир. Мало того — несмотря на уравниательные принципы социальной революции, другие коммуны вовсе не обязаны просто так снабжать Париж продовольствием. 31 Это предполагает взаимовыгодный обмен без единого плана, что *de facto* ведет к признанию рыночных отношений между территориальными общинами.

Правда Кропоткин надеется на то, что сами коммуны вскоре перейдут к самообеспечению, сформировав индустриально–аграрные территориальные комплексы, которые вскоре покончат с мировым разделением труда. 32 Доказывая легкость согласования интересов различных коммун после того, как специализация будет сведена к минимуму, Кропоткин приводит примеры преимущественно из рыночной практики. 33

Шаткость антирыночной аргументации Кропоткина становится еще более очевидной при разборе им вопроса о «лентяях», то есть людях, которые откажутся трудиться в анархической коммуне. Принуждать их к труду нельзя, но кормить их коммуна тоже не обязана. Если лентяи откажутся делать хоть что–нибудь «признанное общественно–полезным», они должны будут покинуть коммуну. 34 Но очевидно, что при отсутствии иных стимулов к труду, кроме моральных, лица, отрицающие эти моральные стимулы (а первоначально это будут далеко не отдельные индивидуумы), будут формально исполнять какую–то работу, фактически саботируя ее.

Кропоткин надеялся на немедленную перестройку сознания современного ему человека, причем именно в том направлении,

которое соответствовало анархо–коммунистической теории. Вся его аргументация исходила из того, что грандиозные преобразования сознания и человеческих возможностей произойдут на базе современной ему индустриальной технологической культуры.

При этом автор ставит грандиозные гуманистические задачи, осуществление которых предусматривает переворот в самих принципах мышления (ликвидация производственной специализации, интеллектуализация производства и уравнивание условий умственного и физического труда, всеобщее «довольство» и т. д.). 35 Предпосылки для такой цивилизации стали возникать много позднее.

Кропоткин надеялся также на созидательную роль разрушения, которое само по себе станет предпосылкой быстрого, почти немедленного возникновения новых общественных отношений. Однако дальнейший теоретический поиск и наблюдение за картинами одичания человека в ходе разрушений в 1914–1921 гг., изменили точку зрения Кропоткина. Комментируя свое цитирование Прудона, который в свою очередь сослался на Моисееву фразу «разрушая, мы будем создавать», Кропоткин писал: «Теперь, когда мы знаем из опыта, как трудно бывает «создавать», заранее не обдумавши весьма тщательно на основании изучения общественной жизни, что и как мы хотим создать — приходится отказаться от изречения предполагаемого творца и хозяина природы, и сказать — «создавая, разрушу!»» 36

Теперь основатель анархо–коммунизма считает необходимым начать движение к анархии с создания федеративной республики, о чем публично говорит с трибуны Государственного совещания в августе 1917 г. 37 Такие эволюционные и «государственнические» идеи не вызвали понимания со стороны его радикальных поклонников. Вспоминая о своей реакции на само участие П. Кропоткина в Государственном совещании, Н. Махно писал: «он из бывшего учителя революционной анархии превратился в сентиментального старца, ищущего спокойствия и сил для последнего применения своих знаний в жизни». 38 Раннее кропоткинство, анархо–коммунизм «Хлеба и Воли» продолжал господствовать в 1917–1921 гг. в анархистской среде. Только в середине XX века поздние труды Кропоткина позволят идеям эволюционного пути к анархии пробить дорогу сквозь преграды радикальной анархо–коммунистической традиции.

Возможность перерастания временной и не бюрократизированной власти анархистов в обычную государственную диктатуру порождала предубеждение многих анархистов против всякого участия во властных органах. Враждебно относились анархисты и к государственному социализму марксистов. Бакунин оставил развернутую критику марксизма, во многом предсказав трагические последствия реализации программы К. Маркса и обосновав качественное различие между авторитарным и антиавторитарным социализмом. 39 Одним из главных пунктов разногласий был вопрос о создании нового государства: «всякое государство, даже самое республиканское и самое демократическое, даже мнимо народное государство, задуманное г. Марксом (здесь Бакунин смешал взгляды Маркса и его ученика Ф. Лассаля — А. Ш.), в сущности своей не представляет ничего иного, как управление массами сверху вниз, посредством интеллигентного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ». 40

С другой стороны, наиболее мощные анархистские выступления были связаны с занятием анархистами властных позиций (Испания 60-е-70-е гг. XIX в., Парижская Коммуна 1871 г., махновское движение на Украине 1917–1921 гг.). Приход анархистов к власти был связан с необходимостью демонтажа бюрократических структур и приветствовался в случае Парижской Коммуны самим М. Бакуниным. В анархистской идеологии не было ясной границы между органами самоуправления, участие в котором приветствовалось, и органами локальной власти, которое критиковалось.

Уточнить теоретические построения, проверить их жизненной практикой предстояло революционным событиям XX века. Эти события были не только проверкой для идей основоположников анархизма, они были «прорывом в неизвестность», который поставил перед человечеством новые проблемы, сохраняющие важность и для нас. Практический опыт анархизма в экстремальных революционных условиях позволяет оценить максимальные возможности развития самоуправления и прямой демократии в условиях аграрно-индустриального и индустриального обществ, соотношение идей и конкретной практики в ходе радикальных преобразований социума, возможности сопротивления тоталитарной альтернативе

общественного развития в условиях кризиса либеральной и консервативной парадигм развития.

2. Место в истории

Махновское движение — одна из самых обеспеченных источниками крестьянских войн, но источники эти крайне разноречивы. До недавнего времени их большая часть была засекречена и доходила до читателя выборочно, в строгом соответствии с концепцией пробольшевистских авторов. Большинство архивных материалов по истории движения сосредоточено в архивах России и Украины. Несколько интересных документов оказались за границей и хранятся в архиве Института социальной истории (Амстердам) 41. Часть документов движения была опубликована махновцами. Сохранилась также часть газет, выпускавшихся движением. 42

Важным источником по истории Махновского движения являются мемуары. Воспоминания оставили Н. Махно, А. Чубенко, В. Белаш. Элементы воспоминаний содержатся в работах В. Волина и П. Аршинова. 43 Много писалось о «махновщине» большевиками. 44

В мемуарах лидера движения сплелись воедино и более поздние размышления, и свежие записи, которые Махно, видимо, вел по ходу событий, самокритичность и самооправдание. Это объясняет некоторые противоречия в тексте и помогает выделить в мемуарах представления Махно, относящиеся именно к 1917–1918 гг.

Воспоминания Чубенко и Белаша писались под контролем ОГПУ и, судя по редакторской правке, готовились к публикации. Публикация не состоялась, но, видимо, по разным причинам. Если Чубенко всячески демонстрировал готовность сообщить сведения, компрометирующие «махновщину», но делал это не очень убедительно из-за низкого уровня грамотности, то Белаш создал настоящий трактат, подробно описывающий военные действия, которыми руководил. В работе Белаша проводится ясная линия, с помощью которой бывший начальник штаба армии, вероятно, хотел обмануть цензоров: резко критикуя Махно, Белаш всячески оправдывает само движение (и себя в нем заодно). Та часть воспоминаний Белаша, которая касается военной стороны дела, подтверждается военными архивами. За исключением фрагментов, в

которых легко читается «внутренний», а может быть и «внешний» цензор, мемуары Белаша можно признать достаточно объективными.

Интересный документ — протокол допроса В. Волина. 45 Конечно, сидя в тюрьме ЧК, идеолог движения не мог быть объективен и откровенен, но помимо желания избежать расстрела, Волиным двигало и стремление по свежим следам доказать большевикам правильность махновской политики. Цитируя этот документ, приводим те свидетельства, которые не противоречат другим и не могут быть вызваны желанием спасти себя.

Важным источником, характеризующим состояние движения в 1920 г., является «Дневник жены Махно», фрагменты которого были опубликованы в 1921 г., а полный текст — в 1990 г. 46 Подлинность этого дневника оспаривалась. Дело в том, что при публикации фрагментов дневник был приписан Федоре Гаенко, подруге его настоящей жены Галины Кузьменко. 47 Опубликованные фрагменты дневника, очевидно, компрометировали движение и его лидера, при том, что Г. Кузьменко находилась рядом с ним и поддерживала его борьбу с коммунистами.

Эти обстоятельства привели исследователя махновского движения В. Н. Литвинова к выводу о том, что автором дневника является или кто-то из ЧК, или попавшая в плен Федора Гаенко, почерк которой мог считаться доказательством подлинности документа только в том случае, если бы подтвердилось, что именно она была женой Махно в то время. 48 Сам Махно тоже категорически отрицал подлинность дневника (видимо, основываясь на утверждении жены). 49

Публикация полного текста дневника в 1990 г. 50 позволяет вернуться к проблеме его подлинности. Теперь уже нельзя сказать, что «едва ли не две трети его отведены описанию «пьянства» Махно», как считал В. Литвинов. Весь «компромат», связанный с пьянством, сосредоточен в записях 6–7 и 12–13 марта. Остальные записи посвящены боевым действиям, переездам, переживаниям молодой женщины, что явно исключает предположение об авторстве кого-нибудь из чекистов. Автор текста, несомненно поддерживает цели движения: «Сильно замерзли и устали наши хлопцы, пока завершили это дело, однако наградой за этот труд и муки у каждого повстанца было сознание того, что и маленькая группа людей, слабых физически, но сильных духом, вдохновленных одной великой идеей, может делать

большие дела». 51 В таком духе выдержан почти весь текст и это служит ответом на сомнение Литвинова в том, что записи эти можно было «делать открыто, в условиях походной жизни, когда все протекало на виду у Махно. «». 52. Найти критический фрагмент в тетрадке при беглом чтении было трудно, тем более, что Махно плохо владел украинским. Но это не объясняет «ошибки» большевиков в отношении имени жены Махно и ряда других обстоятельств (например, упоминания о том, что муж приставал к автору, то есть к собственной жене). С другой стороны, Галина Кузьменко подтверждала, что вела дневник, хотя и не помнила, чтобы заносила туда сведения о моральной деградации батьки. 53

Возможны три версии, объясняющие происхождение дневника.

Во первых, он мог быть написан рукой Федоры Гаенко, попавшей в руки ЧК. Чтобы текст выглядел правдоподобней, в его основу был положен подлинный дневник, в который с целью компрометации движения вставлены небольшие фрагменты. Остальная часть готовилась для использования при судебной расправе над Махно. Подлинный дневник мог быть написан самой Ф. Гаенко (это объяснило бы некоторые несуразности в тексте, которые уже упоминались) или Г. Кузьменко (в пользу этой версии говорит несколько упоминаний «Фени» в третьем лице, но они могли попасть в текст при переписке, тем более что значительная запись о Фене, относящаяся к 24 февраля, вообще приписана в конце текста)⁵⁴. Во-вторых, весь текст от начала до конца мог быть написан Г. Кузьменко. Странности, связанные с его появлением на свет, могли быть следствием неразберихи в большевистских органах, типичной для времени гражданской войны. В этом случае критические записи четырех дней марта можно предположительно объяснить как следствие психологического срыва Махно и обиды жены на него. Впрочем, окончательный ответ на вопрос о подлинности записей 6–7 и 12–13 марта может дать только графологическая экспертиза. Во всяком случае, остальная часть текста не вызывает сомнений как подлинное свидетельство событий февраля–марта 1920 г.

Этот же период описывается в тексте В. Белаша, который тоже носит дневниковый характер и местами почти дословно повторяет «Дневник жены Махно». 55 Учитывая, что Белаш работал над своими мемуарами под контролем ГПУ, это не может считаться

доказательством подлинности дневника. Однако, как и автор дневника, Белаш добавляет к «заданной теме» пьянства Махно, собственные штрихи, показывающие успехи повстанцев и жестокости красных. 56

Видимо, как и в случаях с мемуарами В. Белаша и А. Чубенко, дневник содержит обширное историческое ядро и может быть использован в качестве надежного исторического источника при анализе тех вопросов, которые лежат в поле данного исследования. Что касается спорных фрагментов, компрометирующих Махно лично, то они принципиально не могут повлиять на характеристику военной и социальной политики движения, так же, как и скандалы, связанные с личным обликом современных политиков, в действительности имеют мало отношения к характеристике их политического курса.

В 1928 году государственное издательство напечатало «Мемуары белогвардейца» Н. В. Герасименко «Батько Махно» 57, представлявшие махновское движение в качестве кучки бандитов. Малейшее сравнение с архивными документами доказывает, что Н. Герасименко не имел никакого представления о движении и писал о нем понаслышке. Характерно, что это сочинение было переиздано большим тиражом в 1990 г. Крайне тенденциозными приходится признать и мемуары бывшего анархиста И. Тепера 58, вынужденного доказывать свою верность большевизму яростной критикой махновщины, в значительной части случаев далеко уходящей от фактической стороны событий, которую сегодня легко установить по архивным источникам. Тем не менее, в отличие от «воспоминаний» Н. Герасименко, работа И. Тепера имеет источниковое значение, так как содержит немало личных наблюдений, которые не продиктованы социальным заказом.

Воспоминания большевиков также неравнозначны. В них встречается и откровенная враждебность, существенное искажение фактов 59, и интерес к чисто военной стороне дела, отдающий должное военному искусству Махно 60, и даже некоторая симпатия, проглядывающая, например, в мемуарах В. Антонова — Овсеенко и А. Скачко. 61 Впрочем, здесь уже можно говорить не только о мемуарах, но и об историографии.

В историографии махновского движения уже в 20-е гг. резко выделились «очернительское» пробольшевистское и апологетическое

направления, преодоление которых в нашей стране началось только после 1988 г., когда стал выходить массовый «самиздат».

Границы объективности советской историографии демонстрирует вышедшая в 1927 г. книга М. Кубанина «Махновщина». 62 Это, пожалуй, наиболее фундаментальное исследование махновского движения в рамках марксистско–ленинской школы. Интересный материал, часть которого Кубанин почерпнул из труднодоступных до сих пор архивов, помогает решить немало загадок движения. Но работа Кубанина несет на себе ярко выраженную печать социального заказа — книга полна искажений фактов и идеологизированных оценок, которые «по наследству» перешли в более поздние пробольшевистские сочинения.

Интересная работа была опубликована в 1923 г. Б. Колесниковым 63, исследовавшим, кроме всего прочего, влияние махновского движения на рабочее движение. Естественно, и эта работа не лишена обусловленных господствующей идеологией недостатков.

С 20-х–30-х гг. вышло несколько пробольшевистских произведений гораздо худшего качества, которые, однако, ввели в научный оборот некоторые новые источники. 64 В 1966 г. вышла статья С. Семанова «Махновщина и ее крах» 65 — несомненное свидетельство упадка отечественной историографии гражданской войны даже в сравнении с 20-ми гг. Работа С. Семанова открыла собой новую полосу пробольшевистской историографии, характеризовавшейся отсутствием идейной новизны, но вовлекавшую в научный оборот новые источники — к сожалению, очень небольшими дозами, не позволявшими беспристрастному читателю составить собственное представление о движении. 66 В этом же духе выдержаны и обобщающие работы по истории анархизма, выполненные С. Каневым 67, но они представляют интерес благодаря привлечению богатого (для условий действия цензуры) фактического материала по истории анархистских организаций России и Украины.

Понятно, что господство таких научных по форме сочинений в отечественной историографии могло продолжаться только в условиях искусственного поддержания монополии марксистско–ленинской идеологии в историографии отечественной истории XX в.

«Последним вздохом» уходящей пробольшевистской историографии махновского движения и в то же время ее наиболее

характерным, «сводным» вариантом является работа В. Волковинского «Нестор Махно и его крах». 68 На ней стоит остановиться подробнее. Сочинение В. Волковинского является одним из примеров жанра, характерного для переходного времени «гласности» — сочетания тенденциозной публицистики с научным аппаратом. Произведения этого рода имеют научное значение благодаря введению в оборот большого количества источников. 69 Однако выводы и оценки таких книг из приводимых источников как правило не вытекают, а часто и прямо противоречат им. Сами источники, приводимые авторами, требуют проверки, так как их трактовки в ряде случаев могут расходиться с содержанием документа.

Безусловная приверженность В. Волковинского позиции коммунистической партии подчиняет историческую реальность и создает совершенно фантастический фон повествования. Например: «По призыву В. И. Ленина на борьбу с немецко-австрийскими захватчиками поднялись революционные массы страны». 70 Это — о времени сразу после заключения Брест — Литовского договора. И далее: «Взоры украинского народа были обращены к Советской России». 71 По В. Волковинскому, только «стойкие большевики» могут помочь «бывшему бунтарю разобраться в сложной обстановке и найти единственно верный путь в революции, научиться видеть перспективы революционного будущего». 72 Соотнесение с этим «единственно верным путем» и является критерием оценок автора.

Несмотря на обильное цитирование в работе В. Волковинского архивных источников, читателю приходится постоянно быть «на чеку». В. Волковинский доверяет прежде всего тем источникам, которые компрометируют Махно. Так, например, он некритически воспринимает воспоминания А. Чубенко даже в тех случаях, когда этот автор отсутствовал при описываемых им событиях, по поводу которых имеются другие источники. 73 То же касается и ссылок на иные тексты подобного рода (воспоминания И. Тепера, В. Белаша и др.), которые нуждаются в критическом подходе и выделении исторического ядра, не привнесенного «социальным заказом».

Небрежные отношения В. Волковинского к источникам проявляется даже в тех случаях, когда это не служит очернению Махно или другим поставленным автором целям. Так, например, характеризуя поведение Деникина на заседании его штаба, В. Волковинский

приводит в качестве достоверного факт, почерпнутый им из... анархистской газеты «Набат». 74

Даже в тех случаях, когда источники не вызывают сомнения, повествование В. Волковинского может прямо противоречить фактам, содержащимся в его же собственной работе. Тенденциозность автора порождает, таким образом, множество удивительных логических противоречий. Приведем несколько типичных примеров. Причину успехов Махно в 1917 г. В. Волковинский видит в том, что местным крестьянам не приходилось видеть и слышать других революционеров. 75 Совершенно непонятно, почему в таком случае популярность Махно только выросла после появления в районе «других революционеров» — большевиков. Рассказав об уничтожении махновцами трех человек, не занимавших никакого положения в новых органах власти, В. Волковинский утверждает, что Махно «с помощью оружия убрал всех, кто стоял на его пути к власти». 76 Эти «все» потом как ни в чем не бывало продолжают действовать, бороться с Махно. Запутавшись в соотношении реальных фактов и марксистско-ленинских схем, В. Волковинский то и дело опровергает сам себя. С одной стороны, он пишет, что «Махно не нашел ожидаемой помощи у крестьян», с другой (несколькими строками ниже), что «богатевшее крестьянство Гуляйполя» (кстати, неплохой результат правления анархистов) «начинало уже тогда создавать из Махно будущего крестьянского вождя, легендарного борца за интересы простых людей». 77 Оказывается, Махно «выдавал себя за политкаторжанина». 78 Самозванец. Но в начале той же книги мы читаем, что Махно попал на каторгу за принадлежность к анархистской террористической группе. Несмотря на все антикулацкие меры Махно В. Волковинский настойчиво характеризует его как «предводителя кулацкой контрреволюции». 79 На одной и той же странице автор обвиняет Махно то в диктаторстве, то в культивировании вседозволенности. 80 Тон опытного полководца звучит в таких оценках В. Волковинского: «Очень часто махновцы вели боевые действия вопреки здравому смыслу и логике». 81 И рядом — описание блестящих побед Махно.

Анализ идеологии махновского движения сводится у В. Волковинского к примитивизированному пересказу в трех абзацах Декларации махновцев и изложению «разговоров обывателей» (без ссылки на какие-либо источники) о том, что Махно хочет «установить

новый анархо–коммунистический строй — отобрать все у богатых и отдать бедным». 82 Все это можно было бы считать художественными деталями, которыми полон «роман» В. Волковинского, если бы не постоянные обвинения Махно в беспринципности и отходе от анархизма при любом прагматическом шаге «батько».

«Художественный стиль», который в последние годы распространяется в околонучной литературе (особенно при написании «исторических портретов»), располагает к разнообразным «психологическим реконструкциям» — разумеется, без ссылок на источники. В домыслах такого рода чувствуется влияние теорий психоанализа. Вот несколько типичных характеристик Махно в книге В. Волковинского: «болезненное стремление быть в центре внимания, выделяться любой ценой», «мания величия и жажда лести», «патологическая нетерпимость к любого рода соперничеству», которую, оказывается, «подчеркивали все, кто знал батьку». 83 Здесь, как и в других подобных сюжетах, нет ссылок на конкретные источники. Но ни В. Антонов — Овсеенко, ни П. Аршинов, лично знавшие Махно, не «подчеркивают» в своих мемуарах такой «патологии». Этот фантастический образ, также без ссылок на источники, дополняется упоминаниями анархистских оргий. 84 Раз есть анархисты — должны быть и оргии. Все это больше напоминает рассуждения Тома Сойера о разбойниках, чем научную работу.

20-е годы положили начало и апологетической анархистской традиции в историографии махновского движения. Это прежде всего книга П. Аршинова «История махновского движения». 85 Столкнувшись с волной клеветы в свой адрес, анархисты вынуждены были принять политические правила игры и противопоставить «обвинительным» сочинениям свои «оправдательные». Эту же позицию вынуждены были занять и анархистские авторы 80-х гг., стремившиеся в условиях развернувшейся идеологической борьбы по поводу «белых пятен истории» показать только положительные стороны махновского движения. Задачи всестороннего анализа движения анархистами в то время еще не ставились, но они стремились предпринять анализ идеологии лидеров движения с учетом исторического опыта XX в. Автор данной книги отдал дань этой традиции. 86

Большинство работ о Махновском движении эпохи «гласности», несмотря на попытки отхода от марксистско–ленинского мировоззрения, сохраняли верность мифам, созданным ранее пробольшевистской историографией. Этот период характеризуется, прежде всего, стремлением «большой прессы» представить «махновщину» как «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Сам Махно выглядит здесь человеком политически до крайности наивным. Причина подобного недоразумения как в фактических ошибках, так и в слабом знакомстве таких авторов, как В. Голованов и С. Семанов, с социальными идеями анархизма. 87 Это затрудняет понимание мотивов поведения Махно и для более серьезных исследователей, таких как В. Верстюк. Работа В. Верстюка подробно и добросовестно рассматривает военные аспекты проблемы. Его же перу принадлежит введение к сборнику документов и опубликованных ранее воспоминаний, посвященных Махно и махновскому движению. 88

Немарксистская историография за рубежом преследовала целью познакомить читателей с фактической канвой событий, подчас весьма бегло. Чувствуется и влияние апологетической традиции. Также зарубежным авторам приходится отвлекаться от основной темы, посвящая немалую часть повествования рассказу о событиях Российской революции 1917–1921 гг. Работу зарубежных авторов затруднял также относительный дефицит базы первоисточник. Однако такими авторами как А. Скирда и М. Маллет, были предприняты глубокие исследования основных проблем, связанных с движением, хотя социальные преобразования и не находились в центре внимания этих исследователей. 89

Новые источники, которые стали доступными немарксистским исследователям лишь с конца 80-х гг., заставляют вернуться не только к анализу социального содержания движения, но и к подробному рассмотрению фактической стороны событий. В этой работе автор надеется продолжить исследование, часть результатов которого была опубликована в 1993 г. 90

Район, в котором разворачивалось Махновское движение, охватывает преимущественно юг левобережной Украины и восток Донбасса. Махновцы действовали и на правобережье, прежде всего в Екатеринославе, а также на Полтавщине и Черниговщине. Ядро района

располагалось в районе городка Гуляйполе Александровского уезда. История этих мест связана борьбой земледельческой и кочевой культур, с казачьей вольницей. Однако к началу XX в. от Запорожского казачества остались одни воспоминания. Местную степь заселили новые люди с новым укладом жизни.

Политизация исторической науки в СССР существенно затруднила даже анализ социальной и экономической структуры района, в котором разворачивалось движение — Таврия, Северное Приазовье, Екатеринославская, часть Херсонской и Мариупольской губерний. Марксистская историография утверждала, что этот район — кулацкий, что кулацкие хозяйства составляли здесь 22 % от общего числа хозяйств. 91

Сейчас такая оценка могла бы выглядеть комплиментом — «кулацкое движение» уже не является негативной оценкой и рождает в воображении романтическую картину «крепкого фермера», поднявшегося на борьбу за экономическую свободу. Однако от этой версии придется отказаться. Цифра 22 % получается лишь в том случае, если считать кулаками крестьян, располагавших более чем 10-ю десятинами земли 92, что даже в марксистской историографии считается «перегибом». 93 Основой сельского хозяйства оставались здесь помещичьи и крестьянские хозяйства. Кулачество сосредоточивалось прежде всего на немецких хуторах — инородной для крестьян структуре. Попытка в ходе столыпинских реформ разрушить крестьянскую общину встретила сопротивление и в Екатеринославской губернии. 94

Район будущего махновского движения был одним из самых «рыночных» во всей Российской империи. Близость портов и развитая железнодорожная сеть стимулировали развитие хлебного рынка. В Екатеринославской губернии в 1913 г. было произведено 109806 пудов пшеницы. Из них за пределы губернии отправлено 52757 пудов. 95 В эту долю не входит внутригубернский рынок, который тоже было достаточно широк — губерния была насыщена промышленными центрами, потреблявшими хлеб.

Наиболее активной фигурой на екатеринославском хлебном рынке оставался крестьянин — за 1862–1914 гг. крестьянам степной зоны удалось купить у помещиков почти половину их земель. Но помещики безудержно повышали цены на землю 96, удушая

крестьянское хозяйство. Опираясь на помощь государства, они стремились сохранить арендные отношения с крестьянами. Это, естественно, вызывало враждебность крестьян ко всем крупным формам частного землевладения, в том числе и кулацким. В то же время общинно–рыночная форма крестьянского хозяйства облегчала развитие в районе различных форм сельскохозяйственной кооперации, которой активно помогало земство. 97

Рыночность общинного хозяйства способствовала развитию в районе сельскохозяйственного машиностроения и других форм связанной с селом промышленности. В Екатеринославской и Таврической губерниях производили 24,4 % сельскохозяйственных машин страны (в Москве — только 10 %). 98 Значительная часть екатеринославской промышленности была рассеяна по губернии — небольшие городки и крупные села представляли собой настоящие агропромышленные комплексы. В будущей столице махновского движения Гуляйполе действовал чугунолитейный завод и две паровые мельницы, а в Гуляйпольской волости-12 черепичных и кирпичных заводов. 99 Это приводило не только к высокой товарности хозяйства, но и к тесной связи крестьян с рабочим классом, который был рассеян в сельской местности. Многие крестьяне уходили на заработки и в соседние крупные промышленные центры. В то же время в случае кризиса промышленности они могли вернуться в деревню. Сама деревня в этом случае была в большей степени защищена от нехватки промышленной продукции, так как часть ее производилась здесь же, под боком. Большие города представляли в этих условиях для крестьян чуждый и не столь уж необходимый мир.

В таких условиях и зарождалось одно из крупнейших в нашей истории народных движений

3. Еще не батько

Нестор Иванович Махно думал, что он родился 27 октября 1889 года. Такова уж была его судьба, что даже дата рождения связана с мистификациями. Метрическая книга говорит, что 26 октября 1888 года в семье Ивана Родионовича Михно и его законной жены Евдокии Матвеевны, родился сын Нестор. На следующий день он был крещен. 100 Родители исказили год рождения сына, чтобы подольше не отдавать его в армию. Впрочем, в царскую армию молодой Нестор так и не попадет, а родительская выдумка спасет ему жизнь, когда по малолетству смертная казнь для него будет заменена каторгой.

Фамильное имя «Махно» Нестор получил благодаря традиции крестьян этих мест сокращать полную фамилию в знак уважения. Фамилия Махно — Михненко. Но отец звался Михно, а сын — Махно. Интересно, что позднее на пути Махно встретится его «полуоднофамилец» Михно. И будет бит.

Отец Махно, бывший крепостной крестьянин, а затем конюх помещика Мабельского, кучер заводчика Кернера (натерпятся наследники фабриканта от сына конюха), скончался в 1890 г. «Пятеро нас братьев—сирот, мал мала меньше, остались на руках несчастной матери, не имевшей ни кола, ни двора. Смутно припоминаю свое раннее детство, лишенное обычных для ребенка игр и веселья, омраченное сильной нуждой и лишениями, в каких пребывала наша семья, пока не поднялись на ноги мальчуганы и не стали сами на себя зарабатывать», 101 — вспоминал батько в 1921 г.

Заработки старших братьев позволили Махно получить сносное начальное образование. «На восьмом году мать отдала меня во 2-ю Гуляйпольскую начальную школу. Школьные премудрости давались мне легко. Учился я хорошо. Учитель меня хвалил, и мать была довольна моими успехами. Так было в начале учебного года. Когда же настала зима, и река замерзла, я по приглашению своих товарищей стал часто вместо класса попадать на реку, на лед. Катанье на коньках с сотней таких же шалунов, как и я, меня так увлекло, что я по целым неделям не появлялся в школе. Мать была уверена, что я по утрам с книгами отправляюсь в школу и вечером возвращаюсь оттуда

же. В действительности же я каждый день уходил только на речку и, набегавшись, накатавшись там вдоволь со своими товарищами, проголодавшись — возвращался домой. Такое прилежное мое речное занятие продолжалось до самой масленицы. А в эту неделю, в один памятный для меня день, бегая по речке с одним из своих друзей, я провалился на льду, весь измок и чуть было не утонул. Помню, когда сбежались люди и вытащили нас обоих, я, боясь идти домой, побежал к своему родному дяде. По дороге я весь обмерз. Это вселило дяде боязнь за мое здоровье, и он сейчас же разыскал и сообщил обо всем случившемся моей матери. Когда явилась встревоженная мать, я, растертый спиртом, сидел уже на печке. Узнав в чем дело, она разложила меня через скамью и стала лечить куском толстой скрученной веревки. Помню, долго после этого я не мог сидеть как следует на парте, но помню также, что с тех пор я стал прилежным учеником. Итак, зимою я учился, а летом нанимался к богатым хуторянам пасти овец или телят. Во время молотьбы гонял у помещиков в арбах волов, получая по 25 копеек в день». 102

Будущий сподвижник Махно В. Белаш писал: «поднявшись немного и окрепнув, Махно поступил чернорабочим на чугунолитейный завод Кернера. И здесь его не покидало болезненное стремление быть в центре внимания, выделяться любой ценой (свои мемуары В. Белаш писал с оглядкой на большевистскую цензуру — А. Ш.). Узнав, что на заводе есть любительский театральный кружок, руководителем которого был Назар Зуйченко, Махно попросил записать его в труппу. «Однажды подходит ко мне Нестор Махно, — вспоминал позднее Зуйченко — и просит принять его в артисты. Ну, чего раздумывать, смешить так смешить публику. А он — что мальчик с пальчик, вот так, по пояс мне...Приняли». 103

Так формировался характер будущего революционера. Условия почти идеальные: бедность, стремление выбраться из нищеты, самоутвердиться и в чем-то отомстить виновникам горькой доли, упорство, необходимое для выживания, низкий рост — известный в истории стимул к самоутверждению. Навыки театрального искусства также очень полезны для политика. Но почему из миллионов сверстников, оказавшихся в тех же условиях и в той же культурной среде вольного приазовского края, вождем массового движения стал именно он?

Жизнь Махно до 1906 года напоминает историю о сапожнике, который был по способностям самым выдающимся полководцем мира, но за всю жизнь так и не попал на войну. В стабильном обществе из него мог выйти диссидент–бунтарь, актер, предприниматель или организатор профсоюзного движения (в 1917 г. он некоторое время будет «профбоссом»). Махно не имел достаточной культурной «базы» для того, чтобы стать, скажем, парламентским политиком. К 1905 г. он был одним из сотен тысяч молодых людей низшего класса, мечтавших о том, чтобы вырваться из безысходной обыденности. Течение дальнейшей жизни каждого из них определила революционная эпоха.

Началась революция 1905 г. 22 февраля завод Кернера забастовал. Рабочие требовали улучшений условий труда, отмены штрафов и сверхурочных работ. Так Махно впервые окунулся в политическую жизнь.

5 сентября 1906 г. в Гуляйполе начала действовать террористическая «Крестьянская группа анархистов–коммунистов» (другое название — «Союз вольных хлеборобов»). Как потом выяснилось, во главе группы стоял Вольдемар Антони, связанный с екатеринославскими анархистами, и братья Семенюты — Александр и Прокопий.

Для тихого провинциального городка это была сенсация, а для молодого, жаждущего приключений Нестора — шанс вырваться из замкнутого круга обыденности. Он «вычислил» террористов быстрее полиции и заставил их принять себя в состав группы, а уже 14 октября участвовал в ограблении. Мальчишка был опьянен новой ролью, он обладал оружием, боролся за счастье людей (правда, террористы пока расходовали добытые средства на себя и покупку оружия, а не на «бедных»). Нестора «распирало» желание показать односельчанам свою новую силу. В конце 1906 г. он применил пистолет в бытовой ссоре, по счастью без жертв. Его тут же арестовали за хранение оружия, но потом по малолетству отпустили.

В течение года группа провела четыре бескровных ограбления. Молодые люди в черных масках (или вымазанные грязью) требовали денег «на голодающих» или просто так, представлялись анархистами и скрывались в неизвестном направлении. Их добычей стало около 1000 рублей. 104

27 августа Махно вступил в перестрелку со стражниками. Через некоторое время он был опознан и арестован. Но друзья не бросили Нестора в беде. Под давлением террористической группы опознавший Махно крестьянин забрал назад свои показания. Но молодому рабочему не повезло — 15 февраля 1908 г. задержанный после ограбления завода Кернера А. Ткаченко признался, что участвовал в перестрелке со стражниками вместе с Махно. Нестору угрожал военно-полевой суд, который в то время обычно заканчивался казнью. Но улики все еще были шаткими, Махно пользовался хорошей репутацией на заводе (вступив в группу, он не бросил работу), и заводское начальство внесло за него залог в 2000 рублей. 4 июля Махно вышел из тюрьмы и уехал в Екатеринослав. 105

Пока Махно сидел в тюрьме, 19 октября 1907 г. при нападении на почту террористы убили городского и почтальона. Это было первое убийство, совершенное террористами. Антони и ряд других членов группы были арестованы, но за недостаточностью улик высланы. Тем временем крестьянин Зуйченко рассказал сокамернику Брину о том, что он участвовал в нападении. Когда Зуйченко выпустили, Брин передал его слова полиции. Начались допросы и аресты. Между тем 10 апреля 1908 г. произошло новое успешное ограбление. После этого группу уже устойчиво преследуют неудачи — 13 мая не удалось нападение на дом купца Шидлера, была ранена его дочь, а 9 июля в селе Новоселовке при нападении на казенную винную лавку был убит сиделец. Грабители явно не ожидали такого исхода и бросились бежать. Оба убийства, совершенных бандой, были случайностью, а не запланированными актами «террора».

Интересно, что уже с 1907 г. банда гуляйпольских «робин-гудов» действовала под наблюдением полиции. Доблестные стражи порядка не спешили остановить молодых людей с пистолетами, давая им поглубже увязнуть в преступлениях — чтобы потом создать максимально громкое дело. «Роль Шерлока Холмса в раскрытии гуляйпольской группы выпала на долю проживающего в Гуляйполе пристава Караченцева. Для обнаружения ее участников сельский сыщик пустил в ход обычное российское орудие — провокацию. В группу были «влиты» агенты Караченцева, принимавшие участие в нападениях, они сообщили ему о работе группы», 106 — рассказывает советский исследователь Г. Новополин, изучавший материалы

судебного дела. Полиция выявила 14 членов группы. Одного из агентов полиции — Кушнера — террористы вычислили и убили. Но Караченцев уже шел по следу распадающейся группы террористов. После убийства 28 июля урядника, Караченцев «накрыл» членов группы Хшиву, Левадного, Зуйченко и Альтгаузена, и заставил их говорить. В тот же день ядро группы было окружено в Гуляйполе, но после боя анархисты прорвались. После этого группа фактически распалась и вылавливалась по частям. Антони и А. Семенюта уехали за границу. 26 августа Махно снова оказался в тюрьме.

Он ни в чем не признавался. В конце концов на свободе он находился легально. 1 сентября была перехвачена записка Махно Левадному «берите на себя дело», но Нестор легко объяснил как требование не наводить на него напраслину. Дело рассыпалось. Давшие показания раньше, утверждали, что были вынуждены к этому побоями. Тогда Хшива был отдельно приговорен к смерти и 17 июня 1909 г. повешен. После этого Зуйченко и Левадный подтвердили свои показания (последнего это не спасло — он вскоре умер). 107

31 декабря 1908 г. Махно пытался бежать, но был схвачен. 5 января 1910 г. П. Семенюта попытался освободить друзей при их перевозке в Екатеринослав, но неудачно (помешал провокатор Альтгаузен). Последним актом группы стало убийство пристава Караченцева 22 ноября 1909 г.

20 марта 1910 г. группа анархистов, в том числе Махно, предстала перед военно-полевым судом. Это не предвещало ничего хорошего. Правительство П. Столыпина решило ответить на революционные волнения беспрецедентными для России репрессиями, которые ужаснули даже противников революционеров. «Никто столько не казнил, и самым безобразным образом, как он, Столыпин, никто не произвольничал так, как он, никто не оплевывал так закон, как он, никто не уничтожал так хотя бы видимость правосудия, как он, и все сопровождая самыми либеральными речами и жестами», — писал С. Витте, и продолжал, он «казнит совершенно зря: за грабеж лавки, за кражу 6 рублей, просто по недоразумению... Одним словом, явилась какая-то мешанина правительственных убийств, именуемая казнями». 108 Так начинало раскручиваться в России печально известное «красное колесо». Военно-полевые суды не были обязаны тщательно разбираться, кто конкретно кого убил. Они устанавливали

ответственность группы, политический подтекст и выносили смертные приговоры.

22 марта Нестор Махно вместе со своими товарищами «за принадлежность к злонамеренной шайке, составившейся для учинения разбойных нападений, за два нападения на жилой дом и покушение на такое же нападение» был приговорен к смертной казни через повешение. 109 К этому времени Махно не участвовал ни в одном убийстве и по законам «мирного времени» должен был получить каторгу. Но в стране фактически шла гражданская война.

Нестор ждал исполнения приговора. Он был молод, полон энергии. А его ждала виселица. Махно не знал, что в это время бюрократические органы продолжают решать его судьбу. Решающую роль сыграла подделка даты рождения — Махно все еще был несовершеннолетним. Это позволило властям учесть и то, что его собственные преступления не сопровождались гибелью людей. В итоге Столыпин лично санкционировал замену смертной казни вечной каторгой.

Трудно представить себе, как бы сложилась история России, а может быть и мира, если бы Нестор Махно все-таки был бы казнен в 1910 г. Исторические развилки иногда зависят от таких обстоятельств. Нет талантливого вождя — нет и революционной армии. В тылу Деникина не разворачивается махновская «республика», не разрушает коммуникации, не оттягивает на себя войска. Белая армия врывается в Москву. Рассыпается большевистский режим. Но лучше ли другая власть — диктатура настроенной на месть аристократии. Вечная проблема европейской истории XX века — выбора между коммунизмом и фашизмом. Без Махно могло не быть успешного формирования Сиваша в 1920 г. (помните аксеновскую утопию «Остров Крым»). Но без того же Махно военно-коммунистическая машина большевиков работала бы более слаженно, и, кто знает, ворвалась бы в Центральную Европу уже в 1919 году. А Новая экономическая политика 1921–1929 гг., многому научившая мир. Пошли бы на нее большевики, если бы не успехи Махно и Антонова, если бы не Кронштадское восстание, отчасти также вдохновленное махновским опытом? Да что Кронштадт — значительная часть антифашистских бойцов во время гражданской войны в Испании повторяла имя Махно, готовясь к атаке. Махно уже умер, а его опыт

вдохновлял людей на сопротивление красному и коричневому тоталитаризму, распolzавшемуся по Европе. И все эти черты современной истории висели на волоске весной 1910 г.

2 августа 1911 г. Махно был отправлен в Московскую центральную пересыльную тюрьму (Бутырки), где и «осел». Здесь он продолжал бунтовать, спорил с тюремным начальством, за что часто отправлялся в карцер. Итог — туберкулез, болезнь, которая приведет Нестора Ивановича к смерти в 1934 г. А пока юный каторжанин не хоронил себя заживо. Он верил в революцию, верил, что она прервет его вечную каторгу, что он еще вернется домой. Нестор писал письма родным и своей любимой девушке Анне Васецкой. «Ведь помнишь, как радостно нам было, когда мы были дома, а Савва в Японии, в плену, и когда мы получили от него письмо, отражающее собой всю жизнь его. Как больно, тяжело и в то же время радостно было нам оттого, что он жив, что у него есть надежда быть в живых и возвратиться на родину. Так ожидаю я от Вас и Нюси того письма, которое мне скажет, что вы обе живы—здоровы, что у Вас, мама, есть надежды на здоровую жизнь и на счастье увидеть меня возле себя, а у Нюси надежды на ее счастливую юную жизнь, познающую свое призвание, и также видеться со мной. Я от одного только воспоминания прихожу в неопишваемое упоение». 110 Мечты сбудутся, их судьбы снова соединятся в 1917 г., родится ребенок. Но безжалостные волны гражданской войны разметают эту семью уже на следующий год. Когда Махно вернется в свои края в 1918 г., Нюси он не найдет, и в 1919 г. создаст новую семью.

А тем временем тюремные «университеты» продолжались. Судьба снова укрепила его в анархистских взглядах, послав сокамерником П. Аршинова — бывшего большевика, а с 1904 г. — анархиста—коммуниста, последователя Кропоткина. Аршинов изложил Махно основы идеологии анархизма, какой сам ее понимал.

Аршинов вспоминал о своем ученике: «Как ни тяжела и безнадежна была жизнь на каторге, Махно, тем не менее, постарался широко использовать свое пребывание на ней в целях самообразования и проявил в этом отношении крайнюю настойчивость. Он изучил русскую грамматику, занимался математикой, русской литературой, историей культуры и политической экономией. Каторга, собственно, была единственной школой, где Махно почерпнул исторические и

политические знания, послужившие затем ему огромным подспорьем в последующей его революционной деятельности. Жизнь, факты жизни были другой школой, научившей его узнавать людей и общественные события...

В обстановке каторги он ничем особенным не отличался от других, жил, как и все прочие, — носил кандалы, сидел по карцерам, вставал на поверку. Единственное, что обращало на него внимание, — это его неутомимость. Он вечно был в спорах, в расспросах и бомбардировал тюрьму своими записками. Писать на политические и революционные темы у него было страстью. Кроме этого, сидя в тюрьме, он любил писать стихотворения и в этой области достиг большего успеха, чем в прозе». 111

Так могло продолжаться несколько десятилетий. Следующая революция «запаздывала». Как много в истории примеров, когда пламенные революционеры выходили из камеры уставшими стариками с умеренными взглядами. Нестору Махно повезло больше.

Примечания к главе 1

1. Боровой А. Общественные идеалы современного человечества. М. 1906. С. 45.

2. подробнее см. Бакунин М. А. Государственность и анархия. Соч. Т. 1. Пг. — М., 1919; Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М. 1990; Боровой А. Общественные идеалы современного человечества. М. 1906; Конфедерация анархо-синдикалистов. I съезд. М. 1989.)

3. Бакунин М. А. Сочинения, Пг, 1919–1926. Т. 2. С. 166.

4. Бакунин М. А. Бог и государство. М., 1906. С. 20.

5. Бакунин М. А. Соч. Т. 4 С. 285.

6. Бакунин М. А. Философия, социология, политика. М., 1989. С. 548.

7. Бакунин М. А. Соч. Т. 3 С. 12.

8. Бакунин М. А. Соч. Т. 5 С. 200.

9. Толстой Л. Н. Поли. собр. соч. Т. 45. М, 1956. С. 257.

10. Там же, Т. 52. С. 47.

11. Пирумова Н. М. Социальная доктрина М. А. Бакунина. М., 1990. С. 144.

12. Бакунин М. А. Соч. Т. 2. С. 169.

13. Цит. по Максимов Г. Беседы с Бакуниным о революции. Чикаго, 1934. С. 42

14. Бакунин М А Соч Т 5 С. 201.

15. Там же, С. 197.

16. Пирумова Н. М ук. соч. С. 145.

17. См. Неттлау М. Очерки по истории анархических идей. Tucson, 1991. С. 102–104.

18. Кропоткин П. А. ук. соч. С. 28.

19. Там же, С. 53.

20. Там же, С 28.

21. Там же, С. 181.

22. Там же, С. 185.

23. Там же, С. 47.

24. Там же, С. 51.

25. Там же, С. 40.
26. Там же, С. 45.
27. Там же, С. 45, 75.
28. Там же, С. 51, 69, 72, 75.
29. Там же, С. 55, 56
30. Там же, С. 79. 31 Там же, С.
31. Там же, С. 92, 199.
32. Например, Кропоткин П. А. укр. соч. С. 140.
33. Там же, С. 165
34. Там же, С. 45, 129, 199.
35. Там же, С. 187.
36. Государственное совещание. М.-Л., 1930. С. 231.
37. Махно Н. И. Под ударами контрреволюции. Париж, 1936. С. 131.
38. Исаев А. К. Оценка М. А. Бакуниным теории и программы «государственного социализма». // «Община». № 50. 1997.
39. Бакунин М. А. Соч. Т. 1. С. 84.
40. Центральный державний архів громадських об'єднань України (далее — ЦДАГОУ), Государственный архив Запорожской области (далее — ГАЗО), Российский Государственный Военный архив (далее — РГВА), Российском центре хранения и исследования документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ) и др. Документы из коллекции Института социальной истории цитируются по Skirda A. Les Cosaques de la Liberté. Nestor Makhno, le Cosaque de l'Anarchie et la guerre civile russe 1917–1921. Millau, 1985.
41. Чего добиваются повстанцы–махновцы, Гуляйполе, 1919; Протоколы II съезда фронтовиков, повстанческих, рабочих и крестьянских Советов, отделов и подотделов. Гуляйполе, 1919; Газеты «Путь к свободе», «Повстанец», «Гуляйпольский набат».
42. Махно Н. Российская революция на Украине. Париж, 1929; Махно Н. Под ударами контрреволюции. Париж, 1936; Махно Н. Украинская революция. Париж, 1937; Махно Н. Махновщина и ее бывшие союзники большевики. Париж, 1929; ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1.
43. Антонов — Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. М.-Л. 1932; Колос Г. А. Заметки о подполье и вооруженной борьбе 1918–1919 гг. Днепропетровск, 1927; Какурин М. Как сражалась революция. М., 1926; Скачко А. 2-я Украинская красная армия. // Нестор Иванович

Махно. Киев, 1991; Пятая годовщина Октябрьской революции. Екатеринослав, 1922; Октябрьская революция, 1-е пятилетие. Харьков, 1922.

44. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 330.

45. 40 дней в Гуляйполе. Воспоминания матушки Галины — жены батьки Махно. Владимир, М. 1990.

46. Эйдеман Р. П. Борьба с кулацким восстанием и бандитизмом. Харьков, 1921. С. 46.

47. Руднев В. Махновщина. Харьков, 1928, С. 18.

48. Махно Н. Махновщина... С. 28–29.

49. 40 дней...

50. Там же, С. 1.

51. «Община», N 43, С. 9.

52. Там же, С. 8.

53. 40 дней... С. 2.

54. ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351, Л. 217–218.

55. Там же, Л. 217.

56. Герасименко Н. В. Батько Махно. Мемуары белогвардейца. М., 1990.

57. Тепер И. (Гордеев). Махно: от «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков, 1924.

58. Например, Яковлев Я. Русский анархизм в Великой русской революции. М. 1921; Лозовский А. Анархо–синдикализм и коммунизм. М., 1923; Руднев В. В. Махновщина. Харьков, 1928; Горев Б. И. Анархизм в России (от Бакунина до Махно). М., 1930; Залежский В. Анархисты в России. М., 1930; Равич — Черкасский М. Анархисты. Харьков, 1930; Ярославский Е. М. Анархизм в России. М., 1939.

59. Антонов — Овсеенко В. А. Скачко А Ук. соч., Какурин М. Как сражалась революция. М., 1926.

60. Например, Антонов — Овсеенко В. А. Ук. соч; Скачко А ук. соч.

61. Кубанин М. Махновщина. Л., 1927.

62. Колесников Б. Профсоюзное движение и контрреволюция. Харьков, 1923.

63. Руднев В. В. ук. соч.; Равич — Черкасский М. Анархисты. Харьков, 1929; Ярославский Е. М. Ук. соч.

64. «Вопросы истории», N9, 1966.

65. Комин В. В. Анархизм в России. Калинин, 1969; Білий П. Х. Разгром махновщина // Український історичний журнал. 1971. № 5; Незнамова Т. М. КП(б) Украины — организатор трудящихся масс на разгром махновщины (конец 1920–1921 гг.). Киев, 1971; Кучер О. О. Розгром збройної внутрішньої контрреволюції на Україні в 1921–1923 рр. Харьков, 1971; Волковинський В. М. М. В. Фрунзе на Україні. Київ, 1985; Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. Кн. 1–2 и др.

66. Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма 1917–1922 гг.). М., 1974; Канев С. Н. Революция и анархизм. Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840–1917 гг.). М., 1987.

67. Волковинский В. Н. Махно и его крах. М., 1991.

68. Наиболее характерным примером этого жанра, на наш взгляд, являются работы Д. Волкогонова из серии «Вожди».

69. Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 37.

70. Там же, С. 45.

71. Там же, С. 73–74.

72. Там же, С. 38.

73. Там же, С. 72.

74. Там же, С. 28.

75. Там же, С. 30.

76. Там же, С. 32.

77. Там же, С. 38.

78. Там же, С. 47.

79. Там же, С. 129.

80. Там же, С. 133.

81. Там же, С. 57, 136–137.

82. Там же, С. 14, 75, 89.

83. Там же, С. 31.

84. Аршинов П. История махновского движения. Берлин, 1923.

85. См., например, Шубин А. Махновское движение. // Община, № 34. 1989.

86. См. «Литературная газета». 8. 2. 1988; Семанов С. Махно как он есть. М., 1991. С. Семанов прямо признается, что ему читать анархистские издания «не интересно» (С. 45).

87. Верстюк В. Комбриг Нестор Махно. Харьков, 1990; Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы и документы. Киев, 1991.

88. V. Peters V. Nestor Makhno: The Life of the Anarchist. Winnipeg, 1970; Palij M. The Anarchism of Nestor Makhno, 1917–1921: An Aspect of the Ukrainian Revolution. Seattle; L, 1976; Sysyn E. Nestor Makhno and the Ukrainian Revolution. Cambridge, Massachusetts, 1977; Temon Y. Makhno: La Revolte Anarchiste. Brussels, 1981; Mallet M. Nestor Makhno in Russian Civil War. Oxford, 1982; Skirda A. Les Cosaques de la Liberte. Nestor Makhno, le Cosaque de l'Anarchie et la guerre civile russe 1917–1921. Millau, 1985; Гончарок М. Век воли. Русский анархизм и евреи (XIX–XX вв.). Иерусалим, 1996.

89. Шубин А. Махновское движение на Украине. 1917–1921 гг. //«Дружба народов». 1993, №3–4.

90. История Украинской ССР Т. 6. С. 16.

91. Кубанин М. ук. соч. С. 19.

92. Стрижаков Ю. К. Продотряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции 1917–1921 гг. М. 1973. С. 225.

93. См, например, Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 74.

94. Вся Екатеринославская губерния. Екатеринослав, 1913, С. 3.

95. Кубанин М. Ук. соч., С. 18–19.

96. Вся Екатеринославская ... С. 9–10.

97. Кубанин М. С 11.

98. Вся Екатеринославская ... С. 42.

99. Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 11. В. Волковинский проделал большую и весьма ценную работу по исследованию ранней биографии Н. Махно. Вероятно, потому, что в это время Н. Махно еще не вел борьбу против большевиков, В. Волковинский в этой части своей работы гораздо объективен, чем дальше.

100. Нестор Иванович Махно. С. 31.

101. Там же, С. 32.

102. Летопись революции 1928. № 3. С. 191.

103. Нестор Иванович Махно. С. 132–133.

104. Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 17–19.

105. Нестор Иванович Махно. С. 134.

106. Там же. С. 135.

107. Цит. по Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 65.

108. Цит. по Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 24.
109. Там же. С. 26.
110. Аршинов П. Ук. соч. С. 50, 215.
111. Там же.

Глава II. Волны революции (1917– 1918 гг.)

1. Вождь местного значения

Крушение Империи в феврале 1917 г. положило начало Великой Российской революции 1917–1921 гг. — небывалым социальным сдвигам и столкновениям. Такие эпохи несут с собой не только всплески агрессивности и насилия, но и огромные возможности для выдвижения на общественную авансцену талантливых людей. А Махно, без сомнения, был талантливым актером социальной сцены, важно было не потерять роль.

Государственная машина распалась, новая — еще только создавалась. У крестьян и рабочих района возникла возможность организовать свою жизнь по собственному усмотрению. В марте в Гуляйполе возвращается Махно. Крестьяне встретили бывшего каторжника как героя, борца за народное счастье. И тут же анархист окунулся в политический водоворот — революция не терпит нерешительных. На этот раз он уже не был рядовым членом группы — тюремное прошлое в этот момент было источником авторитета. Нестор стал лидером, но лишь одним из многочисленных общественных лидеров этих мест. Революция создает перепроизводство политиков — сторонники Временного правительства, националисты, эсеры. Где-то в городах маячили большевики и другие анархисты. Политический выбор на любой вкус. От конкретных политических шагов Махно зависело, пойдут ли за ним крестьяне и рабочие этих мест. И надо отдать Нестору должное — шаги эти были точно рассчитаны. Он чутко вслушивался в требования масс, обращал их в собственную программу, ярко преподносил ее на митингах и воплощал в жизнь. Не в этом ли искусство демократического политика?

В своих действиях Махно опирался на воссозданную группу анархо-коммунистов (далее — ГАК), состоявшую из его еще дореволюционных товарищей. По словам самого Махно, ему оказывали помощь местные учителя. Взгляды ГАК и самого Махно в это время еще очень расплывчаты. Махно и его товарищи находились под общим для анархистов того времени влиянием идей П. А. Кропоткина, понимаемых крайне абстрактно и упрощенно. 1 Выступая перед группой сразу по приезде в Гуляйполе, Махно определил в

качестве важнейших задач «разгон правительственных учреждений и объявление вне всяких прав на существование в нашем районе частной собственности на земли, фабрики, заводы и другие виды общественных предприятий» и укрепление связей с крестьянами.

Прежде всего Гуляйпольских анархо–коммунистов отличал от остальных анархистов крестьянский прагматизм. Выступая против самого принципа государственности, анархо–коммунисты повели упорную борьбу за власть. Им удалось создать руководимый анархистами Крестьянский союз, который парализовал орган Временного правительства — Общественный комитет, захватил все его секции и фактически превратился в высший орган власти в районе — Гуляйпольский Совет. Система власти анархо–коммунистов опиралась на разветвленную сеть массовых организаций, которые поддерживали политику Махно — профсоюзы, заводские комитеты, комитет батраков, сходы–собрания. Последние представляли собой своего рода постоянно действующий референдум, который позволял анархистским лидерам осуществлять обратную связь с населением. Сходы–собрания были основой формирования совета, который по инициативе Махно избирался по принципу делегирования. Делегаты посылались в Совет от относительно компактных групп населения, что облегчало их связь с избирателями. 3

Но как только встал вопрос о более широкой координации общественных усилий, Махно выступил против системы делегирования, теоретически разработанной П. Прудоном (о чем Махно, конечно, не знал). Многоступенчатому делегированию представителей нижестоящих организаций в вышестоящие органы Махно предпочитал съезды низовых Советов. Поэтому он выступил против представительства на губернском съезде только делегатов от уезда, «заявив свой протест против того, что губернский съезд не собирает непосредственно с мест крестьянских и рабочих делегатов».

4 Если бы на губернские съезды действительно собирались представители всех местных советов, это сделало бы их еще более громоздкими и неработоспособными (что упрощало задачу захвата Советов большевистской партией). Но Махно исходил из того, что губернский уровень должен получать от местного самоуправления минимум политических полномочий и потому его эффективность не столь важна.

Рост влияния Гуляйпольского Совета в регионе ставил перед его лидерами новые задачи — необходимо было решать земельную проблему. Посещавшие Гуляйполе в мае делегации окрестных и далеких сел задавали Махно прежде всего один вопрос, как быть с землей. Придя к власти, махновцы захватили земельные документы и провели учет земель (разительный контраст с крестьянскими движениями предыдущих эпох, когда крестьяне жгли земельные документы). Крестьянство стремилось захватить земли помещиков и кулаков. Это требование Махно ставит на первых съездах советов района, прошедших в Гуляйполе. Предложение анархо-коммунистов объединиться при этом в коммуны успеха не имело. Аграрная программа движения предполагала ликвидацию собственности помещиков и кулаков «на землю и на те роскошные усадьбы, которые они своим трудом не могут обслужить». 5 За помещиками и кулаками сохранялось право хозяйствования, но только своим трудом.

Уже с июня крестьяне прекратили вносить арендную плату, нарушая тем самым указания правительственных чиновников. Но немедленно провести аграрные преобразования не удалось. Сначала их задержал острый конфликт с уездным комиссаром Временного правительства Б. Михно, затем — сбор урожая. Чтобы не нарушать производственный процесс, крестьяне отложили основные преобразования до весны. В августе Махно провел уничтожение земельных документов. По воспоминаниям Махно, «на сей раз ограничились лишь тем, что за аренду помещикам не платили денег, взяли землю в ведение земельных комитетов, а над живым и мертвым инвентарем до весны поставили своих сторожей в лице заведующих, чтобы помещики не распродали его». 6 Уже эта реформа быстро дала результат — крестьяне работали на бывших помещичьих землях не за страх, а за совесть, собрав самый большой урожай в губернии. 7–25 сентября съезд Советов и крестьянских организаций в Гуляйполе провозгласил конфискацию помещичьих земель и передачу их в общественную собственность.

После корниловского мятежа, подорвавшего авторитет Временного правительства в районе, под предлогом неспособности центральных властей предотвратить контрреволюционные выступления, махновцы создали свой Комитет защиты революции при совете и провели конфискацию оружия у «кулаков» в пользу своего

отряда. Комитет возглавил Махно. Новый орган должен был организовать оборону района от любого вмешательства извне. Комитет созвал первый съезд советов Гуляйпольского района, который поддержал действия Махно. 8

Создание самостоятельного центра власти в районе Гуляйполя было воспринято уездной администрацией в штыки. Гуляйпольский район давно раздражал уездного комиссара Михно. Анархо-коммунисты ликвидировали общественный комитет и фактически вывели район из подчинения уездных властей. Михно угрожал вооруженной экспедицией в район. Вооружившись, махновцы были готовы к отражению нападения. Одновременно они решили «зайти противнику в тыл» — в уездный центр Александрова была послана агитационная команда, которая развернула кампанию против Михно. Рабочие поддержали Гуляйпольцев забастовкой, парализовав работу уездного комиссара, 9.

Союз с рабочими — черта не только «внешней», но и «внутренней» политики анархо-коммунистов. В этот период махновская политическая структура опиралась не только на крестьянство, но и на рабочую организацию — Союз металлистов и деревообделочников, возникший еще до революции 1 °Союз строился по принципу делегирования и объединял фактически всех рабочих Гуляйполя и ряда окрестных предприятий (в том числе мельниц). В июле профсоюз, в соответствии с анархистской доктриной, стал превращаться в производственно-распределительную организацию. 17 июля было решено обсудить возможность приобретения собственной пекарни, а также «поручить заводским комитетам выяснить составлением списков сколько кому из рабочих, состоящих членами профсоюза, нужно товару и топлива и обуви, и в какой сумме могут внести денег впредь до получения означенных в сем предметов». 11

4 октября профсоюз возглавил Махно. 12 Уже 7 октября под его руководством обсуждался конфликт на металлургическом заводе Кернера («Богатырь») Администрация считала возможным поднять зарплату всем категориям рабочих на 50 %, а сами рабочие настаивали на дифференцированном подходе, при котором зарплата поднимается на 35–70 % разным категориям для сближения уровней оплаты. После

переговоров с представителями профсоюза М. Кернер согласился на их условия. 13

Махновский профсоюз приобрел в районе большой авторитет. В октябре работники мельницы «Трищенко и компания», не состоявшие в профсоюзе, обратились к организации с просьбой «о понуждении владельцев мельницы» к прибавлению зарплаты. Вероятно, у Махно, совмещавшего руководство профсоюзом с лидерством в крупнейшей местной политической группировке (притом вооруженной), были свои методы «понуждения» предпринимателей к соблюдению прав рабочих в условиях растущей инфляции. Но использовать такие «американские» методы в пользу работников, не входящих в профсоюз, Махно не собирался. «Профбосс» помнил об интересах своей организации и демонстративно отклонил просьбу работников мельницы Трищенко на том основании, что они не вступили в профсоюз. 14 Таким образом Махно стимулировал рост рядов — для того, чтобы пользоваться его покровительством, рабочие должны были войти в организацию. Дело рабочих мельницы Трищенко подтолкнуло Махно к тому, чтобы сделать членство в Союзе обязательным, а сам профсоюз превратить в орган, который в сфере социальных вопросов может отдавать распоряжения администрации 25 октября (в день большевистского переворота в Петрограде) в соответствии с решением собрания рабочих от 5 октября правление профсоюза постановило: «Обязать владельцев названных мельниц производить работы на три смены по 8 часов, приняв через профессиональный союз недостающих рабочих Рабочим, не состоящим членами профсоюза, вменить в обязанность немедленно записаться в члены Союза, в противном случае они рискуют лишиться поддержки Союза». 15 Эта синдикалистская реформа почти ликвидировала безработицу в районе и усилила организационную опору Гуляйпольского режима. Был взят курс на всеобщее введение восьмичасового рабочего дня. 16

Если предприниматели вступали в конфликт с новым режимом, то Земельный комитет лишал их права собственности. Так, одна из мельниц была передана Земкомом в аренду частным лицам с условием осуществления ее ремонта и ритмичной работы. 17

В декабре 1917 г. Махно, занятый другими делами, передал председательство в профсоюзе своему заместителю А. Мищенко. 18 Он сделал эту организацию одной из самых влиятельных в районе.

Иногда мнения Махно серьезно расходились с позицией других лидеров профсоюза. Уже 31 октября, когда стали сказываться первые результаты синдикалистской реформы, Махно предложил отправить часть рабочих во временные отпуска из-за нехватки работы. Но правление Союза отклонило это предложение, высказавшись за сокращение рабочего дня и категорически постановив. «До конца войны никаких расчетов (то есть увольнений — А. Ш.) не допускать». 19 Вообще ситуация в рабочем движении Гуляйполя была относительно демократической. Часть рабочих критиковала правление Союза за порядок расходования средств (большинство поддержало Махно), важнейшие решения отдавались на рассмотрение рабочих, хотя Махно и правление уже высказывали свое мнение. Так было, например, при обсуждении вопроса о предложении Александровского союза металлистов войти в его состав. Махно не хотел терять самостоятельности своего союза. «Относясь к этому предложению отрицательно, так как это уььет самостоятельность союза, правление находит необходимым отстаивать этот вопрос на обсуждении объединенного собрания рабочих». 20

Вообще Махно в соответствии с его представлением об анархизме игнорировал указания «вышестоящих» организаций. 10 октября при рассмотрении спора с администрацией Махно отказался учитывать решение арбитражного суда в Екатеринославе. 21 В то же время рабочее самоуправление самостоятельно участвовало в налаживании производства в обстановке общероссийского экономического хаоса. Представители фабзавкомов ездили за материалами в Александровск. Но первый опыт был неудачен — получить необходимые материалы не удалось. 22 Экономический хаос был естественным результатом распада единой социально-политической системы, «единого правового пространства», который, в свою очередь, вытекал из коллапса доверия населения к государственной власти. Восстановить утраченное единство можно было двумя путями — насильственным восстановлением государственного контроля за обществом либо усилением прямых, не опосредованных государством общественных связей. Махновцы пытались идти вторым путем.

В условиях развала хозяйственных связей в стране важной задачей Совета стала организация прямого товарообмена с городами, тем более, что это соответствовало теоретическим разработкам

анархистов о сотрудничестве рабочего класса и крестьянства в обход государства и капиталистов. Организаторы продуктообмена собрали муку для рабочих и крестьянские заказы на мануфактуру и другие промышленные товары. Вагон с мукой под охраной отправился в Москву, где, по утверждению Махно, рабочие Прохоровской и Морозовской фабрик с удовольствием оплатили его вагоном промтоваров. Ко всеобщей радости вагон с мануфактурой отправился назад, но тут начались неприятности. Махно вспоминает о злключениях мануфактуры: «Но по дороге заградительные отряды продовольственных правительственных органов ее задержали и направили в Александровск в продовольственную управу, на том основании, что непосредственно, дескать, без разрешения центральной советской власти нельзя делать никаких товарообменов крестьян с рабочими». 23 Возмущенные крестьяне и рабочие Гуляйполя требовали немедленного военного похода на Александровск, но махновский Комитет защиты революции сначала послал угрожающую телеграмму. Она возымела действие — на следующий день вагон стоял на станции Гайчур близ Гуляйполя. Местные жители решили продолжать продуктообмен.

Между тем, политическая обстановка в районе менялась. В ноябре–декабре 1917 г. по окрестным городам прокатилась волна переворотов, известная как «триумфальное шествие советской власти». Власть, впрочем, перешла не к советам, а к большевистско–левоэсеровским революционным комитетам. Но поскольку они выступали за власть советов (а в Гуляйполе установилась именно она) и не вмешивались в дела района, махновцы отнеслись к переворотам благосклонно и даже предлагали на выборах в Учредительное собрание голосовать за большевиков и эсеров. 24

Анархисты в этот период в большинстве своем были союзниками большевиков, причем союзниками слева. Велика была их роль в бурных политических событиях середины 1917 г. в Петрограде. 25 Анархо–синдикалисты приобрели заметное влияние в профсоюзах. 26 Но Союз анархо–синдикалистской пропаганды, издававший «Голос труда», Петроградская федерация анархистских групп (газета «Буревестник»), Федерация анархо–коммунистов Москвы (газета «Анархия») были относительно немногочисленны, хотя и пользовались заметным влиянием среди рабочих и матросов, имели

вооруженные отряды. Не располагая собственной массовой организацией, анархисты пытались «раскачать» большевиков, использовать их в качестве силы, которая разобьет «буржуазное государство» и откроет путь для свободного социального творчества трудящихся масс, объединенных в советы. Общность лозунгов большевиков и анархистов дезориентировала последних. В. Волин вспоминал. «Когда я читал сочинения Ленина, особенно написанные после 1914 г., я видел прекрасные параллели между его идеями и идеями анархистов, кроме идеи государства и власти». 27 Большевики в это время разрушали прежние государственные структуры и настаивали на временности вновь создаваемых. И анархисты были готовы поддерживать их в «разрушительной работе». В канун октябрьского переворота издание анархо–синдикалистов «Голос труда», редактируемое В. Волиным, провозглашало, что анархисты готовы поддержать свержение временного правительства, «если под «властью» понимается, что вся созидательная работа и вся организационная активность будет в руках рабочих и крестьянских организаций, поддерживаемых вооруженными массами... если «власть Советов» не станет в действительности государственнической властью новой политической партии». 28 В момент переворота выполнение этих «условий» было еще в будущем, и анархисты с оружием в руках выступили на стороне большевиков и левых эсеров. Даже те анархисты, которые осознавали все принципиальное различие в позиции анархистов и большевиков, призывали «участвовать в массовом движении» против Временного правительства. 29 Уже в декабре идеологи «Голоса труда» осознали, что новый режим несет гораздо большую угрозу делу свободы, чем прежний. Газета стала писать об опасности поглощения Советов большевистской партией. 30 Но анархисты по–прежнему считали «реставрацию» большим злом, нежели большевистскую «революцию», что выразилось в их поддержке разгона Учредительного собрания. Так продолжалось до апреля 1918 г., когда большевики нанесли удар по анархистам в Москве. Но Н. Махно скептически относился к городским анархистам, и эти действия большевиков еще не были для него доказательством их контрреволюционности.

Стереотип анархии как хаоса, свободы без границ, даже за счет других людей, оказывает влияние и на состав анархистского движения.

К нему прибавляется множество людей, понимающих анархизм как дезорганизованность. Иногда это направление начинает доминировать в движении, так как примитивный анархизм не тратит времени на кропотливую организационную работу, зато вполне соответствует представлениям обывателя об анархии, и общество готово видеть именно в этом течении истинное лицо анархизма. Махно писал: «60–70 % товарищей, называющих себя анархистами, увлеклись по городам захватом барских особняков и ничегонеделанием среди крестьянства. Их путь ложный путь». 31

Влияние анархистов в деревне на Украине было довольно велико. А. Горелик, путешествовавший в это время по украинским селам, посетивший сотни населенных пунктов, утверждал: «во многих деревнях летом после долгого рабочего дня в течении целых часов занимались чтением вслух. В Киевской губернии мне довелось видеть циркулирование анархических газет. В трех районах так хорошо, что буквы были еле читаемы. Но молодые крестьяне читали их до конца». 32 Рядом с махновским районом располагался и такой «бастион» радикализма, как Донбасс

Махно был не прочь вмешаться в политическую жизнь за пределами своего района, демонстрируя активность крестьянства. Он участвует в примирении Совета готовых взбунтоваться георгиевских кавалеров, всячески препятствует распространению влияния Украинской Центральной Рады В Гуляйполе существовала сильная организация сторонников украинской государственности, которые проводили здесь массовые мероприятия. 33 На этот раз Махно прибег к авторитету окрестного крестьянства. Считая, что украинская государственность ничуть не лучше русской, II съезд Советов Гуляйпольского района принял резолюцию «Смерть Центральной Раде». 34

В это же время району стала угрожать еще более серьезная опасность — с фронта возвращалось несколько эшелонов казаков. Если бы они прошли в этот момент на Дон, то атаман Каледин получил бы реальную силу, с которой мог начать наступление и против махновцев. III съезд Советов в декабре 1917 г. призвал сформировать отряд для борьбы с казаками — «вольный батальон» во главе с братьями Махно (командир — Савва, политический организатор — Нестор). Впервые Н. Махно предстояло показать себя в качестве

военачальника. Полководческий талант будущего батьки еще никак не проявился, когда махновцы заняли подступы к Кичкасскому мосту через Днепр. В коротком бою 8 января 1918 г. махновцы в союзе с большевиками и левыми эсерами остановили и разоружили казаков. 35 Исход этого боя серьезно осложнил положение Каледина и во многом предопределил его падение.

Нестор Махно, затмивший своими действиями брата Савву, стал превращаться в одного из военных лидеров, которыми так богата рассматриваемая эпоха. Военизация предполагала авторитаризм. Предпосылок к возникновению в махновском движении авторитарных структур было множество. Во-первых, страна только что вышла из состояния самодержавного режима, который явно не способствовал самостоятельности общества. Крестьянская община лишь начала изживать навязанные бюрократической машиной традиции круговой поруки и доверия к «верхам», роль которых стали играть Махно и его окружение. Во-вторых, крестьянская масса и анархо-коммунисты по-разному представляли себе перспективы социальных преобразований после того, как удастся сбросить угнетение, исходящее от помещиков, кулаков и города. Крестьяне просто не вникали в содержание терминов «анархия» и «коммунизм», поддерживая борьбу анархистов против помещиков и властей. Управляемость масс достигалась системой разного рода «приводных ремней» от ГАК к крестьянской массе. В-третьих, относительно низкий уровень политической культуры того времени и военная обстановка порождали избыток доверия к удачливому и справедливому вождю (впрочем, в этом отношении и наше время принципиально не отличается от сравнительно недавнего прошлого). Таким образом, несмотря на неприятие анархистами самого принципа государственности, в Гуляйполе сложилась государственная структура во главе с Махно. Его темперамент и личные качества также способствовали укреплению авторитаризма, но авторитаризма, основанного на высоком авторитете лидера. Когда Махно, например, решает, что ему больше нет нужды заседать в Александровском ревкоме, он принимает решение от имени своего отряда, даже не посоветовавшись с бойцами. «Сделав официальный письменный, от имени отряда, отзыв меня из революционного комитета, я пошел в комитет вручить этот документ куда следует и проститься». 36 Конечно, на фоне тогдашнего «разгула» военных

диктатур этот поступок выглядел вполне невинным, но с точки зрения анархизма представлял собой опасный прецедент — прямое покушение на право коллектива участвовать в принятии политических решений лидера. Реакция, впрочем, не заставила себя ждать — на заседании ГАК Махно подвергся резкой критике за «государственнический подход» к делам. Многочисленные органы самоуправления в районе препятствовали перерастанию культа личности Махно, начавшего складываться в то время, в прямой административный произвол. «В течение года действия группы либертарных коммунистов Гуляйполя, осуществлявшиеся под влиянием энергичного и разностороннего Нестора на уровне представительных органов, увенчались завоеванием новых социальных прав, благодаря чему родилось радикальное согласие в регионе» 37, — считает А. Скирда. Основой этого радикального согласия было право крестьян на землю. Ранней весной оживилась аграрная реформа — нужно было успеть провести передел к началу сева. Преобразования проходили мирно — их принципы были определены еще осенью, вооруженный перевес был на стороне реформаторов. Получив землю, некоторые бедняки и батраки не могли или не хотели наладить самостоятельное хозяйство, им анархо-коммунисты предлагали объединиться в коммуны, под которые к тому же отводились помещичьи усадьбы. Несмотря на общность имущества в коммуне, ее члены имели отдельные квартиры, где могли уединиться.

Домашнее хозяйство можно было вести как отдельно, так и коллективно. Если человек желал готовить себе отдельно от коллективной трапезы, он имел на это право, но должен был предупредить заранее. Все важнейшие вопросы в коммуне решались общим собранием. Планировались педагогические эксперименты по методике анархиста Ф. Ферера. В 4-х ближайших к Гуляйполю коммунах (кооперативах) состояло от 50 до 200 человек. В одну из них записался и сам Махно и работал там по два дня в неделю. 38

О структуре коллективных форм сельского хозяйства в этом районе можно судить также по уставу кооператива хутора Очереватого, который был принят весной 1918 г. Численность кооператива была ограничена 40 рабочими руками, приоритет при вступлении принадлежал семейным людям. Устанавливалось, что «вступившие лица в кооператив обязаны добросовестно выполнять работы, каковые

на них возложены» (пп. 1–3). 39 До урожая члены кооператива должны были работать бесплатно, но от Земельного Совета (имеется в виду Крестьянский Совет, бывший Земельный комитет 40 они получили ссуду (п. 4). 41 Работники выбирали президиум кооператива из трех человек, который был ответственен перед членами кооператива и перед Советом. «Если президиум или отдельные члены его будут в чем замечены, то члены ко-ва вправе переизбрать во всякое время» (пп. 5–8). 42 Президиум был коллективной администрацией кооператива с широкими полномочиями: «Лица, вступившие в кооператив, должны всецело подчиняться старшему товарищу, который будет избран членами ко-ва в президиум» (п. 9). «Если окажутся такие лица, которые не пожелают подчиняться старшему, то президиум вправе рассмотреть это дело и уладить конфликт, или передать Земельному Совету на рассмотрение» (п. 10). 43 Таким образом участники страховали себя от произвола администратора и даже коллектива, предусматривая систему третейского разбирательства. В случае выхода члена из кооператива он получал расчет как работник по усмотрению президиума и Совета (п. 11). 44 Предусматривалось также содержание по болезни семьи больного до трех месяцев в размере, определяемом собранием (п. 12). 45 Инвентарь, скот и продукты поступали в коллективное распоряжение кооператива, но под контролем Совета. Кооператив нес ответственность за сохранность инвентаря (пп. 13–14). В случае ликвидации кооператива он должен был вернуть Совету (Земельному комитету) весь полученный от него инвентарь (п. 21). 46 Первоначально авторы проекта устава считали, что скот должен находиться в распоряжении семей, но затем от этого положения отказались — кооператив почти ничем не отличался от коммуны. 47 Провозглашалось, что «все члены кооператива не имеют никаких особых прав и прислугу» (п 20). 48

Первоначально семь семей — организаторов кооператива претендовали на земельные участки общим размером в 300 десятин, но такого количества земли им получить не удалось. В их распоряжение было передано 193 десятины (п 15). 49 Сначала члены кооператива требовали выселения с хутора крестьян, которые отказались вступить в кооператив и первоочередного обслуживания на мельнице, но и от этих требований пришлось отказаться. 50

Махновский режим отрицал любые привилегии, в том числе и для общественных форм, близких ему идеологически.

Кооператив принял на себя обязательство платить налоги обществу (п. 19). 51 Общинное крестьянство отнеслось к коммуна и кооперативам спокойно — выступления против этого опыта на сходах успеха не имели.

Оценить эффективность махновских реформ нелегко — в события вновь вмешались внешние обстоятельства. Брестский мир открыл дорогу на Украину германо-австрийским войскам. Выяснить отношение Махно к Брестскому миру трудно. В своих воспоминаниях он приписывает себе такие слова: «И Центральная рада, и большевики своим заключением союза с монархами готовят смерть для революции и ее носителей — революционных тружеников». 52 Однако известно, что во время своего союза с большевиками Махно выступал против обвинений их в сговоре с немцами. 53 Не бросает Махно упрека в Брестском мире и руководителям большевиков во время беседы с ними в июне 1918 г., о которой речь пойдет ниже.

Так или иначе, вторжение немцев резко активизировало сторонников Центральной рады в районе. Они связывали с немцами большие надежды. Лидер националистов П. Семенюта открыто угрожал анархистам физической расправой после прихода немцев. В ответ ГАК без ведома Махно объявила националистам «революционный террор» и убила Семенюту. Гуляйполе оказалось на грани гражданской войны. Узнав о случившемся, Махно приложил все усилия и пустил в ход свой авторитет, чтобы добиться отмены решения ГАК о «революционном терроре» и заключить соглашение с оппозицией, предотвратившее кровавую вендетту. Была создана совместная с националистами комиссия по недопущению убийств. 54

Особенно трудно было удержать от продолжения террора анархо-коммунистов. Дискуссии в ГАК приняли жаркий характер. Махно вспоминает об этом: «Их дерзость меня злила, а самостоятельность радовала и сильнее давала мне чувствовать, что моя работа с самостоятельными членами группы даром не пропадает». 55

В этом эпизоде Махно представляет себя мудрым учителем местной анархистской братии. Был ли он таковым на самом деле — вопрос спорный. Ясно одно: Махно удавалось держать позицию ГАК под своим контролем — было решено не применять террор, пока

националисты сами не возьмутся за оружие. Это, конечно, не значило, что Махно был принципиальным противником террора. Он подходил к террористическим актам прагматически и старался избежать гибели случайных людей.

Между тем агитация националистов (под этим словом мы понимаем сторонников украинской государственности) в районе продолжалась. Одновременно националисты предприняли своеобразный ход по подготовке переворота в Гуляйполе. Они начали шантажировать еврейскую общину угрозой погрома после прихода немцев. Еврейская верхушка после колебаний решила помогать своим заклятым врагам, чтобы предотвратить неминуемую расправу. 56

«Среди евреев — хозяев лавок, гостиницы, хозяев мануфактурных предприятий — вновь возникают пораженческие настроения, — комментирует историк взаимоотношений евреев и анархизма М. Гончарок. — Состоятельное руководство общины требует от еврейского населения, чтобы оно расформировало еврейскую роту. Рядовые дружинники, как правило, молодые ребята, выходцы из бедных семей, отказываются наотрез, считая это подлостью и предательством по отношению к анархистам и крестьянским ополчениям, доверившим им оружие. Мнения в роте, однако, раскалываются». 57 Эта социально–психологическая реконструкция нуждается в уточнении. Заметного раскола не произошло — рота решила подчиниться руководству еврейской общины.

Тем временем немцы, тесня отряды эсеров, большевиков и анархистов, подходили к Днепру. Махновцы сформировали «вольный батальон», который выступил на фронт. Махно направился в штаб Красной гвардии для координации действий с другими отрядами. Охрану Гуляйполя несла еврейская национальная рота под командованием Тарановского. В ночь с 15 на 16 апреля она совершила в Гуляйполе переворот в пользу украинских националистов и арестовала часть анархо–коммунистов. Одновременно отряд националистов внезапно напал на «вольный батальон» и разоружил его 58.

Эти события застали Махно врасплох. В один момент он лишился вооруженной силы и опорной базы. Интересно, что меньше всего Махно был склонен винить в случившемся евреев. По его мнению, слух о «заговоре евреев» «в других местностях Украины безусловно

вызвал бы погром и избиение невинных, всеми и вся гонимых в российской и украинской истории, не знавших до сих пор покоя бедных евреев». 58 Понимая мотивы действий еврейской общины, Махно, вернувшись позднее в Гуляйпольский район, выступил против мести участникам переворота — евреям, «убеждал крестьян и рабочих, что еврейские труженики, даже те из них, которые состояли в этой роте бойцами и были прямыми участниками в ее контрреволюционном деле — сами осудят свой позорный акт». 60 И в самом деле, бывший командир роты Тарановский станет затем одним из командиров махновской армии, а в ее составе в 1919 г. будет сформирована еврейская национальная батарея 16 апреля участники демонстрации жителей Гуляйполя освободили арестованных заговорщиками анархистов. Но организовать оборону было уже невозможно — немцы перешли Днепр и вскоре вошли в Гуляйполе. Вместе с националистами они развернули репрессии против тех анархистов, которые не успели уйти из города.

2. Путешествие по России

В конце апреля Махно собрал часть Гуляйпольских анархистов в Таганроге. Это совещание постановило вернуться в Гуляйполе в июле для организации партизанской войны. А пока Махно отправился в путешествие по революционной России. Эта поездка сыграла важнейшую роль в формировании взглядов крестьянского вожака, которому предстояло еще возглавить одно из мощнейших движений гражданской войны. Во время этого путешествия Махно вплотную столкнулся с практикой советской власти в Поволжье, которая вызывала у него немало возражений. Тем не менее, в тот период он сочувствовал большевикам, всерьез воспринимая их утверждения о том, что революционное государство — лишь переход к безгосударственному обществу, коммунизму. Необходимо только скорректировать политику большевиков, считал он: «Нужно только, чтобы революционные власти поумнели и отказались от многого в своих действиях; иначе ведь население пойдет против революции» 61.

Прежде всего, Махно недоволен тем, что большевики игнорируют интересы крестьянства. Недовольство революцией, идущей из города, все более усиливается: «Без тесного сотрудничества с крестьянством властолюбивому городу и заражающемуся поневоле его властолюбием пролетариату самому не построить новой свободной общественной жизни» 62.

Особенно резко, по мнению Махно, властолюбие города усилила теория диктатуры пролетариата, Махно выступает против тех, кто поддержал эту диктатуру: «Видимо, эти безответственные крикуны. и не думали о том, что созданием этой диктатуры они разбивали единство своего классового трудового организма на пользу не революции, а врагам ее» 63.

С точки зрения Махно, раскол сил трудящихся классов — тяжелейший грех перед революцией. Главную причину этого раскола он видит в эгоизме политических партий, вернее, их лидеров. «Нет партий, нет политических организаций, а есть кучки шарлатанов, которые во имя личных выгод и острых ощущений на путях достижения своих целей уничтожат трудовой народ» 64 — напишет

Махно в эмиграции об ощущениях 1918 г. По воспоминаниям А. Чубенко, в июле 1918 г. Махно так определял свое отношение к положению в столице России — «в Москве полнейший раскол между коммунистами и анархистами, и творится ерунда» 65.

Но Махно ищет пути к преодолению трещины, которая наметилась между революционными силами. С этой точки зрения любопытно содержание беседы между Махно, Свердловым и Лениным, которая, если верить воспоминаниям «батько», состоялась в Кремле в июне 1918 г. По описанию Махно, беседа со Свердловым началась с обсуждения поражения советской власти на Украине. Свердлов видел причину в контрреволюционности украинских крестьян, Махно — в оторванности красной гвардии от крестьянства. Махно пытается убедить Свердлова в том, что причины холодного отношения населения к большевикам следует искать не в недостатках крестьян, а в самой большевистской политике.

В то же время оппоненты сходятся в принципиальных вопросах, не замечая, что под одними и теми же формулировками они могут понимать совершенно различные вещи: «Да какой же вы анархист-коммунист, товарищ, когда вы признаете организацию трудовых масс и руководство ими в борьбе с властью капитала?! Для меня это совсем непонятно! — воскликнул Свердлов, товарищески улыбаясь — Анархизм, — сказал я ему, — идеал слишком реальный, чтобы не понимать современности и тех событий, в которых так или иначе участие его носителей заметно, чтобы не учесть того, куда ему нужно направить свои действия и с помощью каких средств». 66 Свою мысль Махно подкрепляет опытом анархистского движения на Украине.

В разговоре со Свердловым и Лениным Махно излагает им от имени крестьянства свое видение принципов советской власти: «Власть советов на местах — это по-крестьянски значит, что вся власть и во всем должна отождествляться непосредственно с сознанием и волей самих трудящихся, часто сельские, волостные и районные советы есть не более, не менее, как единицы революционного группирования и хозяйственного самоуправления на пути жизни и борьбы трудящихся с буржуазией» 67.

Ленин не без основания заметил, что такой взгляд на вещи анархичен. Завязалась дискуссия об анархизме, во время которой Ленин, по утверждению Махно, сказал: «Большинство анархистов

думают и пишут о будущем, не понимая настоящего: это и разделяет нас, коммунистов, с ними...в настоящем они беспочвенны, жалки, исключительно потому, что они в силу своей бессознательной фанатичности реально не имеют с этим будущим связи» 68.

Это высказывание серьезно задело Махно, он парировал: «Ваших большевиков в деревнях совсем почти нет, или, если есть, то их влияние там совсем ничтожно. Ведь почти все сельскохозяйственные коммуны на селе были созданы по инициативе анархо-коммунистов».

Описание этого диалога в мемуарах Махно достаточно правдоподобно. Будущий непримиримый враг большевизма уважительно отзывается о Ленине, он самокритичен и словно смотрит на беседу со стороны: «Но скверный, если можно так выразиться, характер мой, при всем моем уважении к Ленину, которое я питал к нему при данном разговоре, не позволил мне интересоваться дальнейшим разговором с ним," 69 — пишет Махно о своем настроении после обидных ленинских слов об анархизме.

Воспоминания Махно позволяют выделить фундаментальные расхождения между ним и вождями большевизма, равно как и понять, на чем основывался их непрочный союз. Оперировав одними и теми же понятиями — «контрреволюция», «буржуазия», «пролетариат», — они наполняли их совершенно различным содержанием. Отсюда и ощущение предательства, возникающее при их разрыве, и невозможность для них союза с общим врагом — белыми.

3. Партизанский батько

4 июля 1918 г. Махно с помощью большевиков вернулся в родные края. Однако организовать немедленное сопротивление оккупантам здесь не удалось. Крестьяне страдали от немецких экспроприации, но боялись террора немцев, которые опирались на немецких колонистов. Вспышки крестьянских волнений жестоко подавлялись. И все же недовольство росло, особенно после того, как началось возвращение земель прежним хозяевам. Действовавшие в районе отряды повстанцев возникали не надолго и быстро распадались. Махно и вернувшимся в район анархо-коммунистам удалось установить связь с такими группами. Крестьяне были готовы поддержать вооруженную борьбу с немцами, но для этого нужно было создать долговечный и успешно действующий партизанский отряд.

К осени Махно удалось наконец сколотить группу бойцов и достать для них оружие. По утверждению А. Чубенко оружие было закуплено на деньги, полученные от экспроприации банка. После этой акции Махно отказался от этого метода и от индивидуального террора вообще. 70

22 сентября отряд начал боевые операции и даже на короткое время ворвался в Гуляйполе, чтобы напомнить о себе его жителям. Впрочем, приближение оккупационных войск заставило махновцев ретироваться. Первый бой отряд Махно дал в селе Дибривки (Б. Михайловка) 30 сентября. Объединившись с небольшим отрядом Щуся, партизанившим здесь ранее, Махно с группой в два десятка бойцов сумел разбить превосходящие силы немцев. 71 Авторитет нового отряда в округе вырос, а сам Махно получил почетное прозвище «батько». Вскоре под его командование перешли отряды Петренко — Платонова (район Гришино) и Куриленко (район Бердянска). 72

Бой в Дибривках положил начало разрушительной «вендетте». Дело в том, что немцы стянули к этому селу значительные силы и провели в Дибривках показательную экзекуцию, которой партизаны не могли помешать. В карательной экспедиции участвовали жители окрестных хуторов. В ответ махновцы разорили эти хутора, убивали

участников карательных действий в Дибривках (еще раньше махновцы убивали помещиков, которые оказывали им вооруженное сопротивление). А. Чубенко вспоминал. «Скирды сена, соломы, дома горели так ярко, что на улицах было светло, как днем. Немцы, прекратив стрельбы, выбегали из домов. Но наши всех мужиков стреляли тут же». 73 Сжигая кулацкие дворы, повстанцы, по словам Махно, говорили погорельцам. «Идите туда, куда пошли дибривские крестьяне и крестьянки со своими детьми, которых ваши отцы, дети, мужья и сыновья частью избили, частью переизнасиловали, а хаты сожгли». 74

Идеологически корни махновского террора восходят к «эпохе Ровашоля», когда часть анархистов пыталась с помощью динамита разрушить государство. Но вслед за Кропоткиным, который «не отрицал террора, но требовал, чтобы его применяли лишь в исключительных случаях» 75, Махно считал, что террором не следует злоупотреблять. Махновцы расстреливают только тех, кто прямо нарушает их приказы о сдаче оружия или непосредственно сотрудничает с оккупантами.

В это время начинают практиковаться общественные суды на крестьянских сходах, которые должны решать судьбу обвиняемого. Но на протесты анархо–коммуниста Марченко против террора Махно отвечает: «Пусть он положит свою сентиментальность в карман». 76 Пленных оккупантов махновцы, как правило, отпускали. Но гражданских немцев иногда расстреливали как «шпионов». 77 В то же время после первой вспышки террора Махно отдал приказ не трогать тех немцев, которые не оказывают сопротивление, а когда командир Петренко разгромил мирный кулацкий хутор, Махно распорядился выплатить немцам компенсацию. 78

Суровость повстанцев в отношении кулачества и помещиков лишь подняла их авторитет в глазах крестьянства. В своих действиях Махно стал опираться на многочисленное крестьянское ополчение, которое привлекалось в случае крупных операций. Махно заранее оповещал крестьян о месте сбора. Интересно, что противник при этом ничего не узнавал.

Сам партизанский отряд действовал как мобильная ударная группа. Иногда он оказывался на грани уничтожения превосходящими по численности силами противника, но в целом действия Махно были

относительно успешными и также способствовали росту его авторитета среди крестьян. Страх перед Махно нейтрализовал большую часть кулачества. Крестьяне и батраки, вооружившиеся за счет помещиков и кулаков, фактически контролировали положение там, где отсутствовали немецкие подразделения.

Влияние среди местного населения и способность сохранить себя как движение в условиях немецкой оккупации позволило махновцам приступить к созданию собственной системы власти. Человек с ружьем все более отчетливо понимал, что он теперь — главная фигура в стране. Война породила военную власть.

В 1918 г. Махно не мог пожаловаться на недостаток доверия со стороны местных жителей. Его имя становится гарантией доверия к анархизму в целом, что побуждает анархо-коммунистов поддерживать и укреплять культ личности «батьки». Махно разъяснял крестьянам, как организовывать новую жизнь, как вести себя в отношении кулаков, немцев, помещиков. Ему приходится сдерживать разрушительные наклонности разраставшейся прослойки людей, живших войной и оторвавшихся от общинного крестьянства. Такие люди типичны не только для гражданской войны в России, но и для любой продолжительной войны. Они не заботятся о сохранении производства в тех местах, где идет война, не видят своего места в условиях мира и не очень пекутся о завтрашнем дне. Не удивительно, что эти люди чувствовали поддержку бедняцкой массы, не привязанной к сколько-нибудь значительному хозяйству и охотно видевшей свое место в жизни с оружием в руках. Не удивительно, что в одном из случаев, о которых вспоминает Махно, «повстанческая масса, даже ряд командиров, в особенности беднота с. Времьевки, настаивали на том, чтобы взорвать и сжечь эти общественные предприятия» 79 (речь идет о кулацких мельнице и маслобойне). Махно удалось настоять на том, чтобы кулаки были лишь ограничены в ценах, которые они назначали за помол и за масло. Понятно, что такое регулирование было гораздо выгоднее крестьянам, чем тотальное разрушение кулацкого производства.

4. Своя земля

Тем временем обстановка вокруг махновского отряда коренным образом изменилась. В ноябре 1918 г. наконец разразилась революция в Германии. Она повлекла эвакуацию немецких войск с Украины. Развал режима оккупации вызвал всплеск повстанческого движения против коллаборационистских властей. В Северном Приазовье это движение концентрировалось вокруг махновского отряда — все новые и новые вооруженные формирования возникали и присоединялись к «батшке». Коллапс режима гетмана Скоропадского привел к тому, что в Таврии единая власть фактически перестала существовать — здесь, помимо махновцев, действовали еще немецкие соединения, обеспечивавшие отход своих войск на запад, помещичьи и кулацкие отряды. Чтобы оградить от них крестьян, Махно решает создать единую повстанческую зону с единым фронтом под командованием махновского штаба. Первоначально махновцам сопутствовал успех. Они довольно быстро вытеснили из своего района немцев, разгромили сопротивлявшиеся хутора и усадьбы и наладили связи с органами местного самоуправления. Махновский штаб по существу установил контроль над обширным районом в Приазовье с неясными границами — на юге начинаются стычки с красновцами, на западе ощущается давление со стороны Украинской Директории, сменившей режим Скоропадского. Но махновский штаб еще не вполне контролировал внешне лояльных ему командиров. Махно принялся бороться с несанкционированными поборами и грабежами. Даже своему заслуженному командиру Петренко Махно грозил расстрелом в случае, если на него поступят жалобы на притеснения от бедняков. 80 Махно вспоминает о борьбе с грабежами: «Об этой контрибуции я узнал при моем выступлении с речью перед крестьянским сходом села Васильевки. Никогда за все время моей революционной деятельности я не чувствовал на сердце такой боли, как во время этого своего выступления. Мысль, что в отряде есть люди, которые тайно совершают непоправимые преступные акты, не давала мне покоя. И отряд не вышел из этого села до тех пор, пока лица эти не были раскрыты, и хоть и с болью, но без всяких колебаний, расстреляны в

том же селе..., все в тревоге перед сознанием, что в отряд просачивается элемент, преследующий цели грабежа и личной наживы. И мы решили не останавливаться ни перед чем, чтобы с корнем вырывать его из повстанческих рядов и уничтожить». 81 За поборы с крестьян в 1918 г. были расстреляны также партизаны братья Дьяченко. 82 Надо отдать Махно должное — в борьбе с грабежами он был вполне последователен. Показательно, что в сообщении либеральной газеты «Приднепровский край» о захвате махновцами поезда в эти дни ничего не говорится о грабежах 83

Неустойчивость положения махновского руководства определила его осторожную позицию в отношении Директории. Опасаясь борьбы на два фронта, махновцы пропустили через свою территорию мобилизованных украинским правительством новобранцев при условии, что будет разрешено вести среди них агитацию. Махновская делегация стремилась нащупать противоречия среди гайдамаков, поддержала их в борьбе с 8-м корпусом Добровольческой армии. Уход 8-го корпуса из Екатеринослава положил конец заигрыванию националистов с рабочими организациями города. Петлюровцы разогнали рабочий совет. Одновременно они усилили агитацию на левобережье — стало ясно, что Директория считает необходимым включение махновской территории в единую Украинскую державу. Это махновцев, естественно, не устраивало. Их давнишняя враждебность к идеологии украинской государственности также делала конфликт неизбежным.

26 декабря Крестьянский съезд Екатеринославской губернии, находившийся под влиянием махновцев, выступил против Директории.

В этот момент Махно уже заканчивал переговоры с большевиками о совместных действиях по захвату Екатеринослава. Чтобы решиться на штурм города, Махно «счел необходимым создать комсостав, перед которым был поставлен вопрос о наступлении сегодня же ночью на Екатеринослав. Все ответили, хоть сейчас," 84 — вспоминает начальник большевистского штаба Е. Кузнецов.

Махно располагал полутысячей бойцов, готовых к операции за пределами махновского района. По утверждению М Кубанина, эта сила была подчинена большевистскому командиру Г. Колосу, собравшему в районе Синельникове около полутора тысяч бойцов 85 Махно категорически отрицает свое подчинение Колосу и считает, что

Кубанин преувеличил численность его отряда в пять раз. 86 В этом споре скорее всего прав Махно, что подтверждается и большевистскими источниками. «Необходимо отметить, что Махно назначен командиром всеми вооруженными силами, наступавшими на Екатеринослав». 87, — утверждает Д Лебедь.

Трудность наступления на Екатеринослав заключалась в том, что основные силы повстанцев находились на левом берегу Днепра, а город — на правом. Е. Кузнецов вспоминает: «План заключался в следующем: по пешеходной части моста пускаем по обеим сторонам по пять человек, одетых в рабочие костюмы с узелками, в которых находятся бомбы, чтобы снять посты пулеметчиков. Вслед за ними ... пускаем паровоз, чтобы прочистить путь, а за ним — пульмановский вагон с двумя бомбометами, — потом двинутся эшелоны один за другим». 88 27 декабря эшелоны беспрепятственно прибыли на вокзал Екатеринослава. Двери открылись и к изумлению гайдамацкой охраны из вагонов посыпались махновские бойцы. Привокзальный район оказался в руках повстанцев, к которым присоединились небольшие отряды большевиков и левых эсеров. Эффект внезапности еще не гарантировал окончательного успеха. 27–28 декабря махновцы с боями продвигались в глубь города. Одновременно началось формирование новой власти, в котором особую активность проявили большевики: под конец боя «губком партии большевиков ... произвольным образом, что называется «нахрапом», обойдя мой штаб ... назначил из своих членов коменданта города, комиссию почты и телеграфа, комиссара путей сообщения, начальника милиции и другого рода начальство. Все эти большевистские партийные избранники не то накупили, не то конфисковали себе министерские портфели и под мышками с ними пришли в мой штаб, помещавшийся на втором этаже Екатеринославского вокзала» 89. Но Махно и не думал подчиняться «новой власти». Повстанцы тоже претендовали на свою долю влияния. В конце концов был создан Военно-революционный комитет, в котором повстанцы получили треть голосов, но фактически присутствовали в гораздо большем количестве.

Несмотря на попытки большевиков провести в председатели ВРК своего человека, анархисты поддержали кандидатуру «пожилого и серьезного товарища из левых эсеров» 90, который и возглавил комитет. Затем началась торговля вокруг распределения власти, в

которой основное участие приняли большевики и левые эсеры. 31 Равнодушие анархистов в этом вопросе объяснялось просто — они воспринимали ВРК как действительно временный орган, который должен максимально быстро собрать съезд советов и передать ему власть. Этот съезд, считал Махно, «и наметит себе для охраны своих завоеваний и связанного с ними нового социально—общественного строительства нужные конструктивные положения». 92

К 29—30 декабря положение петлюровцев в Екатеринославе стало безнадежным. На сторону Махно перешла гайдамацкая батарея под командованием Мартыненко. Затем к Махно перешло еще несколько петлюровских подразделений, и 30 декабря петлюровцы оставили город.

Одержав победу, махновцы приступили к упорядоченному снабжению своей армии из местных магазинов. Но одновременно начались и беспорядочные грабежи местного населения. Большевистские авторы обвиняют в них махновцев. Махно придерживается на этот счет другой версии: «На самом деле я за грабежи, как и за насилие вообще, расстреливал всех. Конечно, среди расстрелянных в Екатеринославе за грабежи оказались, к стыду большевиков, все почти лица из вновь и наспех большевиками сколоченного Кайдацкого большевистского отряда, которых сами же большевики арестовали и скрещивали их махновцами. Лишь в штабе в моем присутствии выяснилось, что все эти лица не знали даже, на каких улицах махновцы занимают позиции, кто их командиры, как называются роты и т. д. Но зато эти лица хорошо знали места формирования Кайдацкого большевистского отряда, где он стоит, командира его и когда они записались в этот отряд и получили оружие». 93 Из этого следует, что большевики вместе с Махно боролись с грабежами. Никто из большевистских авторов не отрицает, что Махно беспощадно расправлялся с пойманными грабителями. Чьи бойцы в большей степени виновны в грабежах — большевистские или махновские — установить, видимо, уже не удастся. Во всяком случае, даже большевистские авторы признают, что их Павлоградский полк изрядно «разложился» 94, от этого не были гарантированы и более свежие отряды большевиков.

Махновский штаб предпринимал меры к тому, чтобы нейтрализовать неблагоприятное воздействие грабежей на настроение

горожан. Было выпущено воззвание Махно к ним, в котором говорилось: «При занятии города Екатеринослава славными партизанскими революционными войсками во многих частях города усилились грабежи, разбои и насилия. Творится ли эта вакханалия в силу определенных социальных условий или это черное дело совершается контрреволюционными элементами с целью провокации, во всяком случае это делается. И часто делается именем славных партизан-Махновцев, борющихся за независимую, счастливую жизнь всего пролетариата и трудового крестьянства. Чтобы предотвратить этот разгул пошлости, совершаемый бесчестными людьми, позорящими всех честных революционеров, не удовлетворяющимися светлыми завоеваниями революционного народа. Я именем партизанов всех полков объявляю, что всякие грабежи, разбои и насилия ни в коем случае допущены не будут в данный момент моей ответственности перед революцией и будут мной пресекаться в корне». 95 Это заявление было подкреплено угрозой расстрелов, которая незамедлительно стала приводиться в действие. Крутые меры Махно против грабителей дали результат — даже враждебные махновцам мемуаристы признают, что в этот раз нападавшим «не удалось...как следует пограбить города». 96

Приведенный выше фрагмент воззвания Махно характерен и еще в одном отношении — он демонстрирует представления Махно об источнике его власти. Это революция и повстанцы. Пока Махно готов отчитываться в своих действиях прежде всего перед армией, а не перед населением. Позднее, когда вновь станут формироваться гражданские структуры движения, положение изменится.

Махно направил большевистские части на подступы к Екатеринославу. Это была ошибка, которая дорого стоила повстанцам. Большевистские отряды были разбавлены большим числом новобранцев и уступали повстанцам в боеспособности. Подошедшие под Новый год свежие петлюровские части прорвали фронт и одним ударом выбили махновцев из города. 97 Неудачливым союзникам оставалось лишь обвинять друг друга в поражении. Из Екатеринослава Махно сумел вывести лишь около 200 бойцов. 98

Первый опыт взаимодействия с коммунистами оставил у Махно отрицательное впечатление об этой партии: «они не сохраняют позиции, а держатся власти и думают, что за них кто будет воевать», —

говорил он Чубенко, — «Когда он занял Екатеринослав, совместно с коммунистами, то они не (стремились удержать) город, а старались сорганизовать ревком». 99 По воспоминаниям Г. Колоса Махно «ругал большевиков и говорил, что нужно к черту поразгонять все большевистские штабы», воспринимая их уже как противников в борьбе за повстанчество. 100

Отступив за Днепр, Махно не допустил петлюровцев в свою зону. Западная граница махновского района стабилизировалась.

Примечания к главе 2

1. Махно Н. Российская революция на Украине. С. 51–52.
2. Там же. С. 11.
3. Там же, С. 12–57
4. Там же, С. 43.
5. Там же, С. 70–71.
6. Там же, С. 77.
7. «Народне життя». 17 вересня 1917.
8. Махно Н. ук. соч. 63–70.
9. Там же, С. 73–74.
10. ГАЗО, Ф. Р-1058, Оп. 1, Д. 1, Л. 7.
11. Там же, Л. 120–121.
12. Там же, Л. 127.
13. Там же, Л. 123.
14. Там же, Л. 126.
15. Там же, Л. 137.
16. Там же, Л. 139.
17. ГАЗО, Ф. Р 342, Оп. 1, Д. 1, Л. 48.
18. ГАЗО, Ф. Р-1058, Оп. 1, Д. 1, Л. 131, 139.
19. Там же, Л. 138.
20. Там же, Л. 127.
21. Там же, Л. 136.
22. Там же, Л. 124.
23. Махно Н. ук. соч. С. 162.
24. Там же, С. 77.
25. P. Avrich. *The Russian Anarchists*. Princeton, 1967; A. Skirda. *Les Anarchistes dans la revolution russe*. Paris, 1973; Наумов Л. Питерские анархо–коммунисты. // «Община». N 45. 1990; Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. М., 1991.
26. Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 34.
27. V. Voline. *The Unknow Revolution 1917–1921*. L, 1974. P. 209.
28. Op. cit. P. 215–216.
29. Op. cit. P. 219.

30. *Op. cit.* P. 235.
31. Махно Н. ук. соч. С. 111.
32. Skirda A. *Op. cit.* P. 378.
33. Волковинский В. Н. ук. соч. С. 34.
34. Махно Н. ук. соч. С. 110.
35. Там же, С. 112–134.
36. Там же, С. 145.
37. Skirda A. *Op. cit.* P. 58.
38. Махно Н. ук. соч. С. 91, 173–176.
39. ГАЗО, Ф. Р-342, Оп. 1, Д. 1, Л. 42.
40. Там же, Л. 43.
41. Там же, Л. 42.
42. Там же.
43. Там же.
44. Там же.
45. Там же.
46. Там же, Л. 42 ЧЗ.
47. Там же, Л. 42.
48. Там же, Л. 43.
49. Там же, Л. 42.
50. Там же, Л. 42–43.
51. Там же, Л. 42.
52. Махно Н. Ук. соч. С. 155
53. Тепер И. ук. соч. С 26.
54. Махно Н. Ук. соч. С. 182–191.
55. Там же, С. 192
56. Там же, С. 148–149.
57. Гончарок М. Ук. соч. С. 36.
58. Махно Н. ук. соч. С. 206.
59. Там же. С. 149.
60. Махно Н. Под ударами контрреволюции. С. 11.
61. Там же, С. 35.
62. Там же, С. 109.
63. Там же, С. 110.
64. «Анархический вестник», 1923, N1, С. 25.
65. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 2.
66. Махно Н. Под ударами... С. 125.

67. Там же, С. 127.
68. Там же, С. 131.
69. Там же, С. 132–133.
70. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 4.
71. Там же, Л. 7.
72. V. Voline. Op. cit. P. 563.
73. Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы и документы. Киев, 1990, С. 47.
74. Махно Н. Украинская революция. С. 112.
75. Книжник И. Воспоминания о П. А. Кропоткине и об одной эмигрантской группе // «Красная летопись». 1922. N 4. С. 33.
76. Махно Н. ук. соч. С. 106.
77. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 12.
78. Там же, Д. 153, Л. 27.
79. Махно Н. ук. соч. С. 108.
80. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 153, Л. 29.
81. Махно Н. ук. соч. С. 150.
82. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 11.
83. «Приднестровский край». 10. 12. 1918.
84. Пятая годовщина Октябрьской революции. С. 180.
85. Кубанин М. ук. соч. С. 41.
86. Махно Н. Махновщина и ее бывшие союзники–большевики. С. 7.
87. Пятая годовщина... С. 188.
88. Там же, С. 180.
89. Махно Н. Махновщина... С. 8–9.
90. Там же, С. 11.
91. Пятая годовщина... С. 180.
92. Махно Н. Махновщина... С. 10.
93. Там же, С. 12.
94. Пятая годовщина... С. 170.
95. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 153, Л. 91–90.
96. Архив русской революции, Т. 3. Берлин, 1922, С. 239.
97. Махно Н. Махновщина... С. 14.
98. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 11.
99. Там же, Л. 21.
100. Колос Г. А. ук. соч. с. 43.

Глава III. Красное и черное (первая половина 1919 г.)

1. Махно и Махновия

Махно оказался хозяином обширной территории размером с небольшое европейское государство. Но это было беспокойное хозяйство. Многочисленные батйки признавали авторитет Махно только формально, по-своему понимая анархию как право на свою диктатуру в масштабе нескольких сел. Нестор Иванович не собирался мириться с таким «феодализмом» и в январе 1919 г. предпринял шаги к превращению движения из разрушительного крестьянского восстания в организацию, осуществляющую верховную власть на контролируемой территории. Усиливались конфликты Махно с некоторыми командирами. По воспоминаниям Чубенко, после одного из налетов Щуся на хутора, Махно дал ему «хорошую нотацию» за казни зажиточных крестьян. Правда, «Щусь не обращал ни малейшего внимания и сказал, что бил буржуев и будет бить». Однако Махно продолжал настаивать на прекращении безмотивных убийств и произвольных контрибуций с немецких колоний. 1 Этот конфликт завершился в марте 1919 г., когда в ответ на очередную расправу Щуся над немецкими колонистами Махно арестовал его и обещал в следующий раз расстрелять. Щусь, который еще недавно демонстрировал свою независимость от Махно, теперь уже не мог противостоять «батьке», власть которого в районе к этому времени опиралась уже не только на военную силу: «Щусь давал слово не повторять убийств и клялся в верности Махно», — вспоминает Чубенко. 2 Впоследствии Махно удавалось поддерживать прочную дисциплину среди командного состава. Так, один из сотрудников Л. Каменева вспоминал о стиле руководства Махно совещанием комсостава во время визита председателя СТО в Гуляйполе: «При малейшем шуме производившему его угрожал: «Выведу!» 3

События, происходившие в районе в начале 1919 г., трудно признать «стихийными действиями», как их называет А. Скирда. 4 Первой общественно–политической организацией, проводившей политику Махно и оказывавшей на него влияние, стал Союз анархистов, возникший на основе ГАК и ряда других анархистских групп. В Союз вступили многие махновские командиры и прибывшие

в район анархисты. Но заняв относительно устойчивую территорию, Махно решил, что пришло время вернуться к социально–политической системе 1917 г, и заменить случайное анархистско–военное окружение устойчивым демократическим институтом — Военно–революционным советом (ВРС). 5 Для этой цели 23 января в Большой Михайловке был созван I съезд советов района (нумерация съездов 1919 г. игнорирует форумы 1917 г.).

Как и в 1917 г., Съезды считались в Махновском движении высшим авторитетом. В 1919 г. они приобрели форму съездов Советов крестьян, рабочих и фронтовиков. Их решения вступали в силу в том или ином районе после одобрения сельскими сходами. 6 В 1919 г. таких съездов было три (23 января, 8–12 февраля, 10–29 апреля). Их резолюции, принятые после жарких дискуссий, созвучны анархистским идеям. «В нашей повстанческой борьбе нам нужна единая братская семья рабочих и крестьян, защищающая землю, правду и волю. Второй районный съезд фронтовиков настойчиво призывает товарищей крестьян и рабочих, чтоб самим на местах без насильственных указов и приказов, вопреки насильникам и притеснителям всего мира строить новое свободное общество без властителей панов, без подчиненных рабов, без богачей, и без бедняков» 7. Резко высказывались делегаты съезда против «дармоедов чиновников», которые являются источником «насильственных указок».

Антибюрократическая направленность движения не давала разрастись его собственной бюрократии. Наибольший аппарат имел штаб Махно, занимающийся даже культурно — просветительской работой, но вся его гражданская (формально и военная) деятельность находилась под контролем исполнительного органа съезда — Военно–революционного совета, созданного II съездом.

ВРС создавался для обеспечения как военных, так и гражданских задач. По воспоминаниям Чубенко «первым делом Реввоенсовет должен уладить вопрос относительно мобилизации, так как такие села, как Гуляйполе или Михайловка добровольно пошли на фронт, а остальные сидели дома и ждали, что им кто–нибудь сделает, то есть завоюет свобод. Реввоенсовет стали выбирать объединенно, так как он являлся необходимым и для армии, и для крестьян (ибо) всякие распоряжения Реввоенсовета должны (были) выполнять крестьяне и красноармейцы, за исключением оперативных заданий». 8

В первый состав ВРС вошли 10 представителей военных и трое крестьян. Но, учитывая тесную связь армии с крестьянством, это было не столь принципиально. Партийный состав ВРС был лево-социалистическим — 7 анархистов, 3 левых эсера и 2 большевика и один сочувствующий им. 9 Первым председателем ВРС стал учитель Чернокижский, а его заместителем (позднее — председателем ВРС) — Коган. Махно удостоился поста почетного председателя. 10

Возникшая в махновском районе социально-политическая система позволила развивать весьма значительную по тем временам социально-культурную инфраструктуру. Большевик В. Антонов — Овсеенко, посетивший район в мае 1919 г., докладывал, «налаживаются детские коммуны, школы, — Гуляйполе — один из самых культурных центров Новороссии — здесь три средних учебных заведения и т. д. Усилиями Махно открыто десять госпиталей для раненых, организована мастерская, чинящая орудия и выделываются замки к орудиям». 11 Детей учили грамоте, занимались военной подготовкой, преимущественно в форме военных игр (подчас весьма жестоких). 12 Но основная просветительская работа проводилась не с детьми, а со взрослыми. Культпросвет ВРС, занимавшийся просвещением и агитацией населения, был укомплектован прибывшими в район анархистами и левыми эсерами. 13 Сохранялась свобода агитации и для других левых партий, но анархисты идеологически доминировали в районе.

Какую роль в движении играли анархисты? Реабилитационные тенденции в отношении Махно, все устойчивей проникающие из публицистики в науку, часто приводят к попыткам отделить его и само движение от анархизма. Так, в достаточно точной с военной точки зрения книге В. Верстюка «Комбриг батько Махно» автор пишет: «Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что в это время Н. Махно выступал приверженцем советской власти. В брошюре, посвященной развенчанию махновщины и анархизма, бывший махновец и анархист И. Тепер (Гордеев) дал достаточно точную и объективную характеристику политических взглядов Махно в этот период: «К Гуляйпольской группе анархистов Махно относился весьма неприязненно за их заумное отношение к большевикам...Еще в феврале месяце 1919 г. во время встречи представителя секретариата Я. Алого (Суховольского) с Махно выяснялось, что последний весьма

и весьма индифферентно относится к общим заданиям набатовской организации и к позиции, которую они занимали в отношении советской власти. Махно тогда говорил: «Сначала я революционер, а потом анархист», а иногда он утверждал, что совсем перестал быть анархистом и что все свои действия направляет на укрепление Советской власти и ликвидацию контрреволюции». 14 Неискушенность автора в вопросах анархистской идеологии привела здесь к некритическому восприятию сочинения Тепера, автора чрезвычайно недобросовестного и тенденциозного, выполнявшего социальный заказ своего нового руководства в 1924 г. О качестве оценок Тепера Верстюк мог бы судить по его описанию военной катастрофы июня 1919 г., которая имеет мало общего с документированными фактами. 15 Достоверны лишь личные конкретные наблюдения Тепера по поводу взаимоотношений анархистов–набатовцев и Махно. Но и здесь необходимы пояснения к двусмысленным замечаниям Тепера. Во–первых, поддержка советской власти вовсе не значит отказа от анархизма. Как мы видели выше, анархисты, в том числе Махно, считали советы формой низовой самоорганизации масс и ячейкой нового общества. Эту приверженность советам Махно пронес через всю свою жизнь и никогда от нее не отказывался. Отношение же к центральной советской власти, то есть к правительству большевиков, всегда, даже в лучшие периоды их отношений, было окрашено недоверием, о чем говорят документы махновских съездов советов.

Во–вторых, выдвигание на первый план общереволюционных задач еще не означает отказа от анархизма как социально–политической концепции. Махно считал, что пока массы не осознают необходимости борьбы со злом государственности, анархическое движение все равно обязано быть с ними: «...когда массы начинают проявлять к нему доверие, оно не должно увлекаться этим доверием и не должно отрываться от различных изгибов первоначально развивающихся событий, хотя бы и не анархических, но революционных, в которых масса развивала свой начальный порыв. Но надо и не пропустить момента, когда с этими изгибами нужно и самим разойтись, и отвести от них трудящиеся массы». 16

В–третьих, скептическое отношение Махно к анархической группе «Набат» слабо связано с его отношением к анархизму. «Набат»

представлял собой лишь одну из многочисленных анархических группировок, претензии которой на руководство махновским движением были очевидно безосновательными.

Многие командиры махновской армии состояли в Союзе анархистов. Такие видные деятели движения как Василевский, Веретельников, Марченко, Гавриленко, Куриленко, Белаш, Вдовиченко и другие были анархистами. Необходимо отличать влияние анархистов на развитие движения от роли пришлых городских анархистов, скептическое отношение к которым сформировалось у махновцев еще в 1918 г. Впрочем, и здесь встречаются немаловажные исключения. Наиболее очевидный пример — товарищ Махно по каторге П. Аршинов (Марин). По свидетельству того же Тепера, Марин вообще был единственным анархистом (имеются в виду пришлые анархисты — А. Ш.), которого Махно искренне уважал и советы которого он беспрекословно принимал. Этому единственному человеку, как я уже выше указал, Махно вообще подчинялся в полном смысле этого слова». 17 Таким образом, даже данные, приведенные Тепером, не дают основания говорить об отходе Махно от анархизма.

По утверждению В. Белаша большое влияние на Махно имел Союз анархистов Гуляйпольского района, возникший во время партизанской войны 1918 г. из анархистов-партизан Гуляйполя (ГАК), Дибривок (видимо, отряд Щуся) и Новоспасовки. 18 По сути Союз анархистов был расширенным вариантом ГАК — организацией командиров местного происхождения, считавших себя анархистами. Большим влиянием пользовались также анархисты группы Черняка — Венгерова-Уралова, приехавшие в район движения еще в партизанский период. Венгерова мог спорить с Махно в присутствии командиров и одерживать победу по частным вопросам. 19 Нарастание конфликтов с «батькой» и последующие претензии союзников-большевиков к моральному облику этой группы анархистов, ослабили влияние группы Венгерова на Махно. 20

Аршинов так характеризует первоначальное отношение городского анархизма к Махновскому движению: «Большинство русских анархистов, прошедших теоретическую школу анархизма, пребывало в своих изолированных, никому в то время не нужных кружках, стояло в стороне, допытывалось, что это за движение, как к нему следует отнестись, и бездействовало, утешая себя той мыслью,

что движение как будто нечисто анархическое». 21 Мы уже видели, что роль анархистов в 1917–1918 гг. была более существенной, чем это виделось П. Аршинову. В 1918 г. анархисты издавали 55 газет и журналов, причем некоторые — тиражами в десятки тысяч. Даже по большевистским оценкам анархистские организации существовали в 130 населенных пунктах, причем крупнейшие из них насчитывали тысячи членов. 22

В 1919 г. украинские анархисты сохраняли мессианское отношение к массовым движениям, выраженное, например, в резолюции Елисаветградского съезда «Набата» 2–7 апреля 1919 г.: «История ныне возлагает на нас великую обязанность — подсказать массам этот выход, помочь им в их исканиях, придать их творческой способности то зрение, которого им не достает». 23 Автор этой резолюции В. Волин был противником организации анархистами военных восстаний, так как «они приводят к властвованию, то есть к неанархическому финалу». 24 Однако он считал, что «когда масса приходит в движение сама, мы можем помочь найти ей верный путь». 25

Исполнительные органы украинского «Набата» до июня не могли определиться в своем отношении к Махно. В Гуляйполе был направлен один из лидеров организации Иосиф, который вынес из этой поездки скорее отрицательные впечатления. «В ответ на мои расспросы, — вспоминает Волин, — он сказал мне, что сомневаться в личной честности Махно он, правда, не имеет оснований, но что, по его мнению, Махно — человек не сильного и не самостоятельного характера, легко поддающийся дурному влиянию, что в махновской организации и в махновском штабе есть отрицательные личности, которых Махно терпит, и что вообще очаровываться нечем, надо лишь следить за движением, которое, помимо самого Махно может дать здоровые результаты». 26 Скепсис Иосифа мог быть вызван как реальной зависимостью Махно от его военного окружения, чье представление об анархизме было весьма примитивно, так и нежеланием комбрига подчиняться влиянию городских набатовцев. Когда Волин лично попытается оказывать влияние на «слабохарактерного» Махно, он обнаружит, что тот вполне может противостоять чужим влияниям, если они противоречат его собственным представлениям.

Из беседы Махно и Иосифа выяснилось, что Махно считает необходимым прибытие в район анархистов, получивших известность в качестве сильных пропагандистов. Махно стремился к тому, чтобы противопоставить анархистскую мысль большевистской и шовинистической агитации. Когда Иосиф упрекнул Махно в том, что на контролируемой им территории сохраняются антисемитизм части населения, комбриг ответил: «А чего же ваши Волины сидят где-то там и не едут сюда работать? Я предоставлю все возможности вести пропаганду и средства — технические приспособления... Сам же я — человек боевой, и занят прежде всего фронтом. Мне некогда заниматься пропагандой». 27

Весной Махно расстрелял двух анархистов, пытавшихся украсть охраняемую ими кассу. 28 Неблагоприятное впечатление произвела на повстанцев и прибывшая в район анархистка М. Никифорова, пытавшаяся впечатлить повстанцев докладом съезду о репрессиях большевиков, выразившихся в осуждении ее на шесть месяцев условного наказания. Понятно, что эта речь вызвала у собравшихся возмущение скорее самой Никифоровой, чем большевиками. «Махно в таких случаях любил поддерживать крестьян, — вспоминал Чубенко — а потому заявил съезду, что если Никифорову судили коммунисты, то значит она заслужила этого. «Наше дело воевать и бить белых, а не разбирать, кто прав, а кто виноват». 29

В органе Гуляйпольской группы «Набат» «Гуляйпольский набат» говорилось, что повстанческое движение, «было создано под влиянием исключительно наших товарищей», и потому «анархизм» в органах движения должен действовать «под строжайшим контролем группы». 30 Но лидеры движения вовсе не собирались подчиняться пришлым анархистам. Не удивительно, что отношения с ними складывались все более напряженно. Кульминацией стал конфликт на митинге 1 мая, где Махно обрушился на них и даже стащил с трибуны М. Никифорову, обвинявшую большевиков в предательстве революции. Бескомпромиссность многих городских анархистов противоречила реалистическим взглядам лидеров движения, предпочитавших компромисс в отношениях с коммунистами. Но в мае городские анархисты наконец оставляют свои претензии и интегрируются в движение. 31 По мере нарастания конфликта с большевиками и Махно начинает спокойнее воспринимать критику центральной советской

власти. Лидерство в движении определялось авторитетом среди крестьян и потому прочно оставалось в руках батьки Махно и его командиров–анархистов.

Идеологию движения определяли взгляды Махно и Аршинова. Махно называет свои взгляды анархо–коммунизмом «бакунинско–кропоткинского толка». 32 Это противоречивое определение было связано с тем, что Махно почти не читал работ Бакунина и Кропоткина и не знал о существенных различиях между их концепциями. Он (формировал свои взгляды почти самостоятельно, принимая лишь то, что, с его точки зрения, соответствовало действительности.

Позднее Махно предлагал следующее государственно–общественное устройство: «Такой строй я мыслил только в форме вольного советского строя, при котором вся страна покрывается местными совершенно свободными и самостоятельными социально–общественными самоуправлениями тружеников». 33 В конце 1918 г. к Махно пришла делегация рабочих–железнодорожников. Рабочие, по воспоминаниям Чубенко, «стали спрашивать, как им быть в отношении организации власти. Махно ответил, что нужно организовать совет, который должен быть не зависим ни от кого, то есть свободный совет, не зависимый ни от каких партий. Тогда они обратились к нему, чтобы он дал им денег, так как у них нет совершенно денег, а деньги им нужны для выплаты рабочим, которые три недели не получают жалованья. Махно, не говоря ни слова, велел дать двадцать тысяч денег, что и было сделано». 34

Этот эпизод показывает, что Махно, выступая за переустройство общества на антиэтатистских началах, не отказывался от «социальной корректировки преобразований». Армия выполняла роль государственных органов социальной помощи. Махно понимал, что «свободные советы» не могут быть независимыми друг от друга. Позднее Махно подробно описал, каким образом должна строиться надстройка над структурами низового самоуправления (см. Часть II).

Идея «надстроечных», по существу властных органов не является результатом более поздней эволюции взглядов «батько» и его идеологического советника Аршинова. Еще 8 февраля 1919 г. в своем воззвании Махно выдвигал такую задачу. «Строительство истинного Советского строя, при котором Советы, избранные трудящимися, являлись бы слугами народа, исполнителями тех законов, тех

порядков, которые напишут сами трудящиеся на всеукраинском трудовом съезде». 35 Таким образом Махно предполагал созыв своего рода учредительного собрания, а возможно и регулярно созываемого представительного органа, который даст советам аналог конституции (основных «порядков»), а возможно и будет принимать законы, в рамках которых может действовать местное самоуправление.

Но где гарантия, что новые органы координации, плановые и статистические центры не замкнутся на себе, не превратятся в новый источник угнетения? «Наша трудовая община будет иметь всю полноту власти у самой себя и свою волю, свои хозяйственные и иные планы и соображения, будет проводить через свои органы, которые она сама создает, но которые не наделяет никакой властью, а только лишь определенными поручениями» 36, — писали Махно и Аршинов в мае 1919 г. С их точки зрения власть должна быть децентрализована и в территориальном, и в отраслевом отношении. Объединения трудящихся (и не только сельские, но и городские) могут создавать органы с четкой задачей. Эти органы не имеют права присваивать себе дополнительные полномочия и объединяться в единую систему исполнительной власти. Связь между ними осуществляется через всеильное самоуправление трудящихся — съезды советов.

В построениях Махно бросается в глаза нарочитое нежелание регламентировать черты будущего общества. Не в пример многим социальным утопиям прошлого, Махно считает, что общины–советы сами определяют конкретные формы своего существования. Но принципы им определены достаточно четко.

Многообразие социальных сил в движении порождало широкую палитру подходов к необходимым преобразованиям. Но значительный земельный фонд, конфискованный у кулаков и помещиков, давал возможность относительно безболезненно согласовывать различные интересы, желающие могли организовывать из своих участков сельскохозяйственные коммуны (крупнейшая из них коммуна имени Розы Люксембург насчитывала 285 человек и засеяла 125 десятин земли)³⁷, другие — или укреплять общинные узы, или оставаться на отрубях. Немалое значение придавалось наделению землей малоземельных и пришлых.

Антикулацкая и антипомещичья направленность махновщины привлекли к ней и середняцкие, и бедняцкие слои. Голос бедняков

звучит в резолюциях Второго съезда Советов Гуляйпольского района (февраль 1919 г.): «Впредь же до разрешения земельного вопроса окончательным образом съезд выносит свое пожелание, чтобы земельные комитеты на местах немедленно взяли на учет все помещичьи, удельные и другие земли и распределяли бы их между безземельными и малоземельными крестьянами, обеспечив и вообще всех граждан посевными материалами». 38

Важную роль в движении играли и рабочие. С началом хозяйственного кризиса они хлынули домой и приняли активное участие в событиях. Достаточно сказать, что крупнейшие лидеры движения П. Аршинов, Б. Веретельников, В. Белаш и сам Махно были в свое время рабочими. Еще 15 декабря 1918 г. общее собрание рабочих по докладу Б. Веретельникова приняло решение о формировании добровольческих отрядов рабочих и о выплате уходящим на фронт пособия в размере полуторамесячной зарплаты. 39 Однако вскоре лидеры движения стали критически отзываться о рабочих. На митинге по поводу посещения района П. Дыбенко и А. Колонтай Махно «стал ругать рабочих за то, что никто из рабочих не пошел в прием желающих в армию». 40 Еще более обострились отношения с рабочими после конфликтов на предприятиях, оборудование которых махновцы «эвакуировали» в Гуляйполе при сдаче городов белым. 41

В конкретной ситуации 1919 г. на первом плане стояли задачи военного выживания. И здесь система низового самоуправления давала впечатляющие результаты. Пополнение махновских войск, благодаря которому их численность с 400 человек в начале 1919 г. выросла до 55 тысяч в мае (32,2 тысячи не вооружены) 42 (для сравнения — Украинская советская республика располагала в это время 117 тысячами вооруженных и 71 тысячей невооруженных бойцов 43) — осуществлялось за счет «добровольной мобилизации». В январе, когда белые перешли в наступление против района, Махно выступил за принудительную мобилизацию. Но на собрании комсостава и членов штаба анархистам Черняку, Венгеру и Уралову удалось убедить большинство в том, что принудительная мобилизация противоречит принципам революции. 44

Вопрос о комплектовании войск стал одним из ключевых на II съезде. К этому времени под командованием Щуся был сформирован

полк в Б. Михайловке. Однако Щусь, еще не подчинившийся до конца Махно, отказывался выводить его на позиции, поскольку другие села не выставляют бойцов в армию. Как уже говорилось, окончательно удалось подчинить Щусю только в марте 1919 г. Добровольная мобилизация, объявленная на II съезде, привела к замене полусамостоятельных отрядов «батек» организованным ополчением с единым командованием.

В соответствии с решениями III съезда Советов каждый населенный пункт должен был выставить полк (80–300 человек), который затем вооружается, избирает командование и выступает на фронт. Вместе сражались люди, которые давно знали друг друга и доверяли командиру. Деревня, выставившая полк, охотно снабжала его — ведь полк состоял из родственников крестьян Бойцы, в свою очередь, знали, что отступить на сотню километров — значит, поставить под удар собственные хаты.

Очевидно, что повстанческая армия была призвана ограждать население и общественные структуры от угрозы не только извне, но и изнутри района. Периодические вспышки бандитизма были вообще чрезвычайно характерны для этого периода революции: «В городе грабежи, пьянство, разгул, которые начинают захлестывать армию», — докладывал после занятия Харькова командующий группой войск РККА В. Ауссем. 45 Другой эпизод: «В конце апреля полк стоял на станции Тетерев, красноармейцы безнаказанно бесчинствовали — грабили, избивали пассажиров, убили несколько евреев," 46 — вспоминает Антонов — Овсеенко о похождениях 9-го полка РККА.

Здесь уместно привести фрагмент беседы Наркома Украины А. Затонского с красноармейцами, которых пришлось уговаривать не поворачивать на Киев, чтобы «разделаться с Чекой и Коммунией»: «Наконец один уже пожилой дядько спрашивает: «А чи правда, що Раковский жид, бо кажут, що раньше большевики були, а потім жиди комуніста Раковського посадили».

Удостоверяю, что товарищ Раковский самого православного происхождения, что коммунисты — это те же большевики». 47 Известны многочисленные еврейские погромы с участием РККА. 48

Известно, что антисемитизм был характерен и для значительной части белого движения. Если верить Чубенко, атаман Шкуро, пытаясь привлечь Махно на свою сторону, писал ему: «Ведь ты все равно

бьешь комиссаров, и мы бьем комиссаров, ты бьешь жидов, и мы бьем жидов, так что нам не из-за чего воевать». 49 Впрочем, об антисемитизме и грабежах со стороны белого движения писали и его идеологи. Вспоминая об отступлении зимы 1920 г., один из идеологов белого движения В. Шульгин пишет: «Почти что святые» и начали это белое дело, но что же из него вышло? Боже мой!.. Начатое «почти святыми», оно попало в руки «почти бандитов»... Деревне за убийство было приказано доставить к одиннадцати часам утра «контрибуцию» — столько-то коров и т. д. Контрибуция не явилась, и ровно в одиннадцать открылась бомбардировка.

Мы, — как немцы, сказано, сделано... Огонь!..

Кого убило? Какую Маруську, Евдоху, Гапку, Приску, Оксану? Чьих сирот сделало навеки непримиримыми, жаждущими мщения бандитами?»

Мы также относимся к «жидам», как они к «буржуям». Они кричат: «Смерть буржуям», а мы отвечаем. «Бей жидов». 50 Эти заметки — приговор белому делу, но и повод заметить несомненное сходство между рождавшимися одновременно двумя формами тоталитаризма — красным, сделавшим ставку на создание своей собственной новой элиты, способной управлять перестроенной по военному образцу страной — плацдармом для интернациональной революционной войны; и белой, трехцветной, коричневой — как угодно — сделавшей ставку на диктатуру старой элиты, деградировавшей под влиянием войны, пропитавшейся расизмом, зато более терпимой к частной собственности.

Если говорить о «революционных войсках», то разгул солдатского бандитизма, принимавшего часто антисемитскую окраску, можно объяснить особой психологической ситуацией, в которой оказался солдат в 1918–1919 годах. Он был силой, на которую опиралась диктатура. Он добывал партиям власть и считал себя вправе в случае чего «навести порядок». Сила порождала ощущение вседозволенности, постоянные перебои в снабжении и выдаче жалования — ощущение «неблагодарности» со стороны властей. И здесь обстановка социальной катастрофы, маргинализации и радикализма способствовала выходу на поверхность темных антисемитских инстинктов.

На этом фоне Махновский район представлял собой относительно спокойное образование. Комплектование махновской армии из местных крестьян серьезно препятствовало бандитизму в основной зоне движения. Еще в январе 1919 г. сам Махно и его командиры участвовали в жестоких убийствах (не принявших, в отличие от территорий, контролируемых другими режимами, массового характера). 51 Но затем такая практика надолго прекращается.

Впоследствии эта сторона революции угнетала Махно, и он писал о жестокости гражданской войны: «В этой жестокой борьбе моральные стороны преследуемой нами цели будут неизбежно уродоваться и будут такими уродливыми казаться всем до тех пор, пока связанное с этой целью намечаемое нами дело борьбы не будет признано всем населением своим делом и не начнет развиваться и охраняться непосредственно им самим». 52

Пока самостоятельная активность большинства населения была делом будущего, в движении стал организовываться специальный орган для борьбы с внутренним врагом. В начале 1919 г. анархистом Черняком была организована контрразведка при штабе махновцев. В ее первый состав входили Я. Глазгон, Цинцинер, Л. Зиньковский (Задов) и Д. Зиньковский. Чубенко рассказывал о том, что в Бердянске деятельность контрразведки породила «слухи» о грабежах населения махновцами. Однако на жалобы по поводу контрразведки Махно отвечал: «это на них клеветает буржуазия, так как они с нею борются беспощадно, а потому их хотят скомпрометировать». 53 Методы, которыми шла эта «борьба», повергали жителей города в ужас.

Что касается антисемитизма, то в Приазовье он был вообще развит слабее, чем на правобережной Украине. Любые мало-мальски заметные его проявления жестоко карались махновцами. Как уже упоминалось, в махновских войсках сражалась еврейская национальная батарея. Случай же погрома в еврейской колонии Горькой в ночь с 11 на 12 мая повлек за собой тщательное расследование и расстрел виновных. Это событие квалифицировалось докладчиком следственной комиссии Могилой как «бешеный кровавый разгул полусумасшедших людей, потерявших совесть». 54 Больше случаев погромов на территории, контролируемой махновцами, не было.

2. Батько и большевики

Взаимоотношения с центральной советской властью представляют собой наиболее драматичную сторону истории движения. Основу сотрудничества этих двух сил составляли не только сиюминутные интересы, но и общие лозунги, в которые вкладывалось разное содержание. Первоначально обе стороны надеялись на то, что союзник осознает «свои ошибки» и перейдет на платформу союзника.

Если большевистское руководство возлагало в этом надежды на комплекс «воспитательных» и репрессивных мероприятий, то Махно — скорее на логику революционного процесса, на сближение авангарда революции с позицией широких трудовых масс, в том числе и крестьянских: «... В этих зеленых, толстых и сочных стебельках растет великая, не подлежащая цифровой оценке помощь революции. Нужно только, чтобы революционные власти поумнели и отказались от многого в своих действиях; иначе ведь население пойдет против революции: иначе население, трудовое население не найдет в завоеваниях революции полного удовлетворения и одним только отказом оказать революции добровольную материальную (в смысле пищи) помощь нанесет ей удар несравненно более сильный, чем какие бы то ни было вооруженные отряды калединской, корниловской и иной контрреволюции» 55, — вспоминал Махно о своих иллюзиях в отношении большевиков.

Но ни та, ни другая сторона не собиралась «поумнеть». Все более очевидным становилось различие самих подходов к решению социально–политических проблем. В ход пошли классовые оценки. Большевики обвиняли в «мелкобуржуазности» любую оппозицию, возникающую в революционном лагере. Не составило исключения и махновское движение. Так, например, в докладе заведующего александровским агитпросветом на съезде заведующих уездных агитпросветов Екатеринославской губернии 1 апреля 1919 г. (то есть в период официально «теплых» отношений между махновцами и красными) говорилось: «Александровский уезд является прифронтовой полосой, в районе его, а именно в с. Гуляйполе, расположен штаб «батьки» Махно, тот район представляет собой

особое государство в государстве. Вокруг этого знаменитого штаба сконцентрировались все силы левых эсеров, анархистов, отъявленных бандитов и преступников–рецидивистов». 56

Первые сведения о махновцах донесла до Красной Армии разведка. «Доклад сотрудника севастопольского более интересен ... По всей линии оперирует Махно со своими войсками. Войско у него организованное, командный состав подобранный, сознательный. Совсем иное войско там оперирует — добровольцы. Чувствуется страшная ненависть к петлюровцам». 57 К этому моменту махновцы контролировали район Орехово — Пологи-Воскресенска — Лозовая. Красное командование стремилось выйти сюда и превратить действующие здесь партизанские соединения в красные полки.

Между тем махновцы, еще в начале января вобравшие в свой состав несколько тысяч полувооруженных повстанцев Приазовья, страдали от нехватки боеприпасов и винтовок. Несколько дней боев с белыми — и боезапас был израсходован, а повстанцы прижаты к Гуляйполю. Сдавать свою «столицу» они не хотели. С 24 января до 4 февраля здесь велись ожесточенные бои с переменным успехом. 58 Лишенные патронов бойцы отбивались от превосходящего их по численности неприятеля в штыковых схватках. В свою очередь и теоретики махновского движения осуждали многое в действиях большевиков. Ходя эти взгляды были окончательно сформулированы уже после революции, сами подходы наметились несомненно переломной весной 1919 г. и, как мы увидим, присутствуют во многих махновских документах. П. Аршинов отмечал нарастание командных тенденций в революции: «В ряде городов профсоюзы и фабрично–заводские комитеты приступили к перенятию предприятий и товаров в свое ведение, к удалению предпринимателей, к самостоятельному проведению тарифов и т. д. Но все эти шаги встретили противодействие со стороны ставшей уже государственной коммунистической партии». 59 Аршинов пытается проникнуть в психологию коммунистов, в логику, которая движет их действиями: «Период разрушения, преодоления сил капиталистического режима закончился, начался период коммунистического строительства, возведение пролетарского здания. Поэтому революция может идти теперь только через органы государства. Продолжение же прежнего состояния страны, когда рабочие продолжают командовать с улицы, с

фабрик и заводов, а крестьяне совсем не видят новой власти, пытаюсь наладить свою жизнь независимо от нее, носит в себе опасные последствия, может дезорганизовать государственную роль партии». 60 Итак, с точки зрения Аршинова, стремление коммунистов поставить революционные процессы под тотальный контроль государства вызваны их партийным эгоизмом, за которым маячит классовый эгоизм «новой буржуазии». А отсюда вывод, чтобы революция развивалась не сверху вниз, а снизу вверх, чтобы трудящиеся сами, без опеки сверху создавали новые формы жизни, чуждые эксплуатации, необходима принципиально беспартийная система. Это, конечно, не значит, что партии следует запретить (махновский район был многопартийным). «Беспартийная» система предполагает, что партии и общественные движения имеют одинаковые возможности влиять на систему власти, но ни одна организация не может захватить власть в масштабах страны.

Критика партийности звучит и в размышлениях Махно: «Революционные партии при всех своих потугах, подчас колоссальных и достойных уважения, не могут вместить в рамки своих партийных доктрин ширь и глубину жизни трудящихся». 61

Несмотря на противоречия с большевиками, махновцы в сложившихся условиях были обречены на союз с ними. Единственную возможность достать боеприпасы и вооружение давала Красная Армия. Еще в начале января Махно приказывал О. Чубенко: «Может удастся соединиться с Красной армией, которая по слухам захватила Белгород и перешла в наступление по всему Украинскому фронту. Если будешь иметь с ней встречу, заключи с ней военный союз». 62 Махно не дал Чубенко полномочий на ведение каких — либо политических переговоров с красными, и эмиссар «батько» ограничился лишь заявлением о том, что «мы все идем за советскую власть». 63 После встречи Чубенко с Дыбенко 26 января махновцам были переданы патроны, позволившие уже 4 февраля перейти в наступление. Взяв Орехов и Пологи, 17 февраля махновцы вошли в Бамут.

Военно–политический союз был скреплен передачей повстанцам нескольких тысяч итальянских винтовок, которые еще сыграют в истории движения свою роковую роль. Махно получил патроны к ним, а также 2 миллиона рублей жалованья бригаде.

Махновцы вошли в качестве 3-й бригады в состав Первой Заднепровской дивизии под командованием Дыбенко. «Дыбенко ему сказал, что он на самом лучшем счету у большевиков коммунистов», — вспоминает Чубенко о встрече комдива с Махно. Вероятно, на встрече Дыбенко пожаловался Махно на анархистов. Последний по окончании встречи назвал их «политическими шарлатанами», которые «набрали авансов у Советской власти и не отчитались», что ухудшает отношения с красными. 64 Впрочем, к этому времени у Махно накопились и свои противоречия с первой волной городских анархистов, прибывших в район, и претензии коммунистов пали на благодатную почву, став еще одним поводом к тому, чтобы «выбросить» группу Венгерова. 65 Впрочем, ослабив ее влияние, Махно сохранил за способными пришлыми анархистами «первой волны» важные посты в армии. 66

Большевицкое оружие позволило вооружить ждавшее своего часа крестьянское пополнение. В результате 3-я бригада 1-й Заднепровской дивизии стала расти как на дрожжах, обгоняя по численности и дивизию, и 2-ю Украинскую армию, в составе которой 3-я бригада сражалась позднее. Если в январе у Махно было около 400 бойцов, то в начале марта — уже 1000, в середине марта 5000, а в апреле 15–20 тысяч. Пополнившаяся в результате «добровольной мобилизации», махновская бригада развернула наступление на юг и восток. Первоначально красные командиры относились к формированию махновцев скептически: «Под Бердянском дело — табак. Махно льет слезы и вопит о поддержке». 67 Через неделю, однако, пройдя с боями за полтора месяца свыше 100 км, махновцы ворвались в Бердянск. Западный бастион Деникина был ликвидирован.

Одновременно другие махновские части отодвинули на такое же расстояние фронт на восток, войдя в Волноваху.

Махновцы захватили у белых эшелон с 90 тысячами пудов хлеба и отправили его голодающим рабочим Москвы и Петрограда с таким сопроводительным письмом: «Гуляйпольское революционное крестьянство, а также крестьянство всех прилегающих областей, командный состав и повстанческие крестьянские отряды имени Махно, Гуляйпольский Совдеп, Революционный полевой штаб Махно постановили имеющиеся у нас девяносто вагонов муки, добытой в бою с добровольческими бандами, как военная добыча, поднести в

подарок московским, петроградским революционным крестьянам и рабочим. Повстанческие крестьяне названного района и все их вожаки протягивают свою товарищескую руку и приветствуют своих революционных товарищей, Совнаркомы и Совдепы. Просим оповестить население». 68 Посылка хлеба, таким образом, рассматривалась махновцами как важная пропагандистская акция. Письмо составлялось как политическая программа, призванная кратко описать политическую систему махновцев, показать демократизм принятия решений, социальные приоритеты (даже применительно к Москве и Петрограду крестьянство ставится на первое место). Характерно и то, что махновцы приветствуют не Совнарком, а «Совнаркомы».

Экономическое сотрудничество с пропагандистским уклоном продолжилось и позднее. Махновцы и большевистские органы начали налаживать продуктообмен с Донбассом. 69 Для Махновского движения это позволяло не только решить конкретные хозяйственные задачи, но и продолжить строительство предусмотренных программой движения горизонтальных хозяйственных связей.

Но не только эти события определяли отношения двух советских властей. Введение продовольственной разверстки, безудержный рост бюрократического аппарата, поглощавшего и разбазаривавшего значительную часть изъятого у крестьян хлеба, запрет партий и организаций, даже поддерживающих советскую власть, факты произвола со стороны ЧК — все это не встречало понимания у крестьян Приазовья. 70

Махновская армия представляла инородное тело в РККА, и не удивительно, что уже в феврале Л. Троцкий потребовал ее преобразования по образу и подобию других красных частей. Похоже, нарком еще не понимал, что имеет дело со своеобразным военно-политическим формированием, которое не подчиняется СНК и представляет собой «государство в государстве». Реакция Махно на «поползновения» Троцкого была резкой: «Самодержавец Троцкий приказал разоружить созданную самим крестьянством Повстанческую армию на Украине, ибо он хорошо понимает, что пока у крестьян есть своя армия, защищающая их интересы, ему никогда не удастся заставить плясать под свою дудку Украинский трудовой народ. Повстанческая армия, не желая проливать братской крови, избегая

столкновения с красноармейцами, но подчиняясь только воле трудящихся, будет стоять на страже интересов трудящихся и сложит оружие только по приказанию свободного трудового Всеукраинского съезда, на котором сами трудящиеся выразят свою волю». 71

Таким образом, Махно изложил формулу отношений с большевизмом: критиковать, избегать столкновений с «братским» движением, служить средством защиты крестьян от союзника и добиваться созыва неподконтрольного коммунистам крестьянского съезда, который станет верховной властью на Украине (в дела России махновцы не вмешиваются). Поскольку большевики не позволят созвать крестьянский съезд, он «должен быть тайным и в тайном месте». 72

В феврале 1919 г. политика РКП (б) подверглась резкой критике на II съезде Советов Гуляйполя. Выступая с докладом на съезде 14 февраля, Махно говорил: «Если товарищи большевики идут из Великороссии на Украину помочь нам в тяжелой борьбе с контрреволюцией, мы должны сказать им: «Добро пожаловать, дорогие друзья!» Но если они идут сюда с целью монополизировать Украину — мы скажем им: «Руки прочь!» Мы сами умеем поднять на высоту освобождение трудового крестьянства, сами сумеем устроить себе новую жизнь — где не будет панов, рабов, угнетенных и угнетателей». 73 Продолжая эту мысль, делегат Новопавловска и будущий председатель ВРС Чернокнижный утверждал: «Пока Временное правительство Украины сидело в Москве и Курске, трудящиеся сами освободили свою территорию от врага... Мы, беспартийные повстанцы, которые восстали против всех наших угнетателей. Мы не потерпим нового порабощения какой-либо пришедшей партией». 74

Резолюция съезда гласила. «Нами не избранные, но правительством назначенные политические и разные другие комиссары наблюдают за каждым шагом местных Советов и беспощадно расправляются с теми товарищами из крестьян и рабочих, которые выступают на защиту народной свободы против представителей центральной власти. Именуящее себя рабоче-крестьянским, правительство России и Украины слепо идет на поводу у партии коммунистов большевиков, которые в узких интересах своей

партии ведут гнусную непримиримую травлю других революционных организаций.

Прикрываясь лозунгом «диктатуры пролетариата», коммунисты большевики объявили монополию на революцию для своей партии, считая всех инакомыслящих контрреволюционерами... Мы призываем товарищей рабочих и крестьян не поручать освобождение трудящихся какой бы то ни было партии, какой бы то ни было центральной власти: освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся». 75

Воззвание Махно от 8 февраля (подготовленное, видимо, культпросветом) также полно критических выпадов в адрес коммунистов и персонально Троцкого: «Комиссародержавцы хотят видеть в трудящихся только «человеческий материал», как выразился на съезде Троцкий, только пушечное мясо, которое можно бросать против кого угодно, но которому ни в коем случае нельзя дать право самим, без помощи коммунистов создать свою трудовую жизнь, свои порядки... Повстанческая армия борется за истинные советы, а не за чрезвычайки и комиссародержавие». 76

Откровенно антибольшевистский и в принципе антипартийный характер резолюций в феврале не вызвал особых «нареканий» — союз с махновцами только завязывался, и на их «демократические шалости» смотрели сквозь пальцы. Тем более что бригада стремительно наступала

Но в апреле, когда фронт стабилизировался, большевиками был взят курс на ликвидацию особого положения махновского района. Скоро стало ясно, что задача эта непростая. Махно принял комиссаров-коммунистов и присланного Дыбенко начальника штаба — левого эсера Н. Озерова, но к политической власти их не допустил.

В. Белаш вспоминал:

— Это черт знает что, — говорил Махно комиссару (большевику) Петрову, приехавшему вместе с Озеровым. — Ведь говорил, предупреждал и, кажется, договорились; вы обещали распустить свои организации: Чеку, продкомиссии, партийные комитеты, военкоматы, а теперь снова принялись! И поверь, товарищ Петров, плохое дело будет, если не прекратите. Оставьте нас, не трогайте крестьян, не опекайте рабочих — все будет хорошо. Предоставьте в этих уездах нам свободу анархо-коммунистического строительства, делайте за пределами их

все эксперименты, мы не будем нападать, только оставьте нас, не мешайтесь в наши семейные дела!

— Товарищ Махно, ведь, мы договорились, загляните в договор и увидите, что мы с вами в военном союзе Занятая территория нами и вами принадлежит и вам, и нам, без нашей помощи вы бы ее не заняли. А коль так, мы и работаем вместе. Мы не виноваты, что рабочие не хотят жить без власти и по своему почину формируют свои организации, свою Чеку от налетов ваших партизан..., — говорил Петров

— Я не так, как вы понимаю союз, — перебил Махно.

Вместе мы бьем Деникина, но цели у нас разные... Они (комиссары — А Ш.) у нас, как бы ваши представители для координации совместных действий, но не властелинами над командирами, избранными самой массой.

Летучее собрание было солидарно с официальным заявлением Махно». 77 Конечно, махновцы не были столь наивны, чтобы считать ЧК органом рабочих масс, и агитация Петрова не имела успеха.

Последующие события не способствовали снижению напряженности между сторонами. Попытка Дыбенко распустить часть махновских формирований вызвала в Орехове вспышку волнений. Подчиненный Махно батька Правда грозил уездным властям разгромом. Власти восприняли угрозу буквально: «Существует опасение, что мятеж может охватить весь район, занятый войсками Махно, и сам Махно против своей воли может быть вовлечен в эту авантюру," 78 — телеграфировал командующий группой А. Скачко.

Вскоре, однако, стало ясно, что угрозы батьки Правды не выходили за рамки митинговой риторики, а сам инцидент был быстро исчерпан. Впоследствии Антонов — Овсеенко докладывал Х. Раковскому об «ореховом бунте». История с наступлением на Александровск — как выяснилось из рассказа Дыбенко и Махно — курьезный вздор». 79

Боевые действия против белых в апреле шли с переменным успехом. В конце марта махновцы попытались перерезать дорогу Луганск — Таганрогу-Кутейникова, но контрудар деникинцев от Горбачево — Михайловки и Моспино заставил вернуться на линию Луганско — Мариупольской дороги. Перегруппировав силы, белые 13 апреля перешли в наступление на Мариуполь. Основные силы

махновцев были в этот момент заняты в боях под Еленовкой, на северном участке фронта. Мощным ударом на Волноваху противник отсек основные силы махновцев от Мариуполя и 14 апреля вышел к Мангушу, в глубоком тылу Мариупольского направления. Под угрозой оказался штаб Махно. Но полностью окружить южное крыло 3-й бригады не удалось — оно потянулось за Мангуш, оставив обстреливаемый с моря Мариуполь. С помощью батальона интернационалистов удалось восстановить фронт у Волновахи.

Это, пожалуй, единственный эпизод, когда РККА всерьез выручила махновцев. Северный же сосед 3-й бригады — 9-я дивизия 13-й армии — не раз покидал позиции в решающий момент, оголяя фронт. Это вызвало у махновцев скептическое отношение ко всей централистки организованной Красной Армии. Но основной конфликт разворачивался вокруг вопроса о снабжении. Пополнять боеприпасы за счет противника, как раньше, было уже не так-то просто, а РККА, вопреки соглашению, поставляла все меньше и меньше патронов. Тяжелые бои, ничтожность подкреплений и перебои в снабжении все более выматывали бригаду. Вот что телеграфировал командующий 2-й Украинской армией Скачко: «Противопоставить противнику нечего, ибо 3-я бригада Махно, находясь непрерывно более трех месяцев в боях, получая только жалкие крохи обмундирования и имея в придачу таких ненадежных соседей, как 9-я дивизия, совершенно истощилась, и можно считать 3-ю бригаду временно совершенно вышедшей из строя». 80 В эти апрельские дни казалось, что махновская бригада разбита. Кончались последние патроны к полученным еще в феврале итальянским винтовкам. Боеприпасы к ним можно было получить только из центра — другие не подходили.

Бойцы были измотаны, но бригада, подобно Антею, питалась от своей земли. Местные жители сменяли старых бойцов и со свежими силами бросались в бой. Наверное, в этом объяснение военного чуда, которое произошло под Мариуполем в конце апреля. Еще 19 апреля командующий 2-й армией Скачко телеграфировал. «Немедленно высылайте смену 3-й бригаде, ибо люди покинут фронт. С итальянками без патронов и без пулеметов против десятков пулеметов противника люди не в состоянии устоять». 81 Но уже 20 апреля махновцы перешли в контрнаступление и взяли Мангуш. 22 апреля

белые контратаковали Мангуш, но на следующий день он снова оказался в руках махновцев. После этого белой группировке в районе Мариуполя уже не удалось удержаться. 27 апреля Мариуполь был взят махновцами, фронт стабилизировался. 82

Давая общую оценку боеспособности махновских частей, Антонов — Овсенко писал, «прежде всего факты свидетельствуют, что утверждения о слабости самого заразного места — района Гуляйполя, Бердянск — неверны. Наоборот, именно этот угол оказался наиболее жизненным из всего Южного фронта (сводки за апрель–май). И это не потому, конечно, что здесь мы были лучше в военном отношении организованы и обучены, а потому, что войска здесь защищали непосредственно свои очаги». 83

Но проблема боеприпасов решена не была. В середине мая штаб Махно сообщал «Отсутствие налаженной и срочной доставки патронов заставило оставить многие позиции и приостановить наступление. Кроме того, части совершенно не имеют патронов, и, продвинувшись вперед, находятся в угрожающем положении на случай серьезных контрнаступлений противника. Мы свой долг исполнили, но высшие органы задерживают питание армии патронами. 84 То, что махновцев оставили фактически безоружными перед лицом врага, имело под собой множество «объективных» причин. Административно–бюрократический централизм «военно–коммунистической» системы совершенно закупоривал каналы снабжения. «В отношении продовольственного снабжения царила страшная неразбериха, ведомственная сутолока и межведомственная война 85, — вспоминал командующий Украинским фронтом. Начальник снабжения фронта докладывал: «До настоящего времени органы снабжения Украины и России войскам фронта почти ничего не давали... Так как начснабдивам приходится пойти через инстанции пока они доберутся до комиссий, и раз комиссии не подчинены начснабдивам, то и обращения их к комиссиям остаются воплем в пустыне». 86 «Несостоятельность работы Наркомпрода создала самоснабжение армии» (читай — «конфискации и грабежи»), 87-говорилось в отчете о деятельности Народного комиссариата по военным делам Украины за март–май 1919 г.

Притом, что и красноармейские части снабжались плохо, до строптивых махновцев, естественно, вообще мало что доходило. В

ответ махновцы задержали несколько составов с продовольствием, предназначенных для красных. 88

Но были и особые, военно–политические обстоятельства задержек снабжения, свет на которые проливает Реввоенсовет 2-й Украинской армии: «Еще при образовании бригады Махно командармом 2-й были даны ей итальянские винтовки с тем расчетом, чтобы в случае надобности имелась возможность оставить их без патронов». 89 С апреля эта угроза становилась все более реальной.

3. Крушение союза

Большевики не были расположены к тому, чтобы мириться с самостоятельностью Махно и махновцев. 25 апреля в Харьковских «Известиях» появилась статья «Долой махновщину», в частности отмечавшая:

«Повстанческое движение крестьянства случайно попало под руководство Махно и его «Военно–революционного штаба», в котором нашли себе пристанище и бесшабашно анархистские, и бело–левоэсеровские, и другие остатки «бывших» революционных партий, которые разложились. Попав под руководство таких элементов, движение значительно утратило силу, успехи, связанные с его подъемом, не могли быть закреплены анархичностью действий... Безобразиям, которые происходят в «царстве» Махно, нужно положить конец». 90

В конце апреля махновцы собрались на свой III районный съезд в Гуляйполе. Как и следовало ожидать, «социалистический плюрализм», царивший в «Махновии», вылился в резкие формулировки, направленные против военно–коммунистической политики РКП(б):

«Съезд протестует против реакционных приемов большевистской власти, расстреливающей крестьян, рабочих и повстанцев.

Съезд требует проведения правильного свободного выборного начала ...

Съезд требует замены существующей продовольственной политики правильной системой товарообмена ...

Съезд требует полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым течениям, т. е. партиям и гражданам, и неприкосновенности личности работников партий, левых революционных организаций и вообще трудового народа». 91

Комдив Дыбенко ответил телеграммой: «Всекие съезды, созванные от имени распущенного согласно моему приказу военно–революционного штаба, считаются явно контрреволюционными, и организаторы таковых будут подвергнуты самым репрессивным мерам вплоть до объявления вне закона». 92

Съезд специально продолжил свою работу, чтобы ответить комдиву. Ответ делегатов по стилю напоминал письмо казаков турецкому султану. После насмешливых разъяснений относительно истории движения и его съездов делегаты пишут: «Вы, «товарищ» Дыбенко, как видно, молоды в революционном движении на Украине. Ну что же, познакомим вас с ним, а вы, познакомившись, быть может, исправитесь немного». 93 Намекая на слабость позиции РКП(б) в Приазовье, махновцы продолжают: «если большевистская идея будет иметь успех, то военно–революционный совет, сточки зрения большевиков, организация явно контрреволюционная, заменится другой, «более революционной» большевистской организацией. А покамест не мешайте нам, не насилуйте нас». 94

Одновременно в район, контролировавшийся махновцами, попали процитированные выше харьковские «Известия» со статьей, которая особенно возмутила Махно. 29 апреля он приказал задержать часть комиссаров, решив, что большевики готовят нападение на махновцев: «Пусть и большевики у нас посидят, как сидят в казематах Чека наши», — говорил он Белашу, ссылаясь на решение Союза анархистов и «Набата». 95 Там, где комиссары смогли наладить нормальные отношения с комсоставом и бойцами, это указание было проигнорировано. 96 Другие комиссары побежали из района. В зоне расположения красных частей они столкнулись с командующим Украинским фронтом В. Антоновым — Овсеенко. Командующий повернул в самое «логово мятежников».

Интересно, что визит Антонова — Овсеенко в махновский штаб сопровождался попытками красных выяснить точное расположение махновских частей — вероятно, для удара по ним. Но нападение было невозможно, пока в гостях у Махно был Антонов — Овсеенко. Вот запись телефонных переговоров махновского и красного штабов:

«Бишиле: Прошу сообщить, у вас ли сейчас комфронт Антонов и не известно ли, когда он выедет?

Богословский: Вы мне уже надоели (Очевидно, это далеко не первый звонок из штаба красных за время пребывания Антонова — Овсеенко в штабе Махно. — А. Ш.), против моего окна сидит, с батькой Махно беседует.

Бишиле: А не известно ли, когда он выедет?

Богословский: Тогда сам сообщу».

Затем дежурный секретарь Бишиле звонит начальнику штаба 3-й бригады Веретельникову.

«Веретельников: У аппарата начштаба Веретельников, что нужно?

Бишиле: У аппарата дежурный секретарь Бишиле. Прошу дать сейчас же самые точные сведения о расположении частей вашей бригады.

Веретельников: Я не могу сказать, не нахожу возможным передать это без «маяка».

Бишиле: Мне приказано получить сведения во что бы то ни стало и уклончивые ответы в расчет не принимать. Так как в противном случае вы будете подлежать суду военного трибунала как не ...

Веретельников: Не нахожу нужным отвечать такому дураку, как вы, который требует сведений без шифра.

Бишиле: Прежде всего долг вежливости требует выслушать человека до конца, а потом уже выводить свои глубокие умозаключения. К вам уже...

Веретельников: Ваш долг вежливости не велит вам пугать меня, я уже пуган. «

Угроза трибуналом не помогла заставить анархиста нарушить порядок передачи секретной информации. Но Бишиле эта информация нужна «во что бы то ни стало» и немедленно. Поэтому он идет на откровенную ложь:

«Бишиле: К вам уже десятки раз обращались с подобными просьбами и всегда получали ответы подобно вашему: мы, мол, сейчас без шифра дать не можем, зашифруем и пришлем, но несмотря на это мы ни разу сведений не получали».

Это не соответствует действительности. С 11 по 28 апреля, в период боев за Волноваху и Мариуполь, штаб 2-й армии получил 18 сообщений о расположении 3-й бригады. На момент затишья после успешных для бригады действий согласно переданному в штаб донесению она занимала позицию Доля — Еленовка-Александровское — Ново-Николаевское — Игнатьевка-Павлополь — Мариуполь. 97 Бишиле и стоящее за ним руководство интересуют передвижения бригады за последние два дня, хотя на фронте спокойно. Впрочем, секретарь и сам уже понял все неудобство своего положения и начал говорить нечто маловразумительное.

«Желая предупредить подобный случай, я хотел поставить вас в известность о последствиях, дабы получить наконец о вас сведения, не в зашифрованном виде я от вас потребовал, так как сам отлично понимаю, что сведения должны быть зашифрованы. В следующий раз не выводите такие быстрые заключения, так как сами окажетесь на этом положении».

Итог этих переговоров подвел Веретельников: «Сведения будут зашифрованной телеграммой, а по аппарату мы не можем дать таких сведений». 98

Между тем более важные переговоры проходили 29 апреля между Махно и Антоновым — Овсеенко. Прибыв в Гуляйполе, командующий, к удивлению своему, был встречен почетным караулом и дружным 'Ура!'. После краткой инспекции, в ходе которой командующий фронтом обнаружил, что «Махно и его штаб живет крайне скромно; бандитизма незаметно» 99, Антонов — Овсеенко провел с комбригом беседу, которая помогла урегулировать возникшие недоразумения. «». Преследования политкомиссаров? Изгнание их?! Ничего подобного! Только нам надо бойцов, а не болтунов. Никто их не гнал, сами поутикали... Конечно, у нас много идейных противников ваших, так давайте спорить», — говорил Махно командующему. 100 После этих переговоров Махно принял комиссаров назад, но командующий признавал, что «наши политработники в частях Махно слабы, трусливы и не могут противостоять... вредным элементам». 101

В ходе разговора Антонов — Овсеенко пришел к выводу, что «сам Махно, главные его боевые работники и его полки проникнуты желанием сломить контрреволюционное казачество и офицерство». 102

Махно даже осудил наиболее резкие положения резолюций съезда, обещал препятствовать выборности комсостава, которого (видимо, ввиду заразительности примера) так опасались в соседних частях РККА. Тем более, что командиры уже были выбраны, и менять их в это время никто не собирался. По утверждению Махно, и органы самоуправления (полковые комитеты) в повстанческой армии были «сведены на роль хозяйственных комиссий». 103 Неприятие большевиками солдатского самоуправления было вызвано тем, что они привыкли видеть в нем рычаг разложения армии, коим сами пользовались в 1917 г. К тому же самоуправление в армии

Но, пойдя на эти уступки, батька выдвинул новую, принципиально важную идею, которая могла бы изменить весь ход революции: «До решительной победы над белыми должен быть установлен революционный фронт, и он (Махно — А. Ш.) стремится не допускать междоусобиц между различными элементами этого революционного фронта». 104 Это уже не рассуждение об укреплении тактического союза (по типу «кто кого переиграет»), и не предложение простой коалиции. Открывалась возможность сосуществования в рамках одной системы власти различных революционных политических течений. Они опирались бы не на добрую волю сильного партнера, а на собственные силы, в том числе и военные, строили бы новое общество в соответствии со своими принципами и волей местного населения, решали бы вопросы общего значения путем диалога, а не приказа.

Идея революционного фронта была доложена Антоновым — Овсенко Раковскому и Подвойскому: «Махно и Маруся Никифорова ведут агитацию за создание «единого революционного фронта» против контрреволюции». 105 Видимо, эта идея способствовала образованию во время Григорьевского мятежа коалиционного социалистического правительства Украины. Однако оно не опиралось на реальное соотношение сил и носило временный характер. И все же идея оказалась на редкость жизнеспособной, потому что давала реальное решение одной из основных проблем революционного процесса — проблемы монополизма власти. Идея единого фронта революционных сил возникнет снова в форме Народного Фронта 30-х годов (возможно, при ее разработке учитывался опыт Гражданской войны) и окажет большое воздействие на ход Испанской революции.

Махно добивался также освобождения украинских анархистов из заключения Чека 106, но решение этого вопроса было отложено. Были ликвидированы большевистские военные комендатуры на территории района. 107 Антонов — Овсенко добился также поставки необходимых махновцам медикаментов, денежных средств и даже некоторого количества оружия. 108 1 мая бригада была выведена из подчинения дивизии Дыбенко и подчинена формирующейся 1 дивизии, которая так и не стала реальным формированием. Фактически не только 7 дивизия, но и вся 2 армия состояли из бригады

Махно и нескольких полков, значительно уступавших ей по численности. 109

4–5 мая махновский район посетил член Политбюро РКП(б) Л. Каменев. Несмотря на внешние признаки единства, он требовал ликвидировать политические органы движения и прежде всего ВРС. Стало ясно, что идея революционного фронта не пришлась ко двору. После посещения Махно Каменев публично заявил, что «все слухи о сепаратистских и антисоветских планах бригады повстанцев тов. Махно ни на чем не основаны». Но в действительности Каменев был настроен иначе. В послании Ленину он сообщал: «полагаю, что Махно не решится сейчас же поддержать Григорьева, но почва для выступления там вполне подготовлена». 110 Новый повод к нарастанию взаимного недоверия подал атаман Григорьев, поднявший 6 мая мятеж на правомбережной Украине (накануне уполномоченный ЦК КП(б)У Я. Гамарник докладывал, что обстановка у Григорьева гораздо благополучнее, чем у Махно 111). Телеграмма Каменева к Махно по поводу выступления Григорьева выдает явное недоверие к «батько»: «Изменник Григорьев предал фронт. Не исполнив боевого приказа, он повернул оружие. Подошел решительный момент — или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копию в Харьков. Неполучение ответа буду считать объявлением войны. Верю в честь революционеров — Вашу, Аршинова, Веретельникова и др. Каменев N 277». 112

Попытка Каменева, воспользовавшись экстремальной ситуацией, заставить Махно беспрекословно довериться центральным властям успехом не увенчалась — батька ответил довольно двусмысленно: «Честь и достоинство революционера заставляют нас оставаться верными революции и народу, и распри Григорьева с большевиками из-за власти не могут заставить нас оставить фронт». 113

12 мая собрался «военный съезд», то есть совещание командного состава, представителей частей и политического руководства движения, дабы решить вопрос об отношении к Григорьевскому выступлению.

По воспоминаниям В. Белаша Махно говорил: «Большевицкое правительство Украины опекает трудящихся. Оно наложило свою руку

на все богатство страны и распоряжается им, как собственностью государства. Партийная бюрократия, этот вновь вернувшийся на нашу шею дворянский привилегированный класс — тиранит народ. Они издеваются над крестьянами, узурпируют права рабочих, свободно не дают дышать повстанчеству. Издевательство над нами и григорьевцами большевистского командования, тирания Чека против анархических и эсеровских организаций — все говорит за возврат к прошлой деспотии». 114

Несмотря на то, что Махно в своей речи провел аналогию между григорьевским и своим движениями, оснований для разрыва с красными у него было недостаточно, а визиты Антонова — Овсеенко и Каменева давали некоторые надежды на сохранение союза. Совещание решило «оружием протестовать против Григорьева немедленно» и «сохранить дружественные связи с большевиками». Это же совещание «под шумок» приняло решение развернуть бригаду в дивизию и начать (в соответствии с договоренностью Махно и Антонова — Овсеенко) переговоры с советским правительством о предоставлении автономии Мариупольскому, Бердянскому, Мелитопольскому, Александровскому, Павлоградскому и Бахмутскому уездам — то есть махновскому району и его ближайшей периферии. 115

Одновременно с этим Махно послал в район мятежа своих эмиссаров для прояснения положения. Это было воспринято как попытка наладить союз с Григорьевым, «лазутчики» были задержаны большевиками, что оттянуло окончательное определение махновцами своего отношения к Григорьеву до конца мая. Эмиссары Махно были вскоре отпущены и сумели ознакомиться с результатами григорьевских налетов — трупами жертв еврейских погромов. Одновременно к Махно попало воззвание Григорьева, которое уже не оставляло сомнений относительно политического «лица» атамана.

В своем возвании «Кто такой Григорьев» Махно анализирует «Универсал» восставшего комдива и приходит к следующему выводу: «Братья! Разве вы не слышите в этих словах мрачного призыва к еврейскому погрому! Разве вы не чувствуете стремление атамана Григорьева порвать живую братскую связь революции Украины с революцией России? ...Мы уверены, что здоровое чутье революционера подскажет им (бойцам, пошедшим за Григорьевым —

А. Ш.), что Григорьев обманул их, и они уйдут от него вновь под знамена революции». 116

Однако Махно не был бы собой, если бы снова не встал в «третью» позицию: «Мы должны сказать, что причины, создавшие все движение Григорьева, заключаются не только в самом Григорьеве... Всякое сопротивление, протест и даже самостоятельное начинание душились чрезвычайными комиссиями... Это создало в массах озлобление, протест и враждебное настроение к существующему порядку. Этим воспользовался Григорьев в своей аванюре, требуем к ответу коммунистическую партию за Григорьевское движение». 117 Еще более категорична была анархистская пресса района: «Ни для кого не секрет, — писал Я. Алый в газете «Набат», — что вся деятельность большевистской партии направлена лишь на то, чтобы удерживать в руках своей партии власть и не давать другим течениям возможность проповедовать свои идеи. «Комиссары «своей неумелостью, своим властным духом восстановили повстанцев против большевиков и дали черносотенцам козырь в руки... Только неумелая и антиреволюционная политика большевистской власти могла дать возможность Григорьеву и его компании использовать недовольство масс и повести их на черное, предательское дело». 118

Но выступление против Григорьева уже не могло изменить позицию большевистского руководства в отношении повстанцев. Поводом к новому резкому обострению отношений стало развертывание 3-й бригады в дивизию. Парадоксальная ситуация, когда бригада составляла большую часть армии, мешала и соответствующему снабжению, и взаимодействию командования с огромной «бригадой», и управлению ее частями. Предварительная договоренность о преобразовании бригады в дивизию была достигнута еще с Антоновым — Овсеенко. 9 мая наркомвоен Украины Межлаук телеграфировал в штаб 2 армии: «против переформирования бригады Махно в дивизию препятствий не имею». 119 Вскоре после решения совещания 12 мая об изменении статуса бригады, 16 мая ВРС объявил, в соответствии с предыдущими договоренностями, о ее преобразовании в 1-ю Повстанческую дивизию. Это решение было еще относительно скромным. Мотивируя его, заместитель начальника штаба В. Белаш говорил: «наши силы достигают 50000 бойцов, и участок, нами занимаемы», длиннее участка 13 кр. армии или 8-й...

По штату Красной армии мы имеем право на Армию». 23 тысячи бойцов были вооружены, остальные находились в резерве. 120

Однако над новой дивизией, которая фактически составляла собой всю 2-ю армию, сгустились тучи. За пределами «Махновии» о ней стали распространяться самые ужасные слухи, которые пришлось опровергать комиссару Петрову в послании наркомвоену Украины: «У вас носятся нелепые слухи. Якобы т. Колосов и все политкомы, находящиеся в войсковых частях т. Махно, расстреляны. Считаю нравственным долгом заявить через посредство вас в печати, что это явная провокация, исходящая, как видно, от контрреволюционеров, пользующихся случаем Григорьевской авантюры столкнуть советские круги с т. Махно и войсковыми частями». 121 Петров пытался убедить руководство, что новая дивизия и дальше будет служить советской власти: «Настроение очень хорошее, массовые наплывы добровольцев в ряды крестьянской армии...Есть дефекты, но они постепенно сглаживаются и должны постепенно отойти в область предания для будущей истории». 122 Но отношение к махновцам определялось уже не представлениями об их боеспособности. Махно все более расценивался как потенциальный противник, а противник тем лучше, чем слабее.

22 мая Троцкий по согласованию с РВС Южного фронта телеграфировал: «произвести радикальный перелом в строении и поведении войск Махно, истребовав для этого из Козлова (Председатель РВС 2-й Украинской Армии — А. Ш.) необходимое число политработников и командирского состава. Если в двухнедельный срок окажется невозможным произвести этот перелом, то РВС 2-й Армии должен войти с рапортом об открытом сопротивлении Махно. Развертывать непокорную, недисциплинированную бригаду в дивизию под тем же командованием есть либо предательство, либо сумасшествие. Во всяком случае, подготовка новой Григорьевщины». 123

25 мая на заседании Совета рабоче-крестьянской обороны Украины под председательством Х. Раковского обсуждался вопрос «Махновщина и ее ликвидация». Было решено «ликвидировать Махно» силами полка. 124 26 мая в адрес РВС 2-й армии пришла сердитая телеграмма командующего Южным фронтом Гиттиса: «Утверждение сверху самочинно создавшейся дивизии реввоенсовет

признает шагом назад в намеченной линии поведения и потому считает невозможным». 125 27 мая заместитель наркома военных сил УССР В. Межлаук докладывал наркому Н. Подвойскому: «Неприятие своевременных мер обещает повторение Григорьевской авантюры, которая будет опасна ввиду огромной популярности Махно среди крестьянства и красноармейцев». 126 Теперь популярность союзных движений среди местного населения становилась источником смертельной угрозы для большевистского режима. В ходе наращивания антикрестьянской политики (особенно — после введения продразверстки на Украине в апреле) коммунисты стали воспринимать союзника как большую опасность, чем военный противник.

Узнав о намерениях командования, Махно заявил, что готов сложить с себя полномочия. Но штаб махновской дивизии постановил:

«1) настоятельно предложить т. Махно остаться при своих обязанностях и полномочиях, которые т. Махно пытался было сложить с себя; 2) все силы махновцев преобразовать в самостоятельную повстанческую армию, поручив руководство этой армии т. Махно. Армия является в оперативном отношении подчиненной Южному Фронту, поскольку оперативные приказы последнего будут исходить из живых потребностей революционного фронта». 127 В ответ на этот шаг РВС Южного фронта принял решение об аресте Махно.

Об этом было объявлено, когда сам Южный фронт начал разваливаться. Чтобы понять ситуацию в войсках, противостоящих Деникину, обратимся к состоянию соседней с махновцами 13-й армии. Вот что докладывал командир одного из ее полков: «Довожу до сведения, красноармейцы категорически заявляют, что мы дольше действовать не можем, потому что мы, во-первых, голодные, во-вторых босые, раздетые, нас насекомые заели, потому что мы с первого восстания нашей организации до сих пор не получили ничего.

Просим вас принять самые энергичные меры, если не будет смены, то мы самовольно бросаем указанные нам позиции и следуем в тыл». 128 Угрозами дело не заканчивалось: «Дезорганизованные части дезертировали с фронта, шайками бродили в прифронтовой полосе, грабя и убивая друг друга, устраивали охоты и облавы на комсостав и комиссаров». 129 24 мая белые совершили прорыв в центре Южного Фронта (на участке 9-й армии) и ринулись навстречу казаческому восстанию с центром в станице Вешенской. Тыл красных,

разьедаемый восстаниями, дезертирством, холодной враждебностью уставших от подразверстки крестьян, не выдержал. Голодные, босые, плохо вооруженные армии начали бросать позиции.

Один из первых ударов был нанесен по стыку махновцев и 13-й Красной Армии. 19 мая, в разгар конфликтов между союзниками, кавалерия Шкуро прорвала фронт. Соседняя 9-я дивизия РККА оказать сопротивления не смогла. Махновцы противопоставили конной массе белых атаку со штыками наперевес — патронов не было. Легко отбив наскок этих «копыеносцев», Шкуро не решился все же углубляться в махновский район и развернулся во фланг и тыл 13-й армии, которая стала разваливаться.

Прекращение распрей в этот трагический момент еще могло спасти положение хотя бы на этом участке фронта. Штаб махновцев призывал к восстановлению единства: «Необходима сплоченность, единение. Только при общем усилии и сознании, при общем понимании нашей борьбы и наших общих интересов, за которые мы боремся, мы спасем революцию... Бросьте, товарищи, всякие партийные разногласия, они вас погубят». 130 31 мая ВРС объявил о созыве IV съезда советов района. Предлагалось выбрать на собраниях трудящихся по одному делегату от 3 тысяч населения, причем с равной долей представительства от рабочих и крестьян. Военные части и партии могли послать по одному представителю от подразделения (полк, дивизион, штаб, уездный комитет). ВРС постановлял: «посылаемых делегатов на съезд снабжать наказами для более точного выражения подлинной воли крестьян и рабочих». 131 Повестка дня съезда была заурядной и практически повторяла вопросы, которые рассматривали предыдущие съезды. 132

Центр расценил решение о созыве нового «несанкционированного» съезда как очередную контрреволюционную вылазку (возможно, паническая реакция на созыв съезда была связана с опасениями того, что Махно провозгласит на нем независимую республику 133). 3 июня командующий Южным фронтом В. Гиттис отдал приказ о начале ликвидации «махновщины» и об аресте Махно. 134 4 июня Реввоенсовет Украины постановил: «Означенный съезд целиком направлен против Советской власти на Украине и против организации Южного фронта, в состав которого входит бригада Махно. Результатом съезда может быть только безобразный мятеж в

духе григорьевского и открытие фронта белогвардейцам, перед которыми бригада Махно неизменно отступает в силу неспособности, преступности и предательства своих командиров». 135 Созыв съезда, конечно, не мог быть причиной выступления большевиков против Махно — ведь это был отнюдь не первый такой съезд. Просто красное командование считало, что настал подходящий момент для разгрома «махновщины».

Командование недооценивало серьезности положения. Казалось, что наступление белых — эпизод, с которым легко удастся справиться.

2 июня прибывший на Украину предреввоенсовета Л. Троцкий дает "научный" анализ махновщины: «Поскобли махновца — найдешь григорьевца. А чаще всего скоблить—то не нужно: оголтелый, лающий на коммунистов кулак и мелкий спекулянт откровенно торчит наружу». 136 Из «классового анализа» следует вывод: «Во имя победы с анархо—кулацким развратом пора кончить, и кончить твердо». 137 Сказано — сделано, 3 июня Троцкий издает приказ о ликвидации махновщины:

«1. Первейшей задачей 2-й Украинской армии является разрушение военной организации махновцев, причем эта задача должна быть разрешена не позже 15 июня.

2. С этой целью при содействии Реввоенсовета 2-й Украинской армии открывается немедленно широкая агитация против махновщины с целью подготовить общественное мнение армии и рабочих масс к полной ликвидации «армии «Махно». 138 Эту «первейшую задачу» Троцкий поставил тогда, когда полным ходом развивалось наступление белых. Махновцы казались опасней деникинцев.

Выполнение этой задачи возлагалось на нового командующего 2-й Украинской Армией (переименована в 14-ю армию) К. Ворошилова (А. Скачко, предлагавший нормализовать отношения с Махно, был смещен 139). Вот мнение нового командарма: «Момент ликвидации этого гнойника самый удобный. Наша беда — отсутствие регулярных частей, которыми нужно занять махновский фронт и ликвидировать остатки банд. Полное отсутствие снаряжения, вооружения и даже продовольствия в 14-й армии лишает возможности сколачивать на месте из рабочих надежные батальоны. Состояние фронта требует экстренных мер. Нужно хоть одну регулярную дивизию для очищения всего Донбасса. 140 Одну дивизию для очищения Донбасса. В этот

момент десятки отборных белых дивизий выбивали целые армии из последних донецких городов. Особо благоприятствовал выполнению плана Троцкого и Ворошилова новый натиск белых на махновские позиции. Разгромив 13-ю, 8-ю, 9-ю, 20-ю и 18-ю армии, белые обратились к «Повстанческой армии им. тов. Махно». «Махно еще держался, когда бежала соседняя 9-я дивизия, а затем и вся 13-я армия». 141 В условиях, когда все силы махновцев были брошены на фронт, сопротивляться натиску красных частей с тыла было невозможно. Махно заявил об уходе в отставку, призвав своих бойцов сражаться под началом красного командования.

6 июня Махно направил телеграмму Ленину, Троцкому, Каменеву и Ворошилову, в которой говорилось: «Пока я чувствую себя революционером, считаю своим долгом, не считаясь ни с какой несправедливостью, обличающей меня в (нечестности?) к нашему общему делу Революции, предложить немедленно же прислать хорошего военного руководителя, который ознакомившись при мне на месте с делом, мог бы принять от меня командование дивизией. Считаю, что должен сделать это (как) революционер, ответственный за всякий несчастный шаг по отношению к Революции и народу, когда его обличают в созыве съездов и подготовке какого-то выступления против Советской Республики». 142

9 июня собралось совещание штаба дивизии, ВРС и Союза анархистов. Было выдвинуто три варианта действий: уйти за Днепр на соединение с Григорьевым; сдать части красным и уйти в подполье на территорию, занятую Деникиным, продолжать сражаться с белыми, игнорируя действия большевиков: «пусть Чека расстреливает, но мы из фронта никуда не уйдем». 143

Махно остановился на втором варианте. В тот же день он отправил написанную Аршиновым 144 телеграмму Ленину, Каменеву, Зиновьеву, Троцкому, Ворошилову (телеграмма дошла по адресам, 10 июня с ней ознакомился Ленин 145). В ней он подвел итог своим взаимоотношениям с коммунистическим режимом. Он высказал свое мнение о причинах крушения союза махновцев и центральной советской власти:

«Я считаю неотъемлемым революцией завоеванным правом рабочих и крестьян самим устраивать съезды для обсуждения и решения как частных, так и необходимых дел своих. Поэтому

запрещать такие съезды центральной властью, объявлять их незаконными (приказ N 1824) есть прямое, наглядное нарушение прав трудящихся.

Я отдаю себе полный отчет в отношении ко мне центральной государственной власти. Я абсолютно убежден в том, что Центральная государственная власть считает все повстанчество несовместимым с своей государственной деятельностью. Попутно с этим центральная власть считает повстанчество связанным со мною и всю вражду к повстанцам переносит на меня...

Отмеченное мною враждебное, а последнее время наступательное поведение центральной власти к повстанчеству ведет с роковой неизбежностью к созданию особого внутреннего фронта, по обе стороны которого будет трудовая масса, верящая в революцию. Я считаю это величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и считаю обязанным себя сделать все возможное для предотвращения этого преступления... Наиболее верным средством предотвращения надвигающегося со стороны власти преступления, считаю уход мой с занимаемого поста.

Думаю, что после этого центральная власть перестанет подозревать меня, а также все революционное повстанчество в противосоветском заговоре и серьезно по-революционному отнесется к повстанчеству на Украине, как живому, активному детищу массовой социальной революции, а не как к враждебному стану. «Махно покидает командование частями, потому что «Центральная власть считает повстанчество связанным со мною, и существующая вражда и неприязнь центральной власти к повстанчеству переносится главным образом на меня». Но поскольку корни конфликта лежат гораздо глубже персонального противостояния, последствия большевистской политики в отношении восставшего крестьянства проявятся и после ухода Махно. На это обращает внимание и он сам:

Политика большевиков «с фатальной неизбежностью ведет к кровавым событиям в середине трудового народа, созданию среди трудящихся особенного внутреннего фронта, обе враждующие стороны которого будут состоять только из трудящихся и революционеров».

Махно не вспоминает о том, что этот «особенный внутренний фронт» уже возник в 1918 г. Батка по-прежнему считает всех

противников советской власти (в своем понимании этого словосочетания) врагами трудящихся.

Письмо Махно — свидетельство крушения его политической стратегии этого периода и в то же время — политической мудрости. Не в пример многим военным лидерам того времени из антибольшевистского стана, Махно понимал, что коммунистическая партия смогла мобилизовать на свою сторону радикальные массы России, и противостоять этой силе — дело почти безнадежное. Махно и сам был частью этих радикальных масс, и он стремился вплоть до победы над белым движением идти вместе с большевиками, лишь сохраняя автономию своего района, защищая его от неприемлемых для крестьян мер большевиков и проводя демократическую корректировку их курса. Но коммунистическая партия не собиралась принимать такие «правила игры», и даже перед лицом военной угрозы белых нанесла по союзнику разрушительных удар, который дорого стоил не только махновцам, но и самим большевикам.

Даже теперь Махно все еще не решался выступить против большевизма. В это время он рассчитывал поднять восстание в тылу у белых, «потому что коммунисты не сумеют». 146

Тем временем белые вторглись в район Гуляйполя. Почти безоружный заслон под командованием Веретельникова полег на подступах к «столице» движения. Бои в районе Гуляйполя продолжались с 9 по 15 июня.

Некоторое время с небольшим отрядом Махно еще сражался бок о бок с красными частями, но узнав 15 июня о приказе арестовать его, растворился в соседних лесах. «Надо выйти из перекрестного огня, отдохнуть, пополниться и отомстить за старую обиду» 147, — говорил он своим командирам.

Войска некоторое время находились под командой начальника штаба Озерова, но, узнав о кампании против махновского движения, и он обратился с прошением об отставке: «Я непрерывно нахожусь в повстанческих войсках, здоровье мое совершенно расшаталось, передайте т. Ворошилову, чтобы он выслал мне заместителя и меня как инвалида, получившего 53 раны, уволил бы в отставку для лечения. Ибо при создавшемся положении, когда выбиваешься из сил для того, чтобы сделать полезное дело, рискуя ежеминутно быть объявленным (вне закона), что слишком скверно отзывается на здоровье и без того

расстроенном». 148 Но Ворошилов уже тогда не любил упускать «врагов народа». В ночь на 16 июня несколько видных деятелей движения, в том числе и Озеров, были арестованы и вскоре расстреляны. Этот расстрел, на который, кстати, радикальные московские анархисты ответили взрывом в Леонтьевском переулке, окончательно сделал Махно врагом партии большевиков. Но арестовать его было уже нельзя.

Примечания к главе 3

1. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 15.
2. Там же, Д. 351, Л. 2.
3. Экспедиция Л. Б. Каменева в 1919 г.: поездка на Украину.
4. Пролетарская революция. 1925. N 6. С. 139
5. Skirda A. Op. cit. P. 117.
6. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 27.
7. Там же, Л. 93–94.
8. Протоколы ... С. 25.
9. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 28–29.
10. Там же, Л. 29.
11. Там же.
12. Там же, Д. 153, Л. 137–138.
13. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 93.
14. Там же, Л. 28.
15. Верстюк В. Ф. ук. соч., С. 10.
16. Тепер И. ук. соч., С. 41–42.
17. Махно Н. Под ударами ... С. 607
18. Тепер И. Ук. соч. С. 32.
19. ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351, Л. 246.
20. Например, ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 18.
21. Там же, Л. 27.
22. Аршинов П. ук. соч., С. 231.
23. См. Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. С. 54–56
24. Тепер И. ук. соч., С. 15.
25. ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 330, Л. 4.
26. Там же.
27. Там же, Л 8
28. Там же, Л 9
29. Там же, Д 274, Л. 31.
30. Там же, Л. 28.
31. «Гуляйпольский набат», N 6, 1. 03. 1919.
32. Тепер И. ук. соч. С. 16.

33. Махно Н. Под ударами... С 130
34. «Анархический вестник». 1923, N 1, С 28.
35. ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп 1. Д. 153, Л 29.
36. Там же, Д 153, Л. 115.
37. Чего добиваются повстанцы–махновцы С. 9, 10.
38. «Путь к свободе», N2, 1919.
39. Протоколы II съезда фронтовиков, повстанческих, рабочих и крестьянских Советов, отделов и подотделов. С. 30–31.
40. ГАЗО, Ф. Р-1058, Оп. 1, Д. 1, Л. 133.
41. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д 274, Л. 32.
42. Там же, Л. 32.
43. Там же, Д. 351, Л. 87 — подсчеты по отчету начштаба В. Белаша
44. см. также Верстюк В М. ук. соч., С. 32–33.
45. РЦХИДНИ. Ф 5, Оп. 1, Д. 2905, Л. 5.
46. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 18.
47. Антонов — Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. М-Л. 1932, Т. 3, С. 191.
48. Там же, Т. 4, С. 268.
49. Октябрьская революция, 1-е пятилетие. С. 520–521.
50. См. Гончарок М. Ук. соч. С. 53–54.
51. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 36.
52. В. Шульгин. Дни. 1920 г. М. 1990. С. 291, 292, 295–296, 298.
53. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 12, 25–26.
54. Махно Н. Под ударами ...С. 87.
55. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 32.
56. Там же, Д. 351, Л. 36.
57. Махно Н. Под ударами ...С. 35.
58. За власть Советов. Сборник документов Партархива Запорожского областного комитатет КП Украины и Запорожского государственного архива. Запорожье, 1957. С. 77.
59. РГВА. Ф. 199, Оп. 3, Д. 19, Л. 45–66.
60. Там же.
61. Аршинов П. Ук. соч. С. 37.
62. Там же, С. 40.
63. Анархический вестник. 1923. N 1. С. 25.
64. Верстюк В. Ф. ук. соч., С. 6.

65. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 24.
  66. Там же, Л. 27.
  67. Там же, Л. 29.
  68. Там же, Д. 351, Л. 5.
  69. РГВА. Ф. 199, Оп. 3, Д. 71, Л. 33.
  70. «Известия». 9. 02. 1919.
  71. ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351, Л. 10.
  72. См. Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1997. С. 57–63.
  73. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 153, Л. 116–117.
  74. Там же.
  75. Там же, Д. 262, Л. 61.
  76. Цит. по Skirda A Op. cit. P. 116.
  77. Протоколы II съезда фронтовиков... С. 24–25.
  78. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 153, Л. 116.
  79. Там же, Д. 351, Л. 3–4.
  80. Кубанин М. ук. соч., С. 46.
  81. Антонов — Овсеенко В. А. ук. соч., Т. 4. С. 117.
  82. РГВА, Ф. 199, Оп 3, Д. 144, Л. 12–19.
  83. Там же, Д. 114, Л. 75.
  84. Там же, Д. 324, Л. 32–51.
  85. Антонов — Овсеенко В. А. Ук. соч., т 4. С. 331. 84. Там же, С
- 302
86. Там же, С. 145.
  87. Там же, С. 144.
  88. РЦХИДНИ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 2905, Л. 61.
  89. Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 80.
  90. Антонов — Овсеенко В. Ук. соч. С. 306.
  91. «Известия», Харьков, 25. 4. 1919.
  92. Цит. по Яковлев Я. Русский анархизм в Великой русской революции. С. 23–24.
  93. Цит. по Аршинов П. ук. соч., С. 98.
  94. Там же, С. 99.
  95. Там же, С. 102.
  96. ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351, Л. 12.
  97. Там же.
  98. РГВА. Ф. 199, Оп. 3, Д. 324, Л. 5–73.

99. Там же, Д. 109, Л. 6.
100. ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 153, Л. 137.
101. Антонов — Овсеенко В. А. ук. соч., С. 112.
102. ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 153, Л. 137–138.
103. Там же, Л. 137.
104. Там же.
105. Антонов — Овсеенко В. А. ук. соч., С. 113.
106. ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 153, Л. 137.
107. Там же, Д. 351, ЛИЗ.
108. Там же, Д. 262, Л. 10.
109. Там же, Л. 274, Л. 33.
110. Нестор Иванович Махно. С. 62
111. Экспедиция Л. Б. Каменева... С. 139, 144.
112. Волковинский В. Н. ук. соч. С. 89–90.
113. Аршинов П. ук. соч. С. 107.
114. Там же, С. 109.
115. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 21.
116. Там же, Д. 351, Л. 31.
117. Аршинов П. ук. соч. С. 113.
118. Там же, С. 114.
119. «Набат» N 16. 26. 05. 1919.
120. Нестор Иванович Махно. С. 142.
121. ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351, Л. 31, НИМ 145
122. РГВА. Ф. 199, Оп. 2. Д. 129. Л. 105.
123. Там же, Д. 175, Л. 9, 133.
124. Антонов — Овсеенко В. А. ук. соч., С. 305.
125. Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 100.
126. РГВА. Ф. 199, Оп. 3, Д. 95, Л. 278.
127. ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 262, Л. 154.
128. Антонов — Овсеенко В. А. Ук. соч. С. 307.
129. Какурин М. Как сражалась революция. Т. 2. С. 153.
130. Там же, С. 238.
131. РГВА, Ф. 199, Оп. 2, Д. 129, Л. 168.
132. ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351, Л. 68.
133. Там же, Л. 69.
134. Mallet M. Op. cit. P. 38.
135. Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 106.

136. Там же.
137. Цит. по Кубанин М. Ук. соч., С. 77
138. Цит. по Яковлев Я. Ук. соч., С. 25.
139. РГВА. Ф. 199, Оп. 3, Д. 107, Л. 1.
140. Скачко А. ук. соч. С. 63
141. ЦГАСА. Ф. 199, Оп. 1, Д. 26, Л. 2.
142. Антонов — Овсеенко. Ук. соч., С. 331.
143. ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351, Л. 77.
144. Там же, Л. 77.
145. Там же, Л. 81.
146. Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 7. С.

278

147. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 38.
148. Там же, Д. 351, Л. 84. РГВА, Ф. 199, Оп. 1, Д. 8, Л. 16.

**Глава IV. Черное знамя в тылу белых
(вторая половина 1919 г.)**

1. Рейд на Запад

Узнав о гибели своего штаба, Махно начал партизанскую войну в тылу красных. Он старался держаться подальше от фронтовых тылов, чтобы в то же время не очень мешать обороне против Деникина. О взглядах «батько» того времени поведал красноармеец П. С. Кудло. Его свидетельства следует воспринимать с поправкой на язык этого солдата: «Советская власть (имеется в виду центральная советская власть — А. Ш.) не права тем, что есть чрезвычайки, комиссары, и это все я презираю... Советская власть допустила до того, что нет патронов, снарядов и что, вследствие этого, приходится отступать». Махно обвиняет коммунистов в сознательном вывозе снаряжения в «Совдепию» и сдаче его белым. Стратегические планы Махно предусматривают установление контроля над большой территорией, на которой можно наладить более слаженную, чем до сих пор, хозяйственную систему. В изложении красноармейца это звучит так: «Граждане, когда у нас будет Донецкий бассейн, тогда у нас будет мануфактура и вообще все, что нужно для существования крестьянина... Когда мы завоюем Малую Азию — у нас будет хлопок, когда завоюем Баку, будет у нас нефть». 1 Эти наполеоновские, на первый взгляд, планы связаны скорее не с военными проектами (Махно не любит отрываться от родных мест), а с надеждами на мировую революцию, когда трудящиеся «завоюют» свои страны и наладят связи с украинским крестьянством. Махно надеялся на восстановление временного союза с большевиками. По воспоминаниям прибывшего в его армию В. Волина (он возглавил культурно-просветительскую комиссию ВРС), «батько» говорил: «Главный наш враг, товарищи крестьяне — Деникин. Коммунисты — все-таки революционеры». Но добавлял: «С ними мы сумеем почитаться потом». 2

12 июля Махно неудачно атаковал Елисаветград. На следующий день махновцы встретили остатки отрядов Григорьева. Первая же встреча не оставила сомнений в намерениях Григорьева. «Когда Григорьев так сказал... есть ли у вас жида, то кто-то ответил, что есть. Он заявил: «Так будем бить»», — вспоминает Чубенко. 3 Сойдясь на

необходимости сражаться с коммунистами и петлюровцами, атаманы не поладили в вопросе о белых: «Махно говорил, что будем Деникина бить. Григорьев тут уперся и стал говорить, что если он говорил: «Будем бить коммунистов и петлюровцев», то потому, что он уже видел, кто они такие, а Деникина он еще не видел, а потому бить его не собирается». 4 Махно возражал осторожно, лишь выразив свое небольшое несогласие с григорьевским «Универсалом». Поведение Махно разъяснилось на заседании штаба, который решал вопрос об отношении к Григорьеву: «Но Махно стал говорить, что, во что бы то ни стало нужно соединиться, так как мы еще не знаем, что у него за люди, и что расстрелять Григорьева мы всегда успеем. Нужно забрать его людей: те невинные жертвы, так что во что бы то ни стало нужно соединиться». 5 Махно удалось убедить штаб — нужда в людях была ясна всем, а перспектива будущей ликвидации Григорьева успокаивала противников компромисса с погромщиком. Однако первые же действия под командованием нового командующего — Григорьева (Махно как председатель Реввоенсовета формально был выше по должности) показали, что подобный союз дискредитирует махновцев. 27 июля, когда Григорьев оказался в окружении махновских командиров, Чубенко, по предварительному уговору с ними, обрушился на Григорьева с критикой. «Сначала я ему сказал, что он поощряет буржуазию: когда брал сено у кулаков, то платил за это деньги, а когда брал у бедняков и те приходили просить, так как это у них последняя надежда, то он их выгонял... Затем я ему напомнил, как он расстрелял махновца за то, что он у попа вырвал лук и выругал попа». 6 Характерно, что Григорьев расстреливает за оскорбление священника, а Махно — за оскорбление евреев.

Главное, в чем обвиняли Григорьева махновские командиры, — то, что он отказался наступать на белых, занявших Плетеный Ташлык. Атаман пытался спорить, но, поняв, к чему клонится дело, выхватил оружие. Однако махновцы уже держали пистолеты наготове — Григорьев был убит.

Казалось, Махно выполнил свой план в отношении Григорьева и григорьевцев. Они были разоружены и после соответствующей агитационной работы включены в махновский отряд. С сознанием выполненного долга Махно отправил в эфир телеграмму: «Всем, всем, всем. Копия — Москва, Кремль. Нами убит известный атаман

Григорьев. Подпись — Махно». 7 Одновременно с посылкой телеграммы, предназначенной для Кремля, Махно выпустил воззвание по поводу убийства Григорьева, в котором говорилось «Имеем надежду, что после этого не будет кому санкционировать еврейские погромы...А честно повставать трудовому народу против...как Деникина, так и против большевиков–коммунистов, вводящих диктатуру». 8

5 августа Махно издал приказ, в котором говорилось: «Каждый революционный повстанец должен помнить, что как его личными, так и общенародными врагами являются лица богатого буржуазного класса, независимо от того, русские ли они, евреи, украинцы и т. д. Врагами трудового народа являются также те, кто охраняет несправедливый буржуазный порядок, т. е. советские комиссары, члены карательных отрядов, чрезвычайных комиссий, разъезжающие по городам и селам и истязают трудовой народ, не желающий подчиниться их произвольной диктатуре. Представителей таких карательных отрядов, чрезвычайных комиссий и других органов народного порабощения и угнетения каждый повстанец обязан задерживать и препровождать в штаб армии, а при сопротивлении — расстреливать на месте. За насилия же над мирными тружениками, к какой бы национальности они ни принадлежали, виновных постигнет позорная смерть, недостойная революционного повстанца». 9

Однако тяга григорьевцев к погромам оказалась непреодолимой, и вскоре Махно пришлось распустить этих вояк. Необходимо было другое пополнение.

Тем временем части РККА, состоящие из бывших махновцев, продолжали отступать на правобережье Украины. Теперь махновцы составляли основу 58 дивизии РККА. Решение большевистского руководства об эвакуации советских войск на север означало для махновцев окончательный отрыв от родных мест, бесповоротную интеграцию в РККА. Махно связался со своими бывшими командирами Калашниковым, Дерменджи и Будановым и приказал «арестовать всех политкомов и ненадежных командиров и передать их всех в распоряжение временно замещающего меня начальника боевого участка т. Калашникова (Большевистский начальник участка Кочергин также был арестован махновцами. — А. Ш.), а самим, избрав нужных командиров, перейти в контрнаступление против нападающих

деникинских дивизий, не щадя на этом пути решительного действия ни одного врага революции, если бы такие оказались даже из рядов бедноты». 10

Махновский переворот в войсках прошел относительно безболезненно — части не забыли своего командира. «Собрав вокруг себя боевое ядро, махновцы неожиданно налетают на штаб 58-й дивизии, арестовывают командиров и комиссаров и объявляют войну как Деникину, так и Советской власти». 11 В Николаеве восстали пять бронепоездов, командиры которых стремились перейти к Махно. Но большевикам удалось взорвать эту технику. 12

«Ваши командиры и политкомы, — говорил Махно своим прежним бойцам, — вас продали Деникину, единственно, кто может вас вывести на верный путь, это я — Махно». 13 В результате произошедшего 13 августа в районе Нового Буга махновского переворота в частях РККА под командование «батько» перешли 4 бригады с артиллерией, кавалерией и бронепоездом. По данным Аршинова, общая численность махновцев составила около 15 тысяч человек 14, что было значительно меньше того, что Махно оставил большевикам. Перейти в наступление против деникинцев, естественно, не удалось, потому что большевики немедленно атаковали мятежные части, а деникинцы, воспользовавшись новым расколом в рядах противника, усилили натиск.

1 сентября на собрании командиров в с. Добровеличковке Махно провозгласил создание «Революционной повстанческой армии Украины». Был избран новый Военно-революционный Совет во главе с Лещенко. 15

Почти месяц махновцы сражались в районе Елисаветграда. Выбив красных из Помощней и Вознесенска, Махно получил от них предложение пойти на переговоры. Ответ был неутешительным для большевиков: «Вы обманули Украину, а главное — расстреляли моих товарищей в Гуляйполе, ваши остатки все равно перейдут ко мне, и посему я с вами со всеми, в особенности с ответственными работниками, поступлю также, как вы с моими товарищами в Гуляйполе, а затем будем разговаривать о совместных действиях». 16 Вопреки этим угрозам, Махно тогда не расстреливал попавших в его руки красных командиров, а агитировал их: «Вы узурпаторы,

душители воли народной... Вы бежите от Деникина, я же разобью его в пух и прах». 17

На этом дороге Махно и РККА разошлись, Махно отступил на запад, большевики — на север. В начале сентября произошла последняя встреча с частями РККА — с выходящей из окружения группой Якира. Махновцы отсекли от нее небольшую часть и предложили ей объединиться. Большинство красноармейцев согласилось, и махновская армия обогатилась коммунистическим «стальным» полком под командованием Полонского.

В конце сентября положение махновцев стало критическим. Превосходящие силы деникинцев прогнали их через всю Украину и вытеснили в пограничные с Польшей районы, где укрепились петлюровцы. Население не поддерживало махновцев — они были чужими в этих местах. Их продвижение сковывал обоз с ранеными. В этих условиях Махно идет на временный союз с Петлюрой, который тоже воевал с деникинцами, Передав «союзнику» обоз с ранеными (впоследствии Петлюра отдаст их белым, нарушив договоренность с Махно), махновцы развернулись и атаковали преследовавшие их части Добровольческой армии. Внезапный удар, нанесенный махновцами под Перегоновкой, 26–27 сентября, был сокрушающим. Один полк противника был взят в плен, два полностью вырублены. 18 Махновская армия ворвалась в тылы деникинцев и двинулась через всю Украину тремя колоннами в сторону Гуляйпольского района. «Операции против Махно были чрезвычайно трудными. Особенно хорошо действовала конница Махно, бывшая первое время почти неуловимой, часто нападала на наши обозы, появлялась в тылу и т. п. Вообще же махновские «войска» отличаются от большевиков своей боеспособностью и стойкостью», 19 — рассказывал начальник штаба 4-й дивизии слащевцев полковник Дубего.

Под угрозой оказалась ставка Деникина в Таганроге. Инфраструктура Добровольческой армии была изрядно потрепана, что затормозило деникинское наступление на север, к Москве. С фронта срочно пришлось перебрасывать части Шкуро, чтобы локализовать быстро расширяющуюся зону, контролируемую махновцами.

Другая сторона осеннего рейда через Украину — крупнейшая вспышка классового террора махновцев. «Помещики, кулаки, урядники, священники, старшины, припрятавшиеся офицеры — все

падали жертвами на пути движения махновцев," 20 — не без гордости пишет П. Аршинов. Часто махновцы руководствовались в своем терроризме настроениями местных крестьян, которые обвиняли того или иного представителя «господствующих классов». В случае, свидетелем которого был В. Волин, крестьяне обвиняли священника в провокации расстрела односельчан, и никто из присутствующих не захотел заступиться. 21 «Тюрьмы, полицейские отделения и посты — все эти символы народного рабства, были разрушены, и все, кто был известен как активный враг крестьян и рабочих, были обречены на смерть. Везде крупные помещики и кулаки уничтожались в больших количествах. Этот факт в достаточной степени демонстрирует ложность распространяемого большевиками мифа о так называемом «кулацком» характере Махновского движения», — рассказывает В. Волин. 22 В некотором отношении зажиточные крестьяне оказывались заложниками идеологических построений радикальных партий, в соответствии с которыми снисхождение к «кулакам» было признаком контрреволюции. Характерный для крестьянской войны безудержный террор здесь принял особенно большие масштабы. Для идеологов движения он был лишь свидетельством последовательной борьбы против эксплуататоров.

2. Порядок — отец анархии

Оправившись от первого удара, деникинцы отбили прибрежные города и развернулись на Гуляйполе. Но в этот момент Махно готовил невероятный по дерзости ход. «В Екатеринославе 25 октября был базарный день, — вспоминал один из членов Екатеринославского губкома РКП (б). — Со стороны степи в город вкатилось много подвод, нагруженных овощами и особенно капустой. Часа в 4 дня с верхнего базара начался оглушительный пулеметный бой, оказалось, что под капустой на подводах были пулеметы, а продавцы овощей составляли передовой отряд махновцев; за этим отрядом последовала целая армия, пришедшая со стороны степи, откуда деникинцы нападения не ждали». 23

По воспоминаниям Р. Кургана, «махновцы пробыли в городе 8 дней. За эту неделю население отдохнуло от постоянного страха и напряжения, в котором оно пребывало при добровольцах. Ни одного грабежа, ни одного убийства, кроме расстрелов захваченных офицеров, за это время в городе не было». 24 Это нападение было отбито деникинцами, но их оборона была ослаблена. 11 ноября Екатеринослав на месяц (вплоть до 19 декабря) перешел в руки махновцев. 25 В начале ноября они вели бои в районе Екатеринослава, Александровска, Большого Токмака, Полог, Орехова, Гуляйполя и Бердянска. 26 Чтобы удерживать такой большой район в сердцевине деникинского «государства», необходимы были значительные силы.

После возвращения в родной район армия махновцев начинает быстро расти за счет добровольной мобилизации. Махновская армия пополнялась и за счет отрядов, переходивших под анархистские знамена из-под желто-белых — из бывших петлюровцев была сформирована «Вольно — Казачья Повстанческая группа Екатеринославщины» под командованием Гладченко. Обсуждался также вопрос о союзе с махновцами петлюровских отрядов, не сменивших идеологическую ориентацию, но здесь Махно был непреклонен. Белаш вспоминал: «УНР — наш классовый враг. Ни одной винтовки я не позволю выпустить из армии для этого империалистического вассала», — кричал Махно на эсеров». 27

Поданным начштаба Белаша махновская армия в это время достигает численности в 40 тысяч человек. 28

Многотысячную армию нужно было снабжать. Отдел снабжения штаба располагал полевыми структурами в армии и окружным заготовительным аппаратом. За ноябрь (на зависть большевикам) удалось заготовить 3,5 миллионов пудов зерна и муки, что позволило установить в войсках хорошее продовольственное довольствие. Заготовки осуществлялись за счет пожертвований, постоев, реквизиций у зажиточных слоев (как и у большевиков — в союзе с бедняками), закупок и трофеев. 29

Главной опорой махновцев в освобожденном ими районе по-прежнему оставалась среднее крестьянство, объединенное самоуправляемыми советами. Вообще влиянием в деревнях левобережья кроме махновцев пользовались только эсеры. Об этом сообщала подпольная коммунистическая группа Яши Домье — Бакова, добавляя: «к «большевикам» относятся сочувственно, к коммунистам — отрицательно». 30 Крестьяне хорошо помнили различие в политике партии Ленина в 1917 — начале 1918 г. и в 1919 г. «Махно развивает усиленную агитацию, — продолжали подпольщики, — противопоставить ей свою агитацию не можем в виду отсутствия агитационных сил». 31

Сельские сходы принимали резолюции в поддержку махновцев: «Только батько Махно и его армия могут установить настоящую справедливую жизнь и уничтожить всех врагов крестьян; поэтому все честные селяне должны идти в армию Махно, посылать сыновей, оказывать помощь продовольствием, лошадьми и всем, что потребно храбрым повстанцам». 32 Эта резолюция напоминает нам и о механизме «добровольной мобилизации», который вновь ложится в основу комплектования махновской армии. Собрание граждан Никольской волости постановило, например, 2 ноября 1919 г. «Собрание, обсудив разыгравшиеся на Украине события повстанческого движения против угнетателей — добровольческой деникинской армии, которая проводит террор, убийства, грабежи, насилия над жителями и поджоги их домов и даже целых сел, и желая прийти на помощь повстанческому движению для изгнания насильников из Украины и добытия народу земли и воли и полного порядка (Как не вспомнить известный лозунг о том, что анархия —

мать порядка — А. Ш.) — постановило: объявить добровольную мобилизацию немедленно по Никопольской волости мужскому населению в возрасте от 18 до 25 лет, которым немедленно выступить на фронт повстанцев, а от 25 до 45 лет оставить дома и поручить им самообрану в селах. В связи с этим организовать комиссию для оказания всякой помощи неимущим мобилизованным ушедшим на фронт... Командировать в Екатеринослав 3-х человек для получения указания и командировки человека из штаба повстанческой армии для формирования полка на месте. Просить также штаб о выдаче и оружия для самообраны». 33 Этот фрагмент подробно раскрывает механизм мобилизации и самообраны в махновском районе.

Позднее съезд организаций трудящихся и повстанцев в Александровске принял резолюцию о добровольной мобилизации: «Съезд, отрицая в принципе регулярную армию, построенную на началах принудительной мобилизации, в виду тяжелого положения на фронте..., постановляет... провести на территории, освобожденной повстанческой армией (махновцев), добровольную уравнительную мобилизацию за 30 лет, то есть от 19–48 лет... Формирование производится по территориальному признаку (по селам, волостям, уездам) с выборным командным составом, хозяйственно–судебными органами при частях, начиная от полков». 34 Для проведения мобилизации была создана агитационная комиссия.

Белаш вспоминал о том, как проходила мобилизация, «аппарат отдела формирования собирает общество на «деловой» митинг, где рисует военную и политическую обстановку, призывая дать свое согласие на мобилизацию известных классов населения. Обыкновенно, население давало свое согласие и заносило его в протокол». 35

Интересно, что «добровольная мобилизация» была осуждена многими городскими анархистами, увидевшими в ней покушение на свободу. Орган Петроградской федерации анархо–синдикалистов «Вольный труд» писал: «Из двух одно: или она была добровольная, и тогда не при чем принудительный набор, или она была принудительной, и тогда незачем было прикрываться флагом добровольности». 36 Сами махновцы решали это противоречие с помощью морального давления общины: раз мир добровольно решил мобилизовываться — будь добр, иди воевать вместе с соседями. Смысл «добровольной мобилизации» заключался не в праве

индивидуального выбора — служить или нет (принцип профессиональной армии), а в согласии населения и в самоорганизации вооруженных сил. Бойцы избирали своих командиров. Командный состав от комполка и выше назначался по представлению подчиненных на собраниях комсостава корпуса или армии. 37

Необходимость координации развернувшегося процесса мобилизации, потребность в решении других неотложных вопросов — все это требовало создания политических органов, организации власти. Здесь перед махновцами встали две возможности, установление обычной для того времени военной диктатуры либо дополнение военной власти гражданскими органами, опирающимися на крестьянское самоуправление. Первую альтернативу поддерживала военная группировка, состоявшая из большинства старых командиров, входивших в Союз анархистов. Она выступала даже за ликвидацию ВРС. 38 Часть командиров, идейные анархисты во главе с Волиным и Иосифом, а также общественные организации района выступали за второй вариант. Между военной группировкой и ВРС сложились напряженные отношения, тем более, что Волин (по крайней мере, по его словам) выступал против «антисемитских настроений, разгула и пьянства части комсостава». 39 Однако Махно не собирался отказываться от своих политических идей в пользу произвола военного крыла движения. Он поддержал идею созыва съезда крестьян, рабочих и повстанцев, который должен был укрепить обратную связь между махновским движением и населением.

10 октября культпросвет ВРС созвал собрание с участием рабочих, на котором была принята резолюция о необходимости созыва в ближайшее время съезда «рабочих и крестьян города Александровска и ближайших окрестных сел» не позднее 14 октября. Однако инициатива была критически встречена профсоюзами, которые обратили внимание на отсутствии единых норм представительства и краткость срока созыва съезда, что не позволяло воспользоваться демократическими процедурами. Собрание, организованное культпросветом, было названо в ответе профсоюзов «частным совещанием». 40 Несмотря на возмущение Волина, руководство движения пошло навстречу рабочим, и сроки съезда были перенесены. Впрочем, как вспоминает Волин, «никакой избирательной кампании не

было» 41, делегаты избирались организациями трудящихся и повстанческими частями.

Открывшийся 20 октября 1919 г. в Александровске съезд, по замыслу созвавшего его Военно–революционного совета, носил предварительный характер. По сообщению члена Александровского комитета КПУ С. Новицкого выборы были неравноправными. Но если в большевистской зоне рабочим предоставлялись привилегии, то в махновском районе их представительство, напротив, было умалено. «Выбор делегатов на съезд по местам от крестьян происходил небольшими сходами, один делегат от небольшого села, а в других селах уже были сельские советы, которые являлись от совета по одному представителю. Рабочие же могли послать одного представителя от каждого профессионального союза». 42 Эта непривычная для большевиков практика незначительно искажала реальную социальную расстановку в махновском районе, где количество крестьян значительно превосходило число рабочих. В итоге съезд состоял из 217 делегатов от крестьян, 37 — от рабочих и 17 — от воинских частей, а также из членов ВРС. Были представлены Александровский, Бердянский, Мариупольский, Мелитопольский и Ореховский уезды. 43 Участники съезда, названного «первым беспартийным на всем земном шаре» 44, должны были решить вопросы, не терпящие отлагательства и принять политическую декларацию. Основные же вопросы социально–политического устройства следовало решать большому съезду, созыв которого могла подготовить созданная Александровским съездом комиссия.

Для того, чтобы провести на съезде свои решения, ВРС пришлось немало потрудиться — форум был многопартиен: кроме анархистов и беспартийных в его работе активно участвовали меньшевики, левые эсэры и коммунисты. Последние провели на съезд несколько человек, в том числе члена уездного комитета С. Новицкого 45 и провокатора белых А. Орлова. 46

Чтобы держать ход съезда под своим контролем, ВРС занял места в президиуме, допуская в этом смысле лишь ограниченную демократию. Представитель ВРС Волин предлагал.

«Либо назначить в президиум съезда президиум Военно–революционного совета, созвавшего съезд по военным вопросам момента, либо избрать из состава съезда особый президиум Военно–

революционного совета и пополнить его тремя делегатами». 47 Естественно, что такая странная демократия вызвала первые уколы оппозиции: «Вы нам говорите, что советы могут организовать безвластие, и что мы можем жить при таких советах, а сами этому не следуете. А вы кто? Не власть? Председательствуете, даете слово ораторам, приказываете не шуметь, а захотите — и не дадите слова». 48 Представитель социалистов обвинял анархистов в навязывании своего ведущего и стремлении к манипулированию делегатами. 49

Много лет спустя Волин так увязывал свою политическую практику и антиавторитарные теоретические принципы: «Принимая на себя инициативу по созыву съезда регионального трудового съезда махновцы брались за очень деликатную задачу. Они хотели придать важный импульс активности населения, который был необходим, похвален и понятен. Но с другой стороны, они должны были избежать навязывания себя съезду и населению, они должны были избежать появления диктаторства... Я объявил делегатам, что моя роль будет строго ограничена техническим ведением съезда». 50 Впрочем, справедливости ради надо отметить, что предположение критиков о том, что кто-то может не получить слова, носило гипотетический характер, ибо махновцы вели съезд относительно «либерально» (левые эсеры требовали даже более решительного и авторитарного ведения 51). Это давало оппозиции немало возможностей.

Прежде всего вспыхнула полемика по порядку дня. Позиция ВРС была следующей: «Совет считает этот съезд неправомочным решать крупные вопросы общественного и хозяйственного строительства, подлежащие предварительному обсуждению на местах и решению широкого, тщательно организованного съезда, созываемого самими рабочими и крестьянами. Некоторые же находят, что данный съезд должен вырешить также целый ряд крупных экономических вопросов и, затем, создать центральный руководящий орган («голову»), который проведет бы решения съезда в жизнь». 52

Как видим, «некоторые» стремились к созданию гражданских органов власти, что угрожало позициям ВРС. Инерция власти, следовательно, затягивала и анархистов. Впрочем, сам Махно так определял свое отношение к власти: «Мы — военное командование, наше дело — бить кадетов, а гражданскую власть, раз уж без власти обойтись не можете, создайте себе сами». 53 Один из делегатов

предложил прежде повестки обсудить содержание термина «буржуазия», которым делегаты обозначали враждебные им силы «справа» (вероятно, автор этого предложения опасался расширительного толкования термина). Это предложение было воспринято делегатами как решение «заболтать» съезд. «Что за птица этот делегат? Кто его послал? Если после всего, что произошло, он не знает, что такое буржуазия, то они сделали плохой выбор, послав его сюда!» и Большинство съезда поддержало махновцев. П. Аршинов, уже отсутствовавший в это время в районе, несколько сгущая краски, пишет об этом. «В первый день представители политических партий пытались внести в общую работу съезда дух раздора, но тут же были осуждены всем съездом». 55

Принятая в результате повестка дня отражала позицию ВРС, но оставляла богатые возможности для представителей партий выразить свою позицию по самым важным вопросам. Повестка дня содержала следующие пункты:

1. Текущий момент:
  - а) общее политическое положение;
  - б) военное положение;
2. Доклады с мест;
3. Организация военных повстанческих сил (мобилизация, вооружение, повстанческие районы и распределение повстанческих сил, самооборона и бандитизм);
4. Организация снабжения повстанческой армии;
5. Создание съездом комиссии из крестьян, рабочих и повстанцев для созыва дальнейших съездов (местных и областного) в целях начала общественно-хозяйственного строительства;
6. Разные вопросы. 56

Формулировка пункта N 5 показывает, что временное сохранение военно-административного режима планировалось компенсировать параллельным «выращиванием» демократической структуры съездов.

Как и следовало ожидать, основная дискуссия развернулась по вопросу о политическом положении. С докладом выступил В. Волин, который «указал, что коммунисты-большевики не смогли удержаться на Украине через своих комиссаров, чрезвычай и власти, и, по его убеждению, крестьяне и рабочие Украины сами смогут построить себе жизнь без политических партий и власти. А затем была предложена

резолуция о провозглашении третьей крестьянской революции на Украине», — докладывал С. Новицкий. 57

На съезде была оглашена Декларация ВРС, которую должен был принять более представительный съезд. По словам Махно, «проект декларации повстанцев–махновцев есть поспешный плод работы нашей Гуляйпольской группы анархо–коммунистов. «». Текст был обработан Волиным. 58

Руководители движения в этом манифесте обещают после победы «Третьей революции» оставить руководящие посты: «Мы растворимся в миллионных рядах восставшего народа и приступим рука об руку с ним к свободному строительству истинно новой жизни». 59 Но условием этого должна стать победа безвластия, ожидавшаяся в ближайшем будущем. «Решительное столкновение между идеей вольной безвластной организации и идеей политической власти, таким образом, неизбежно». 60

Вслед за абстрактными декларациями следует конкретная программа насущных преобразований в области сельского хозяйства: «Задача восстановления и необходимого быстрого усовершенствования нашего отсталого и разрушенного сельского хозяйства требует, чтобы способы и пути нового землеустройства были предоставлены совершенно свободному и естественному решению и движению всего трудового крестьянства». 61 Это предполагало передачу земельных излишков местному обществу, ликвидацию совхозов, отмену декрета о национализации земли «Вся земля, по мере изъятия ее из рук частных собственников, должна поступать не во владение государства, а в ведение и распоряжение тех, кто на ней трудится». 62 Крестьяне на местах сами должны решить, как им распорядиться землей. Земельная часть декларации свободна и от традиционной классовой непримиримости к кулачеству — оно будет естественным путем втянуто в общую организацию сельского хозяйства, после освобождения от земельных излишков, разумеется.

Аналогичный подход виден и в решении рабочего вопроса: «Возможно лишь одно верное и справедливое разрешение рабочего вопроса, все средства, материалы и орудия труда, производства, транспорта и сношения...должны поступить в полное ведение и распоряжение не государства — этого нового хозяина и эксплуататора, пользующегося наемным трудом и угнетающего

рабочих не меньше, чем отдельные предприниматели, — но свободных рабочих союзов и организаций, естественно и свободно же снизу объединяющихся между собою и с крестьянскими организациями при посредстве экономических советов». 63 Далее следует идея координации самоуправляющихся предприятий и хозяйств, которая должна быстро привести к слиянию общества воедино: «Необходим один трудовой союз, одна рабоче–крестьянская семья». 64 Эта анархо–коммунистическая идея сближает махновцев с современными им политическими течениями — почти все они ожидают скорейшего воплощения своих идеалов. Идеалы эти были привлекательны, но практическое значение имели все же конкретные пути к свободе и справедливости, понимаемые так по–разному.

В своей декларации махновский штаб не преминул обрушиться на те формы, которые избрала для достижения идеала коммунизма РКП(б). Первоначально предложенные партией большевиков «общие лозунги совпали с инстинктивными стремлениями трудящихся масс, которые и поддержали ее в решительный момент» 65. Здесь имеется в виду близость программы большевиков до их прихода к власти к идеям анархо–коммунизма. «Но уже очень скоро начинает делаться ясным, что эта партия и эта власть, подобно всякой партии и всякой власти, будучи абсолютно бессильной в деле осуществления великих задач социальной революции, в то же время парализует свободную творческую деятельность самих трудовых масс... Прибирая к своим рукам (формально — к рукам государства) всю хозяйственную и общественную жизнь, неизбежно создавая новые политические и экономические привилегии, эта партия и эта власть убивают в корне социальную революцию». 66

Обсуждение проекта Декларации началось уже в Александровске. Предложение закрепить в ней принцип вольных советов как суверенных органов самоуправления встретило сопротивление со стороны части рабочей делегации и отдельных крестьян. Возражения последних были вызваны непониманием некоторых положений махновской программы, которые были завуалированы лозунговой риторикой.

«А как же будет безвластие? Если между двумя нашими селами сломается мост, то кто же будет исправлять? Так как ни наше село, ни другое не захочет его исправлять (странное предположение, если

учесть, что вопросом ремонта мостов занималось местное самоуправление. — А. Ш.), а потому будет некому, то мы останемся без моста и не будем ездить в город». 67 Предположение о том, что крестьяне останутся без моста, будучи не в силах сами договориться о том, как его отремонтировать, видимо, не возымело действия на съезд. Большинство крестьянских и повстанческих делегатов высказывалось за идею вольных советов. В то же время в своей декларации махновцы лишний раз подчеркнули, что речь идет не о ненужности какой бы то ни было координации, а лишь о перемещении центров власти вниз: «В целях широкого объединения и взаимной связи все эти организации — производственные, профессиональные, распределительные, транспортные и другие — естественно создают снизу вверх объединяющие их органы в виде экономических советов, выполняющих техническую задачу регулирования общественно — хозяйственной жизни в широком масштабе». 68

Единственная альтернатива советской системе была предложена меньшевистской частью рабочей делегации, выступившей за Учредительное собрание. Лозунг Учредительного собрания лежал в основе программ умеренных социалистических партий, но близкие лозунги были провозглашены и главным военным противником махновцев — Деникиным. Неожиданное проявление на съезде «деникинской пропаганды» вызвало чрезвычайно острую реакцию со стороны Махно, 18 из 30 делегатов от рабочих покинули съезд. Так было положено начало конфликту между махновцами и рабочими крупной промышленности, находившимися под влиянием социал-демократов. Отношение к махновцам в промышленных центрах в октябре 1919 г. было разным. По воспоминаниям профактивиста Щапа, в совете профсоюзов разгорелась дискуссия об отношении к махновцам. Одна часть профработников «искала возможности «делового» разграничения сфер влияния между союзниками и повстанцами». 69 Коммунисты предлагали создать претендующий на власть Совет рабочих депутатов и оценивать махновцев по отношению к нему. Это, естественно, не устраивало меньшевиков, тем более, что они изначально были настроены в отношении махновцев непримиримо: «Махновцы не власть, а банда, с которой ни о чем нельзя и не следует говорить; они скоро уйдут, а после них неизвестно, что будет». 70

Военные вопросы повестки дня съезда не вызвали серьезных возражений у делегатов. Необходимость обороны от деникинцев понимали все, а относительно мягкий порядок добровольной мобилизации серьезных возражений не вызывал. Порядок снабжения, отработанный еще в первой половине года, был утвержден и теперь. «Содержание армии по резолюции съезда должно было покоиться на добровольных взносах крестьян, на военных трофеях и на реквизициях у богатого сословия». 71 За последнее никто заступаться не собирался.

«Разные» вопросы обсуждались более остро — речь шла о произволе контрразведки махновцев: «Мы не хотим вмешиваться в чисто военные вопросы, но наш долг — противостоять злоупотреблениям и эксцессам, если они в действительности существуют, поскольку они могут повернуть население против нашего движения». Была создана комиссия по контролю за контрразведкой, влияние которой, впрочем, было не велико. 72

Второй вопрос, вызвавший интерес делегатов вне повестки дня — пьянство. В качестве «ответчика» делегаты вызвали коменданта города Клейна, который выпустил строгое воззвание против пьянства, но вскоре напился сам. Показательны объяснения Клейна: «Товарищи, я не прав. Я это понимаю... Я — боец, фронтовик, солдат. Я — не бюрократ. Я не знаю, почему, несмотря на мои протесты, они назначили меня на эту работу коменданта города. Как у коменданта, у меня нет других дел, кроме как сидеть за столом и подписывать бумаги. Это — не для меня! Мне нужно действие, открытый воздух, фронт, товарищи. Я здесь до смерти натерпелся. Вот почему я вчера напился. Товарищи, я хочу искупить мою ошибку. Для этого нужно, чтобы вы сказали, чтобы меня послали на фронт. Там я могу принести настоящую пользу». 73 Съезд принял решение о запрещении пьянства 74, которое, впрочем, практически не выполнялось.

На съезде прошли довыборы в ВРС. Вошедший в этот орган вместе с другими новыми членами коммунист Новицкий, утверждает, что вскоре под его влияние перешло большинство членов этого органа. 75 Но подобное «коммунистическое подполье» в ВРС почти никак себя не проявило, что заставляет заподозрить представителя коммунистов в преувеличении своего влияния. По данным Белаша ВРС на 42,5 % состоял из анархистов (85 человек — в том числе все

командиры и начальники военных управлений), на 10,5 % — из левых эсеров (21 человек — командиры и делегаты от сел), 2 % — большевики (4 человека — от рабочих и военных), 35 % беспартийных крестьян (70 человек) и 10 % — беспартийных рабочих (20 человек). Меншевики, народники, эсеры и националисты в ВРС не пошли. 76

Поскольку Махно не имел времени реально заниматься делами ВРС, он сложил с себя полномочия его председателя, и «гражданскую власть» возглавил Волин. 77 Отношения военных и ВРС оставалось напряженным. Волин вспоминает, что «Реввоенсовет и часть командного состава были на ножах; и между ними стоял и Махно, и я». 78 Возможно, эту оппозицию военщине Новицкий и отождествил с большевистским влиянием.

Продолжался и конфликт с меньшевистскими профсоюзами, который начался на съезде. Резкая отповедь Махно сторонникам «учредилки» дала меньшевикам повод расширить фронт оппозиции. 1 ноября собралась конференция части завкомов Александровска, которая приняла следующую резолюцию: «Обсудив допущенные 30 октября выпады против рабочего класса и его представителей, делегированных рабочими организациями, и обращая внимание съезда, что эти выпады становятся систематическим явлением со времени занятия города повстанцами, ...подчеркиваем, что с рабочими организациями, уцелевшими от разгрома, опираясь на грубую военную силу, совершенно не желают считаться». Упоминание грубой военной силы было связано с кратковременными арестами некоторых рабочих активистов. Меншевики пытались своим уходом лишить съезд в Александровске полномочий рабоче-крестьянского. «Делегаты рабочих могут вернуться в состав съезда только в том случае, если общее собрание публично снимет с рабочей делегации брошенное ей оскорбление... В отсутствие рабочих делегатов съезд явится не рабоче-крестьянским, а только крестьянским, и постановления его не смогут иметь для рабочих г. Александровска никакой моральной ответственности». 79 Но в составе съезда оставалась почти половина рабочей делегации, которая поддержала Махно вместе со всем съездом, спокойно закончившим работу 2 ноября. Чувствуя за собой эту поддержку, Махно уже 1 ноября обрушился на оппозицию, но не грубой военной силой, а статьей «Иначе быть не может»: «Допустимо ли, чтобы рабочие города Александровска и его окружений, в лице

своих делегатов — меньшевиков и правых эсеров, — на свободном деловом рабоче–крестьянском и повстанческом съезде держали оппозицию деникинской учредилки?» Созыв конференции ФЗК Махно называет просто «закулисным предательством», воскрешая в памяти весну 1919 г., когда Дыбенко называл контрреволюцией махновский съезд.

В отличие от большевиков, Махно, правда, никому не грозил расстрелом, но тучи над оппозицией сгущались. Взывая к рабочим, батька вопрошал: «Правда ли, что эти ублюдки буржуазии вами уполномочены, чтобы, прикрываясь именем вашей пролетарской чести, на свободных деловых съездах призывать к старому идолу — учредилке?»⁸⁰ Часто во время гражданской войны за такими эпитетами следовали аресты и расстрелы. Но ничего этого не случилось — меньшевики продолжали свою работу в рамках махновской многопартийности, проводили резолюции о преждевременности социалистической революции на профсоюзных конференциях.

3. Анархист–реформатор

Несмотря на то, что основное внимание Махно приковывал фронт, батько волей–неволей должен был заниматься и социальными преобразованиями в освобожденном районе. Потом будет много споров о том, насколько эти преобразования соответствовали анархическим идеалам. Но ведь и сами идеалы эти анархистами понимались по–разному. Махно попытался окунуть трудящихся в море самостоятельной жизни — живите, как хотите, только не мешайте другим. Но выяснилось, что это очень непросто. И самым тяжелым в этом смысле оказался рабочий вопрос.

Конфликт с рабочими делегатами на съезде был всего лишь болезнью роста многопартийной системы в махновской «республике», в дальнейшем руководство движения было более терпимо к «реформистам». Напряженность в отношениях между махновцами и рабочими организациями не означает также, что рабочие находились под влиянием большевиков — их ораторов они иногда даже стаскивали с трибуны. 81 После того, как Махно выделил на нужды страховой больницы 1 миллион рублей, отношение к нему стало меняться. Теперь махновцы воспринимались как власть. Рабочие привыкли к тому, что–либо предприниматель, либо государство должны платить им зарплату и организовывать производство. «Некоторые заводские комитеты пытались выяснить в штабе и в «военно–революционном совете», будет ли выплачено жалование рабочим и когда», — вспоминает Щап. 82 В ответ на аналогичный запрос железнодорожников Махно отвечал: «В целях скорейшего восстановления нормального железнодорожного движения в освобожденном нами районе, а также исходя из принципа устройства свободной жизни самими рабочими и крестьянскими организациями и их объединениями, предлагаю товарищам железнодорожным рабочим и служащим энергично организовать и наладить самим движение, устанавливая в вознаграждение за свой труд достаточную плату с пассажиров и грузов, кроме военных, организуя свою кассу на товарищеских и справедливых началах и входя в самые тесные сношения с рабочими организациями, крестьянскими обществами и

повстанческими частями». 83 И так, Махно предлагал рабочим перейти на режим полного самоуправления и самоокупаемости. При этом на них накладывалась повинность обслуживать армию за умеренную плату.

Первоначально железнодорожники поддержали новую организацию труда: «Они создали железнодорожный комитет, взяли железные дороги района... в свое ведение, разработали план движения поездов, перевозки пассажиров, системы оплаты и т. д». 84 — пишет П. Аршинов. Но нежелание Махно платить за все возростающий объем военных работ ставил транспортников и металлистов на грань разорения, тем более, что состояние дорог было, по словам В. Белаша, «плачевным». Попытки «за любую цену» заставить рабочих ремонтировать мосты, не удались — не было материалов, рабочие крупных заводов разбрелись. 85

Положение рабочих было бедственным. Основными видами конкурентоспособной продукции было продовольствие и зажигалки. Кормилось большинство из 2–3 тысяч рабочих района с огородов и мелкой торговли. Рабочие районы превращались в очаги уголовной преступности. 86 Помощь безработным оказывалась по двум каналам — через профсоюзы — рабочим, входящим в эти организации, и через собес — беднякам, не организованным в профсоюзы. 87 Комиссии помощи бедным 29 ноября было ассигновано 5 миллионов рублей, а профсоюзам — 10 миллионов, за которые они должны были отчитаться. Комментируя эти решения, В. Белаш писал: «Это, говорят, махновская банда, умеющая грабить, убивать, насиловать?.. Это варвары диких южных степей, не имеющие в душе теплого уголка?» 88

В отличие от рабочих крупных производств, которые не могли развернуть производство из-за отсутствия сырья и рынков сбыта (и то, и другое было отрезано фронтами), сапожники, пищевики, рабочие по коже и другие труженики небольших производств, ориентированных непосредственно на индивидуального потребителя, быстро встроились в предложенный махновцами «рыночный социализм». В этих отраслях снижалась безработица (работники по коже смогли ее и вовсе ликвидировать) 89 — постепенно расширялись масштабы обобществления производства — в начале декабря, например, пищевая промышленность полностью перешла в руки рабочих. 90 В то же

время в районе сохранялся и частный сектор в промышленности. Так, даже в Гуляйполе на заводе сохранялась прежняя администрация, которая вела постоянные переговоры с профсоюзом. Труд рабочих оплачивался мукой с близлежащей мельницы, отношения с которой были установлены профсоюзом. 91

Несмотря на то, что заводчанам раздали оружие для самообороны, махновцы то и дело «реквизировали» все необходимое им прямо в цехах. Впрочем, они расхищали остановившееся производство вместе с самими рабочими, отчаявшимися хоть что-то заработать на фабрике. Но от общероссийского экономического развала состояние района выгодно отличалось благополучным положением в сельском хозяйстве и связанной с ним легкой промышленности.

Рыночное преуспевание легкой промышленности даже вызывало критику со стороны «уровнительных» идеологов махновщины. Так газета «Повстанец» писала в анонимной статье: «Вот уж поистине, кто хорошо живет, это сапожники — никакая дороговизна им нипочем. Малейшее повышение цен на рынке перекладывается на заказчика». 92 Возникла необходимость в урегулировании денежного рынка. Пока распределительные механизмы будущего еще не были налажены, необходимо было жить в условиях товарно-денежных отношений. Но каких — в городе с разной степенью легальности ходили «керенки», «совзнаки», казначейские билеты Деникина, Петлюры, Скоропадского и т. д. Это обстоятельство, однако, не смущало, а воодушевляло махновских «экономистов». «Путь к свободе» писал, например: «Разве нельзя людям разрешить финансовый вопрос, когда денежные знаки имеются в громадном числе?» 93 Следуя этой наивной логике, махновцы разрешили хождение любых денег. Возможно, это согласовывалось с анархо-коммунистическими планами Махно об отмирании денег посредством их обесценивания. Впрочем, рынок не был парализован, в Екатеринославе буйным цветом расцвело кооперативное движение. «Совзнаки», правда, принимал только кооператив «Продовольствие и культура».

В распоряжении махновского штаба и финансовой комиссии ВРС на 15 октября находилось 9–10 миллиардов рублей бумажных денег различной стоимости. При этом «золотой запас» (включая драгоценности) составлял 15 миллионов старых рублей. 94 В результате активной социальной и внешней политики «махновии» к

1 декабря махновская «касса» сократилась до 5 миллиардов рублей и 2 миллиона золотого фонда. 95

Социальные издержки рыночной системы заставили Махно обратиться к системе соцобеспечения. Каждому пришедшему махновский «собес» выдавал по 300 рублей. 96 Эти деньги брали с «буржуазии». Очевидец событий М. Гутман вспоминает: «Махно наложил на зажиточную часть населения 25 миллионов контрибуции...и забрал из банков деньги, которые деникинцы не успели вывезти». Контрибуция и конфискованный капитал сортировался. «Махно не аннулировал никаких денег и брал контрибуцию как советскими, так и донскими. Впрочем, РВС предпочитал оставлять у себя донские, поэтому населению раздавали совденьги». 97 Такая сортировка объясняется просто — на донские деньги можно было приобрести оружие и боеприпасы. Население тоже оказалось не в накладе — через месяц пришли красные, и совзнаки не пропали.

Работы по ремонту орудий махновцы также оплачивали совзнаками 98, что не всегда нравилось рабочим. Немалую роль в этих конфликтах сыграла позиция и самих рабочих. Махновцы просто не могли сойтись с ними в ценах».

Армия — одна из основных потребителей транспортных услуг, равно как и услуг машиностроителей. Но Махно не стал «вытягивать» крупное производство посредством своеобразного «военно-промышленного комплекса», когда машиностроители кормились бы преимущественно от обслуживания бронетехники. Это увеличило бы затраты на армию и вызвало бы недовольство крестьян, обеспечивавших повстанцев безвозмездно. Желая поставить всех в равные условия, Махно возмущался, когда рабочие требовали слишком высокую, по его мнению, плату за услуги: «Сволочи, шкурники и вымогатели, пытающиеся на крови и героизме моих бойцов строить собственное благополучие». 100

В это время и Волин склоняется к мысли, что «рабочие сейчас в силу ряда условий не деятельны, робки и не революционны, и успех третьей революции зависит теперь, главным образом, от крестьянства». 101

Витриной махновского района должен был стать Екатеринослав — один из крупнейших городов Украины. Приступая к операции по

его освобождению, махновцы выпустили декларацию, в которой творилось: «Это будет город, освобожденный повстанцами — махновцами от всякой власти. Это будет город, в котором под защитой революционных повстанцев должна будет закипеть вольная жизнь, должна будет начать строиться свободная организация рабочих в единении с крестьянами и повстанцами...Ни одного убийства, ни одного грабежа, ни одного насилия, ни одного сомнительного обыска...Вопрос нашего поведения в занимаемых местностях есть вопрос жизни и смерти всего нашего движения». 102

Взаимоотношения Екатеринослава и остального района, занятого махновцами, должно было послужить моделью для всей России (с поправкой на гражданскую войну, конечно).

К моменту занятия города повстанцами витрина была уже изрядно побита и в прямом, и в переносном смысле. Господство деникинской армии совершенно разорило город. Вот воспоминания антибольшевистски и антимяхновски настроенного журналиста З. Арбатова о пребывании в Екатеринославе Добровольческой армии Деникина: «Вся богатейшая торговая часть города, все лучшие магазины были разграблены, тротуары были засыпаны осколками стекла разбитых магазинных окон, железные шторы носили следы ломов, а по улицам конно и пеше бродили казаки, таща на плечах мешки, наполненные всякими товарами...Контрреволюция развивала свою деятельность до безграничного дикого произвола, тюрьмы были переполнены арестованными, а осевшие в городе казаки открыто продолжали грабеж». 103

Это наследство «царей собственности и порядка» усугублялось еще и тем, что на протяжении месяца, когда город находился в руках махновцев, он непрерывно подвергался обстрелу и оставался на положении прифронтного. К тому же, как уже приходилось говорить, Екатеринославская промышленность была отрезана от смежников. Только с поправкой на эти обстоятельства можно говорить, что Екатеринослав стал опытом создания нового общества.

Каждую из проходящих в Екатеринослав армий жители оценивали прежде всего по грабежам. На общем фоне гражданской войны меры Махно против грабителей можно признать удовлетворительными. По свидетельству того же Гутмана «такого повального грабежа, как при добровольцах, при махновцах не было.

Большое впечатление произвела на население собственноручная расправа Махно с несколькими грабителями, пойманными на базаре; он тут же расстрелял их из револьвера». 104 Характерно, что, вопреки своей прежней практике, махновцы перестали освобождать из тюрем всех заключенных, ограничиваясь только политическими. Уголовникам пришлось сидеть дальше. 105

Проблема грабежей связана не с отсутствием дисциплины в махновской армии, а с деятельностью самого мрачного органа в махновской системе власти — контрразведки: «Но, конечно, грабежей было немало под обычным предлогом поисков спрятанного оружия. Один вид грабежа проводился с ведома и разрешения самого Махно; он касался квартир деникинских офицеров: не успевшие уйти из города и спрятавшиеся офицеры были все перебиты, а квартиры офицеров дочиста разграблены». 106 Здесь необходима поправка — Махно давал санкцию не на грабежи, конечно, а на расправу с офицерами. Контрразведка уничтожала всех, кто служил в карательных органах Деникина. Иногда Махно призывал и к уничтожению «буржуев». 107

В своих показаниях ревтрибуналу 14-й армии руководитель ВРС Волин утверждал: «...ко мне приходили целые вереницы людей с жалобами, что заставляло меня постоянно вмешиваться в дела контрразведки и обращаться к Махно и в контрразведку. Но боевая обстановка и задача культурно-просветительской работы мешали мне глубже вникнуть в злоупотребления, по словам жалобщиков, контрразведки». 108

Волин скромничает. Ему удавалось освобождать от наказания коммунистов. 109 Несмотря на то, что Волин по характеру своей деятельности постоянно сносился с этим ведомством 110, он констатирует: «По поводу злоупотреблений, чинимых контрразведкой армии Махно и начальником ее Зиньковским, я ничего не знаю». 111 Но общий пафос «чистосердечного признания» Волина заключается в том, что для него «контрразведка была ужасом, и я делал все возможное, чтобы прекратить чинимое ею». 112

Ясно одно — контрразведка оказалась фактически бесконтрольной. Махно и его штаб были заняты вопросами обороны и разъезжали по фронту. Волин и ВРС углубились в просветительские и экономические вопросы, судя по всему, просто не желая связываться с

контрразведкой. Сам Махно признает, что ей были предоставлены фактически неограниченные полномочия: «За этой работой контрразведочные органы были уполномочены на обыски в любом доме, расположенном в зоне военного положения и почему-либо заподозренном, а также «а аресты и опросы людей, в особенности, когда таковые указываются населением». 113 Естественно, что такой порядок создавал идеальные условия для доноительства, злоупотреблений и произвола.

Александровский съезд создал комиссию «в целях разъяснения и улаживания всякого рода нареканий и недоразумений между населением (и повстанцами), с одной стороны и контрразведывательными органами, с другой» 114, но реальных следов ее деятельности видно не было.

Позднее Махно признавал: «На пути деятельности контрразведочных органов махновской армии бывали иногда ошибки, за которые приходилось болеть душой, краснеть, извиняясь перед оскорбленными». 115 Но контрразведка не очень боялась неудовольствия командующего и тем более протестов разнообразных общественных организаций: «Ну так передайте своим рабочим, — уже совершенно грозно выкрикнул он, — что они как отсиживались на своих заводах, так пусть и отсиживаются, и в наши дела пусть не вмешиваются! А если будут вмешиваться в наши дела, то мы их посадим на место», — вспоминает профсоюзный активист об общении совета профсоюзов с представителем контрразведки по поводу одного ареста. 116

Несмотря на произвол и бесконтрольность, давление общественности и руководящих махновских органов не давали машине террора развернуться так, как это происходило на территориях, занятых белыми и красными. Заняв впоследствии Екатеринослав, деникинцы, по своему обыкновению, занялись подсчетом количества жертв внесудебных органов противника. За несколько дней удалось обнаружить около 70 тел. 117 Подобные масштабы целенаправленного террора не оправдывают его, но, оценивая это явление, необходимо помнить о том, что такое террор гражданской войны. Мы уже приводили воспоминания З. Арбатова о пребывании белых в Екатеринославе. А вот воспоминания этого журналиста о месяце красного террора, организованного

руководителем ВЧК Валявкой в Екатеринославе в мае 1919 г. «ночами Валявка беспрерывно и торопливо расстреливал содержавшихся в ЧК. Выпуская человек по 10–16 в небольшой, специальным забором огороженный двор, Валявка с 2–3 товарищами выходил на середину двора и открывал стрельбу по этим совершенно беззащитным людям. Крики их разносились в тихие майские ночи, а частые револьверные выстрелы умолкали только к рассвету... Страшной тайной остались сотни имен тех людей, которых озверелый Валявка отправил на тот свет». 118 До такого махновцам было далеко.

«Важно подчеркнуть следующее обстоятельство, — комментирует М. Маллет, — все специальные заявления по поводу контрразведки касаются городов — Бердянска, Екатеринослава, Александровска, Никополя. Ни одно из них не затрагивает сельской местности... Часто делаются сравнения с ЧК и деникинской секретной полицией. Некоторые махновские убийства были также жестоки, как и убийства, осуществленные их врагами, но нельзя сказать, что первые осуществлялись с той же методической жестокостью, что и последние». 119

Общая численность людей, сотрудничавшей с махновской контрразведкой, составляла около 5 тысяч человек. Такая разветвленная сеть и способности руководителей приводили к тому, что, по словам Белаша, «политические заговоры на восстание разоблачались в своей массе прежде чем они вполне созрели». Белаш писал свои воспоминания под контролем ОГПУ, и был вынужден добавить о провокациях контрразведки в некоторых случаях. 120 Однако характерно, что в махновском районе действительно не удался ни один мятеж или переворот, которыми так богата история гражданской войны.

Репрессивная система махновцев действовала и против командиров, которые самовольно накладывали «контрибуцию на буржуазию в личных целях». Например, 15 октября за это был расстрелян начальник штаба бригады Богданов. 121

Эффективно действовала контрразведка и в качестве разведывательного органа — ее подпольная сеть раскинулась от Одессы до Новороссийска, информируя махновцев о передвижениях частей, состоянии деникинского тыла и доставляя другую необходимую информацию. 122

Проблема соотношения эффективного подавления заговоров и провокации наиболее остро стоит в «деле Полонского» — расстреле группы коммунистов в начале декабря 1919 г. Чтобы разобраться в этом деле, необходимо сначала осветить взаимоотношения махновского руководства с оппозиционными партиями. Все социалистические партии действовали легально (кадеты считались партией Деникина).

4-го ноября ВРС принял решение об относительной свободе печати в районе». 1. Всем, без исключения, социалистическим, политическим партиям, организациям и течениям предоставляется полнейшая свобода распространять свои взгляды, идеи, учения и мнения, как устно, так и печатно. Никакие ограничения свободы социалистического слова и социалистической печати не допустимы, и никакие преследования в этом направлении не должны иметь места.

Примечание. 1. Сообщения военного характера допускаются к опубликованию лишь при условии получения их из редакции главного органа революционной повстанческой армии «Путь к Свободе», или в Революционном Телеграфном Агентстве (Ретаг).

2. Предоставляя всем социалистическим партиям и организациям полнейшую свободу своих идей, военное командование Повстанческой Армии в то же время предупреждает все партии, что ПОДГОТОВКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И НАВЯЗЫВАНИЕ ИМИ ТРУДОВОМУ НАРОДУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ, ничего общего со свободой распространения своих идей не имея, РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПОВСТАНЧЕСТВОМ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ допущено не будет». 123

Выходили их оппозиционные газеты — коммунистическая «Звезда», резко критиковавшая каждый шаг махновцев, правоэсеровская «Народовластие» и левоэсеровская «Знамя восстания». Активно действовали анархисты, выпускавшие официальные газеты «Путь к свободе» («Шлях до волі») и «Повстанец» — соответственно органы штаба и культпросвета ВРС. На местах издавались газеты «Вольный Бердянск», «Вольный Александровск», «Вольное Гуляйполе», «Вольный Мелитополь» и т. д.

Дела большевиков в условиях этого плюрализма были не блестящи — меньшевики укрепляли свое влияние среди рабочих, в ущерб большевикам. 124 Но неудачи на ниве борьбы за пролетариат не смущали коммунистов — главным направлением их деятельности

оставалась «борьба за войско» — эта сила понадобится, когда в район придут красные. Бывший член Екатеринославской комсомольской организации вспоминает. «». При махновцах работалось легче. Была «полулегальная» работа...Наш союз принялся горячо за разбрасывание листовок среди махновских отрядов». 125 Свобода агитации есть свобода агитации, хотя содержание большевистских материалов не могло не раздражать руководителей движения. «Революционное значение повстанчества исчерпывается постольку, поскольку вместо власти рабоче–крестьянских советов оно выдвигает власть кучки представителей военного командования, власть всякого рода штабов, комендантов и прочее и прочее," — писала газета «Звезда»». Нужно утвердить железный революционный порядок. Установить строжайшую революционную дисциплину. Положить предел бесшабашной, безвластной анархии и бессмысленной несогласованности действий, единственным результатом которой может быть только усиление контрреволюционных элементов...Идея безвластия, обеспечивающая имущим слоям деревни свободу от всякого давления со стороны пролетариата и союзной ему крестьянской бедноты, как нельзя более пришлась по вкусу деревенским кулакам и прижималам. Анархическая система организации промышленности также не могла не найти сторонников в отсталости и не вполне дожившей даже до степени капиталистической организации деревни», — писал в «Звезде» П. Горенев. 126

Махно было обидно читать подобные строки, и иногда он был готов перейти к репрессиям. 127 Но как политическая система движения, так и личные качества командарма удерживали его от ударов по прессе. Она не закрывалась, хотя иногда тиражи конфисковывались как клеветнические. Анархистские издания азартно полемизировали со «Звездой». Махновские патрули спокойно относились к оппозиционным журналистам. 128

Другое, отнюдь не агитационное направление большевистской работы вызывало гораздо большие опасения у контрразведки, которая занималась, конечно, не только злоупотреблениями. Коммунисты образовали подпольный губревком, который собирал разведывательную информацию о махновской армии. 129 Подпольные коммунистические организации (а ведь партия не запрещена) были организованы в пехотных и артиллерийских частях махновцев. 130

Они ждали своего часа, и этот час настал в декабре, когда появление РККА стало вопросом дней. Главной опорой коммунистов в грядущих действиях был «стальной полк», присоединившийся к махновцам в августе. Командование им оставалось в руках коммуниста Полонского и его окружения. Полк действовал в районе Никополя.

В самом конце ноября Полонской, его адъютант Семенченко, бывший председатель ревтрибунала при Екатеринославском полку Вайнер и жена (или сожительница) Полонского приехали с фронта в Екатеринослав. Вскоре они были арестованы. По делу были привлечены также несколько командиров полка. Следствие выдвинуло несколько обвинений. Во-первых, махновцы «заметили, что Полонский окружил себя партийными коммунистами большевиками, что-то тайное вырабатывает, противное повстанчеству». 131 За этой невнятной формулировкой можно усмотреть только факт конспиративных собраний коммунистов, который подтверждается существованием их подпольных органов. Во-вторых, «его окружают коммунистические палачи, распинавшие махновскую дивизию в мае и июне месяцах 1919 г». 132 Здесь речь идет о Вайнере, бывшем председателе ревтрибунала, не имевшем, кстати, прямого отношения к расправам над махновцами в первой половине 1919 г.

Наиболее серьезным пунктом обвинения явились документы, захваченные у направлявшегося на север Семенченко. В этих письмах, адресованных красному командованию, говорилось, что несмотря на переименование полка в повстанческий, его командиры «все такие же как были, ждем сами знаете чего». 133 Против Полонского свидетельствовал и один из командиров Огаркин, пользовавшийся его доверием. Благодаря Огаркину контрразведка была в курсе подпольной работы коммунистов. 134

Окружение Полонского и связанный с ним подпольный губком сигнализировали РККА, что готовы поддержать ее против Махно. Контрразведка добилась также показаний о подготовке покушения на Махно, но достоверность их сейчас уже нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. По версии начальника контрразведки Голика, Полонский планировал угостить Махно отравленным коньяком на вечеринке в честь приезда жены. 135

Ввиду опасности большевистского переворота и нового натиска денкинцев на Екатеринослав, обвиняемые были расстреляны

25 декабря без публичного разбирательства. Против расстрела без суда (видимо, постфактум) проголосовал ВРС. На его заседании один из командиров Голик заявил о необходимости расстреливать всех коммунистов, на что получил ответ: «если вы их будете расстреливать, то армия расстреляет вас». 136 Против расстрела выступали также анархисты–идеологи и часть командиров — Аршинов, Волин, Альй, Чубенко и возможно Белаш. Но старое окружение Махно из гуляйпольцев на совместном заседании ВРС и комсостава 25 декабря настояло на расстреле. 137 Командиры всерьез опасались большевистского переворота в частях в случае приближения красной армии к махновскому району. ВРС создал комиссию по дополнительному расследованию этого дела в составе Белаша, Уралова и Волина 138, но вскоре обстановка в районе резко изменилась, и отчитываться стало не перед кем.

Репрессивная система была лишь одним из элементов административных структур, вызревших в махновском районе. Большой властью на местах обладали коменданты, командиры частей. Попытка «ввести» безвластие, декларированная Волиным на Александровском съезде и в приведенных выше документах, разумеется, не удалась. Район представлял собой прифронтовую зону, был изолирован от страны и насквозь военизирован. В таких условиях речь могла идти лишь о более или менее жесткой форме военного режима. Приведенные выше факты показывают, что на общем фоне гражданской войны махновцы сумели создать относительно демократический режим, хотя и не без авторитаризма, репрессий и злоупотреблений. Главной опорой диктаторских тенденций в махновщине явился социальный слой «людей войны», своего рода «преторианской гвардии», зародившейся, как уже говорилось, еще в 1918 г. Возникновение социального слоя, кормящегося войной и не имеющего другого занятия, кроме войны, — универсальное явление, сопровождающее любой длительный военный катаклизм.

Исследователь махновского движения М. Кубанин писал об этом: «За время империалистической войны и нескольких революций и контрреволюционных переворотов, на Украине образовался широкий кадр людей, выходцев из крестьянства, которые потеряли связь с деревней и в нее возвращаться не могли или не хотели». 139 Добавим, что в эту среду входили и выходцы из других социальных слоев,

включая рабочий класс и интеллигенцию. Вечные бойцы войны и революции не умели жить в мире, они разжигали классовую войну в 1918 г., они ждали окончания нэпа и в 20-е гг., заполнив собой клетки партийной, государственной и общественной бюрократии, они поддержали сталинский перелом.

Во время гражданской войны они были главным горючим материалом военной конфронтации, но и главным строительным материалом диктатур, новой государственности. Не избежала их влияния и «Махновия».

Этой тенденции в махновском районе противостояли многопартийная система, свобода информации, сильное местное и производственное самоуправление. Во многих деревнях были выбраны советы, в других местах их роль играл сход. Крестьянское самоуправление опиралось на вооруженную самооборону. Вооружались и рабочие. В районе разворачивалась культурно–просветительская работа анархистов и меньшевиков: читались лекции, проводились дискуссии, шло обучение грамоте. Театральная секция культпросвета организовывала театральные постановки и танцы, руководила оркестрами, существовавшими в полках и ротах. 140

В районе продолжали действовать профсоюзы, которые вели переговоры об условиях труда и оплаты с администрацией предприятий. 141 В профсоюзы входило 60–70 % рабочих. 142 Набатовцы пытались создать синдикалистские профсоюзы (производственные корпорации, полностью контролирующие производство и обмен), но рабочие предпочли более привычные формы организации. Попытки анархо–коммунистов создать городскую коммуну (экономический совет), способную выполнять подобные синдикатам функции, также столкнулась с сопротивлением рабочих, представители которых (видимо, меньшевики) поговаривали о необходимости вернуться к традиционной городской управе и думе. В городах по воспоминаниям Белаша, создавались "«советы вольных городов», управляющие собою на основе личных симпатий и свободного договора». 143

В Екатеринославе проходили многолюдные политические собрания, в которых участвовали представители различных идеологических направлений. Так 27 ноября в конференции по вопросу «О ближайших задачах экономического строительства»

участвовало более 2500 человек. Конференция обсуждала практические шаги по созыву долгожданного «широкого съезда», решение о котором было принято еще в Александровске. 144

«Махновия» воспринимала себя как часть мировой революции. Махно по каналам «Набата» направлял значительную часть золотого запаса армии на помощь анархистским организациям России, Украины, Польши, Грузии, Румынии, Австрии, Франции, Италии и Испании. 145 Несмотря на то, что часть средств терялась в руках недобросовестных лиц, примкнувших к анархистскому движению, эти деньги способствовали расширению анархистской прессы. О личной честности лидеров движения, через руки которых во время войны проходили большие ценности, говорит и тот факт, что позднее в эмиграции все они жили очень скромно, иногда — в бедности. Они верили в «мировую революцию» и жили для нее.

До схватки с «мировым империализмом» и большевиками махновцам еще предстояло испытать удар новой, неожиданно пришедшей силы. Зимой 1919 г. до Екатеринославщины докатилась волна эпидемии тифа. Армия во главе с самим Махно заразилась наполовину — из 75 тысяч болело около 35 тысяч. 146 «Повстанчество превратилось в громаднейший обоз больных». 147, — сообщил С. Новицкий.

А тут еще на Екатеринослав обрушилась масса отступавших деникинцев, которым махновцы не давали обороняться от наседавшей с севера РККА. В середине декабря вокруг города разгорелись ожесточенные бои. З. Арбатов вспоминает об отступлении махновцев из Екатеринослава: «Пушки были сняты и галопом увезены, редкая цепь самых преданных Махно людей сдерживала натиск неизвестного противника, и когда силы ослабели, махновцы вскочили на поджидавших их коней и бешено умчались из города». 148 «Последним ушел Махно, и минут 10 спустя по той же самой Садовой, по которой, оставляя город, с трудом сдерживая горячего коня, спокойно проехал Махно, показались верховые с офицерскими погонами на плечах». 149 Перевешав на деревьях оставленных махновцами тифозных больных и разграбив все, что еще можно было, слащовцы оставили город. В Екатеринослав вошла Красная Армия.

Примечания к главе 4

1. РГВАФ. 199, Оп. 2, Д. 182, Л. 18
2. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 330, Л. 14.
3. Там же, Д. 274, Л. 40.
4. Там же, Л. 41–42.
5. Там же, Л. 4243.
6. Там же, Л. 4647.
7. Кубанин М. ук. соч. С. 83.
8. Цит. по Гончарок М. Ук. соч. С. 59.
9. Нестор Иванович Махно. С. 154–155.
10. Махно Н. Махновщина... С. 59.
11. Нестор Иванович Махно. С. 68.
11. Там же.
12. ЦДАГОУ. ф. — оп. 2, Д. 51, Л. 25.
13. Аршинов П. Ук. соч., С. 135.
14. Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 125.
15. Нестор Иванович Махно. С. 68.
16. Там же, С. 72.
17. Кубанин М. ук. соч., С. 87.
18. Цит. по Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 133.
19. Аршинов П. Ук. соч., С. 142.
20. Voline V. Op. cit. P. 621–623.
21. Voline V. Op. cit. P. 620.
22. Пятая годовщина... С. 227.
23. Нестор Иванович Махно. С. 68.
24. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 170.
25. «Повстанец». 8. 11. 1919.
26. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 67.
27. Кубанин М. Ук. соч., С. 162.
28. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 75.
29. Там же, Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 15.
30. Там же.
31. Пятая годовщина... С. 257.
32. Руднев Р. Ук. соч. С. 52.

33. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 155–156.
34. Там же, Л. 79.
35. Цит. по Руднев Р. Ук. соч. С. 52.
36. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351 Д 79.
37. Там же, Д. 330, Л. 16.
38. Там же, Л. 17.
39. Там же, Д. 351, Л. 150.
40. Voline V. Op. cit. P. 634.
41. ЦДАГОУ. Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 21.
42. Там же; «Повстанец». 8. 11. 1919. Газета дает несколько меньшее количество делегатов, в целом сохраняя пропорции.
43. ЦДАГОУ. Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 21.
44. Там же, Л. 22.
45. Кубанин М. Ук. соч., С. 92.
46. «Повстанец». 8. 11. 1919.
47. Кубанин М. ук. соч., С. 94.
48. Voline V. Op. cit. P. 637.
49. Op. cit. P. 633.
50. Op. cit. P. 639–640.
51. «Повстанец». 8. 11. 1919.
52. Нестор Иванович Махно. С. 79.
53. Voline V. Op. cit. P. 637–638
54. Аршинов П. Ук. соч., С 147
55. Повстанец. 8. 11. 1919.
56. ЦДАГОУ. Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 21.
57. «Дело труда». N 15. С. 14; Ц 5–1-330–14.
58. Тепер И. Ук. соч., С. 14.
59. Там же.
60. Там же, С. 58.
61. Там же, С. 58–59.
62. Колесников Б. Ук. соч., С. 407.
63. Кубанин М. ук. соч., С. 112.
64. «Повстанец». 8. 11. 1919.
65. Там же.
66. Кубанин М. Ук. соч., С. 94.
67. Там же, С. 95.
68. Колесников Б. ук. соч. С. 323.

69. Там же.
70. Аршинов П. Ук. соч., С. 147
71. Voline V. Op. cit. P. 643–644.
72. Op. cit. P. 647.
73. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351 Д 157.
74. Там же, Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 22, 24.
75. Там же, Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 94.
76. Там же. Д. 330, Л. 18.
77. Там же.
78. Колесников Б. Ук. соч., С. 319–320.
79. Там же, С. 321.
80. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 96.
81. Там же.
82. «Путь к свободе». 16. 10. 1919.
83. Аршинов П. Ук. соч., С. 145.
84. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 84.
85. Там же, Д. 274, Л. 104.
86. Там же, Д. 351, Л. 185–186.
87. Там же.
88. «Звезда». 15. 1. 1919.
89. Там же. 6. 12. 1919.
90. ГАЗО. Ф. Р 1058, Оп. 1, Д. 1, Л. 51.
91. «Повстанец». 8. 11. 1919.
92. «Путь к свободе». 25. 11. 1919.
93. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 85.
94. Там же, Л. 86.
95. Колесников Б. Ук. соч., С. 324.
96. Там же.
97. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 185.
98. Яковлев Я. Ук. соч., С. 27.
99. Колесников Б. Ук. соч., С. 324.
100. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351Д 151.
101. Кубанин М. Ук. соч., С. 88–89.
102. Архив русской революции, Т. 12, Берлин 1923. С. 91, 94.
103. Кубанин М. Ук. соч., С. 186.
104. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. Л. 274–106.
105. Там же.

106. Там же, Л. 88.
107. Там же, С. 116.
108. Махно Н. Махновщина...С. 41.
109. Там же.
110. Кубанин М. Ук. соч., С 116.
111. Там же
112. Махно Н. Махновщина. С. 44–45.
113. ЦДАГОУ Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 157.
114. Там же, С. 45.
115. Колесников 5. Ук. соч., С. 327.
116. «Приднепровский край». 4(17) 12. 1919.
117. Архив русской революции. Т. 12. С. 80–90. Свидетельства противника советской власти подтверждаются и коммунистом Д. Гопнером, приезжавшим в Екатеринослав в это время.
118. РЦХИДНИ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 2159, Л. 38.
119. Mallet M. Op. cit. P. 104.
120. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 88.
121. Там же, Д. 351. Л. 149.
122. Там же, Д. 274, Л. 89.
123. Там же, Д. 351, Л. 163–164.
124. Там же, С. 102.
125. Пятая годовщина...С. 223.
126. «Звезда». 15. 12. 1919.
127. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 172.
128. Пятая годовщина...С. 102.
129. «Пролетарская революция». 1922. N 9. С. 201.
130. ЦДАГОУ. Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 22.
131. Руднев В. Ук. соч., С. 55.
132. Там же.
133. Там же. С. 56.
134. ЦДАГОУ Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 190.
135. Там же, Л. 191.
136. Там же, Ф. 1, Оп. 2, Д. 52, Л. 22–23.
137. Там же, Л. 23; Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 192–193.
138. Mallet M. Op. cit. P. 52.
139. Кубанин М. Ук. соч., 174.
140. ЦДАГОУ Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 91.

- 141. ГАЗО, Ф. Р-1058, Оп. 1, Д. 1, Л. 80,83.
- 142. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 104.
- 143. Тамже, Л. 96–97.
- 144. Там же, Д. 351, Л. 180.
- 145. Там же, Д. 274, Л. 85.
- 146. Там же, Д. 351, Л. 191; РЦХИДНИ. Ф. 76, Оп. 3, Д. Ю 9, Л.

36.

- 147. ЦДАГОУ. Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 23.
- 148. Архив русской революции. Т. 12. С. 98.
- 149. Там же.

**Глава V. Между красными и белыми
(1920–1921 гг.)**

1. Черные мстители

Белая армия стремительно откатывалась на юг. Махно не без оснований считал, что крушение белого движения — заслуга его повстанческой армии: «Золотопогонники чуть было не вошли в Москву, и если бы не повстанцы, то над революционной Россией уже давно развеялся бы трехцветный самодержавный флаг». 1

В район действия махновского движения входила Красная Армия. Красные рассматривали махновцев как военного противника. Даже когда махновские командиры вступали в переговоры с РККА о присоединении к ней, это заканчивалось расстрелом. Позднее большевики пересмотрели свою тактику и сумели добиться перехода в РККА некоторых повстанческих отрядов. 2

Несмотря на то, что реальная военная сила Махно значительно ослабла (армия была поражена тифом), красное командование продолжало опасаться батышки и решило пойти на «военную хитрость» — сделать вид, будто не было расстрела махновского штаба в ЧК, приказа предать его суду военного трибунала, «дела Полонского». Это устраивало и Махно. 5 января его армия вошла в Александровск. Вскоре туда же прибыли красные (В. Волковинский утверждает, что город первоначально заняли красные, и в нем установилось «двоевластие», но это противоречит воспоминаниям командовавшего ими Ф. Левинзона. 3). Начались переговоры комбрига Ф. Левинзона с Н. Махно и С. Каретниковым. «Главное, что отделяло, по мнению Каретникова, нас от махновцев и крестьянства, аграрная политика соввласти и то, что во главе Красной армии стояли руководители — те же самые офицеры, с которыми Махно, по его словам, ведет борьбу не на жизнь, а на смерть», вспоминал Левинзон. «На политические темы мы с вами говорить не будем, — подытожил Каретников. — Об этом сговорится наш Реввоенсовет с вашим Реввоенсоветом. Со стратегической стороны мы готовы занять определенный участок, ибо врагу нас один». 4

В это время, 7 января, Махно предложил для обсуждения текст программы движения в новых условиях — Декларации Революционной повстанческой армии (махновской). Документ

интересен тем, что в его разработке не участвовали Аршинов и Волин. Он сохраняет анархистскую и, более того, синдикалистскую ориентацию. Махно считал, что основные вопросы жизни народа должен решить всеукраинский съезд: «Этот съезд покажет и решит все основные вопросы жизни рабочих и крестьян». До этого съезда армия отменяет все деникинские установления. «Меры коммунистического правительства, которые идут против рабочих и крестьян также отменяются». Таким образом, если деникинские порядки ликвидировались полностью, то в отношении коммунистического правительства предлагался режим частичного подчинения. Какие меры коммунистов обращены «на пользу трудящихся», предлагалось решать собраниям рабочих и крестьян. В документе усилена синдикалистская составляющая анархизма: фабрики «становятся собственностью всего рабочего класса через посредство профсоюзов и стремятся объединить всю индустрию в единый организм». 5 Сохраняются требования вольных советов, соблюдения гражданских свобод, ликвидации ЧК. 6 Возможно, Махно считал эти требования приемлемыми для коммунистов хотя бы в местном масштабе, но это было не так.

Тем временем комбриг Левинзон предлагал внезапным террористическим ударом "«покончить» с верхушкой махновской армии» 7, но комдив Якир понимал, что из этой авантюры скорее всего ничего не выйдет, и предпочел другую тактику. Как ни в чем не бывало красное командование отдает 6 января Махно приказ — немедленно выступить на Польский фронт по маршруту Александрия — Борисполь-Бровары — Чернигов-Ковель. Идея этого приказа принадлежала Сталину. 8 Четкое указание маршрута движения не случайно — командирам РККА нужно было знать пункты, на которых можно будет разоружить остатки больной махновской армии.

Впрочем, большевики сами не очень верили в успех этой операции, уж слишком грубым был замысел. «Приказ является известным политическим маневром, и только, мы меньше всего надеемся на положительные результаты в смысле его выполнения Махно». 9 Через сутки, 9-го января, не дожидаясь ответа Махно, Всеукраинский ревком объявил его вне закона 14 января поступило требование разоружиться.

22 января Махно ответил на требования большевиков. «Повстанческая армия, имея перед собой не заслуги перед

революцией, а только честно исполняя до сих пор свой долг тружеников, считает предложение со стороны советских войск о разоружении плодом печальных недоразумений, оскорбляющих повстанческую армию». Махно заявил о готовности «идти рука об руку» с РККА, сохраняя самостоятельность. 10 В это время более двух дивизий красных уже развернули боевые операции против махновцев, сохранивших боеспособность после эпидемии. «Было решено: предоставить повстанцам месячный отпуск... — вспоминал начштаба махновцев Белаш. — Со стороны Екатеринослава в Никополь вошел один советский полк, он занял город и начал разоружать тифозных махновцев... В самом же городе находилось 15 с лишним тысяч тифозных повстанцев. Наши командиры подвергались расстрелу, будь они больные или здоровые». 11

«Красная армия, вместо своей прямой задачи — преследования отступающего Деникина, сейчас занята повстанчеством, — комментировал события Куриленко, с июля 1919 г. сражавшийся в красной армии, а теперь вернувшийся к махновцам. — Я думаю, что она своими действиями заново организует его: это неизбежно. Создается положение, при котором террор и насилие над махновцами и населением только увеличат сопротивление». 12

Несмотря на разрыв, махновские командиры продолжали обсуждать возможность возобновления союза с красными. За это выступали Куриленко, Долженко, Миронов (брат большевистского командарма Ф. Миронова). Последний считал. «Надо повстанцев сохранить для более позднего времени: мы еще покажем себя! Упрекать в советской службе не следует, ибо это не порок. Чем больше наших товарищей будет на этой службе, тем легче нам удастся изнутри двинуть 3-ю анархическую революцию». 13 Не исключено, что в проведении такой тактики Миронов рассчитывал на поддержку брата — неортодоксального большевика, добившегося больших успехов на службе в РККА.

Долженко, в принципе возражая против такой «инфильтрации» и критикуя политику Махно конца 1919 г., считал необходимым перейти к конструктивной работе в рамках большевистского режима: «Взорвать Советскую власть значить продлить борьбу внутри пролетарских групп города и деревни... Бряцать оружием и входить во властнические организации с целью взорвать их изнутри было бы весьма позорно и

недостойно. С ними надо примириться раз и навсегда. Священной обязанностью теперь надо считать вопрос организации свободных коммун в советских условиях. В этом мы имеем достаточно опыта и должны показать деревне, насколько эффективно нужно устроить коллективную жизнь. Пусть даже эти коммуны будут нести бремя государственных налогов, подчиняясь власти...Надо проповедовать коллективизм, которому большевики выдали вексель чуть ли не неприкосновенности и массу привилегий. Мы должны оружие сдать в музей революции и организовать хоть сколько-нибудь свободных коммун, повторяю, в советских условиях». 14 Представление о том, что большевики позволят махновцам организовывать автономные небольшеvistские коммуны, было конечно, весьма наивно. Долженко подвергся за свое «капитулянство» резкой критике и позднее пересмотрел свою точку зрения: «Как можно организовать коммуну, когда носа не показывай, когда за тобой, как за зайцем, охотятся красные стрелки...Бряцать оружием сейчас нехорошо. Но что нам делать, когда нас лишают самого дорогого — жизни...нас убивают! По-моему, село надо подчинить политической и экономической самозащите, надо организовать сопротивление». 15 Эта позиция и возобладала, но готовность вернуться к союзу с красными в более благоприятных условиях у большинства командиров осталась. Они поняли невозможность победы над большевиками, пока не началось антиавторитарное движение по всей стране. А пока перед махновцами стояла задача сохранения революционного очага. И они с ней справились.

Большевики рассчитывали на быстрый успех, ориентируясь еще и на настроения населения. Оно приветствовало Красную Армию как антиденикинскую силу. Красные, как и Махно, выступали за советскую власть. Продразверстка была почти неизвестна на Украине (введена здесь лишь в апреле 1919 г., всего за два месяца до падения власти большевиков), поэтому господство деникинцев представлялось много более тягостным, чем предстоящая большеvistская власть. «Настроение в уезде определено в пользу советской власти. Наряду с этим есть и махновское течение. Присылка красных политработников может разбить их и достигнуть желаемых результатов. Крестьяне требуют компенсации взамен вывозимого хлеба, в первую очередь

кузнечного угля для починки сельскохозяйственных орудий," 16 — гласит разведсводка за 25 января.

Но компенсация не приходила. Большевистская власть привычно забирала хлеб в центр, а на протесты отвечала репрессиями. В районе укреплялись чрезвычайные комиссии, милицейская система и даже отмененные уже в России комбеды (комнезамы). В первой половине февраля сквозь мажорный тон начинают пробиваться и критические нотки: «Заметно недовольство продовольственной политикой, указывалось на низкую цену на хлеб, на низкие нормы, оставляемые для хозяйства». 17

Махновское движение вновь набирало силу. Бывшие повстанцы опять готовы были поддержать Махно, которого теперь зовут все больше не «батя», а «малой». Он по-прежнему верен идее вольного советского строя: «Мы сражались и будем сражаться за действительно неограниченную свободу, за вольный строй... — говорится в махновской листовке. — Если тебя твои комиссары гонят на нас, не стреляй, а присылай своих делегатов и узнавай, кто мы... Не верь комиссарам... Мы боремся за вольную жизнь без насильников-комиссаров, чекистов... Бросайте винтовки и переходите в братские объятия махновцев». 18 И переходили.

В феврале 1920 г. махновцы отбивались от частей трех дивизий (общей численностью около 20 тыс.). Но красным не сопутствовал успех. 21 февраля и 1 марта Махно нанес два поражения противнику в Гуляйполе и уклонился от ответных ударов превосходящих сил РККА.

С местным населением красные вели себя грубо, воскрешая недавние картины господства белых. В то же время набранные из крестьян красноармейцы не проявляли энтузиазма в борьбе с махновцами: «Красноармейцы не очень сильно протестовали и быстро сдавали оружие, начальники же защищались до последнего, пока их не убили», — говорится в «дневнике жены Махно». 19 У командиров были основания отбиваться до последнего. К этому времени махновцы начали уничтожать всех носителей власти — командиров, чекистов, руководителей продразверстки, милиционеров, коммунистов, председателей комбедов.

Крестьяне снова пошли к Махно. Его мобильный отряд в случае необходимости обрастал многотысячной армией, которая внезапно нападала даже на крупные соединения красных. 21 февраля махновцы

снова захватили Гуляйполе. 1 марта после небольшого рейда по округе батька опять застал в Гуляйполе красных и разгромил их. «Пленных же, предупредив, чтобы в третий раз не попадались в Гуляйполе, ибо живыми не отпустят, распустили». 20

Конечно, не всегда махновцы были столь добродушны. Красный и махновский терроры сплетались в единую вендетту: «Прибывши в Раздоры, узнали, что здесь красные отомстили невинным раздорцам за то, что нами было убито здесь пять коммунистов, — они расстреляли председателя, старосту, писаря и трех партизанов». 21 «Кавалерия бросилась в село, пехота осталась далеко сзади. Вскоре нам сказали, что наши захватили человек сорок. Мы въехали в село и на дороге увидели кучку людей, которые сидели, а некоторые и стояли, и раздевались. Вокруг них крутились и на лошадях, и пешие, наши хлопцы. Это были пленные. Их раздевали для расстрела». 22 Интересна реакция населения на казнь членов карательного отряда: «Селяне стояли и смотрели. Смотрели и радовались. Они рассказывали, как эти дни этот отряд хозяйничал в их селе. Пьяные разъезжают по селам, требуют, чтобы им готовили лучшие блюда, бьют нагайками селян, бьют, и говорить не дают». 23 Описание безобразий махновцев в Гуляйполе 7 марта более невинно.

В махновской армии поддерживалась дисциплина, достаточная для ведения эффективных боевых действий. Типичными провинностями считались самовольная расправа с пленными, раздевание убитых, подмена лошадей, самовольные отлучки. Типичными наказаниями, в зависимости от вины — спешивание, изгнание, расстрел. Наказания накладывались после обсуждения бойцами, по резолюциям частей. 24 Однако нервное напряжение Махновцы иногда снимали и алкоголем. Аршинов одобрительно пишет о готовности Махно выпить с бойцами. 25

Главным судебным органом махновцев в это время была «комиссия противомахновских дел» в составе С. Каретникова, Д. Попова (активного участника левоэсеровского выступления в Москве в 1918 г., с 1919 г. — анархиста) и Кузьменко. Комиссия выносила решения на основе опросов жителей: «Арестовали по доносу трех человек, но греки стали их горячо отстаивать, и мы их освободили». 26 Если позволяло время, процедура суда была еще более длительной: «Взятые в плен красноармейцы и командиры должны были пройти

через руки комиссии в тесном контакте с членами культпросвета — которые выступали на митингах и последних агитировали. Что касается остальных лиц совработников, то комиссия решала на свою ответственность убедить подсудимых». 27 Конечно, такие суды-митинги с убеждением и оправданием подсудимых были редкостью, но сами оправдания по результату опросов населения — довольно типичны, что признает даже такой пристрастный свидетель, как И. Тепер. 28 В боевой обстановке пленных красноармейцев раздевали в целях снабжения махновских отрядов и для лишения противника боеспособности. Иногда, в озлоблении от неудач, в отместку пленных расстреливали. 29 Махновцы иногда преследовали и бывших повстанцев, решивших воспользоваться большевистскими амнистиями. 30

Счет расстрелянных махновцами шел на десятки человек в месяц (красный террор был более «массовидным»). Сам Махно признавал: «Да, мы агентов по продразверстке убивали, да, мы председателей комнезаможних кое-где по пути расстреливали, как расстреливали мы также и только кое-где милиционеров... Следовательно, поскольку мы боролись с большевистской системой власти, мы боролись и с ее носителями, с агентами этих носителей и со всей их вооруженной защитой». 31

Фактически в районе существовало двоевластие. Органы и большевистской, и махновской властей действовали на подпольном положении. Местные большевистские органы докладывали: «Положение в Александровском уезде неблагоприятное. Вследствие постоянной угрозы Махно в некоторых волостях ревкомы работают нелегально. Были случаи убийств комиссаров, красноармейцев и разоружения воинских частей. Анархизм свил здесь крепкое гнездо и проявляется во всех волостях за исключением десяти (из сорока трех)... Количество «батек» и атаманов в некоторых местах превышает количество волостей, но все они ориентируются на Махно». 32 (Кто???)

В число носителей власти Махно включал членов комитетов бедноты, хотя сам создавал такие комитеты в 1917 г. Причина такой перемены — функции, которые возлагала теперь на комнезамы власть. Комитеты должны были помогать выявлению запасов хлеба у крестьян и информировать власти о настроениях в деревне. За это они получали

часть хлеба. Такая структура не могла прийтись по вкусу Махно. Он рассылает председателям комнезамов такого рода послания: «Рекомендую немедленно упразднить комитет незаможных селян, ибо это есть грязь». 33 Тех, кто не выполнял эту «рекомендацию», махновцы уничтожали. Не удивительно, что весной 1920 г. на I Всеукраинском съезде комнезаможей из 165 волостей Екатеринославской губернии были представлены только 26. 34 Влияние комнезамов в махновском районе было символическим. Они могли отчитаться только за 134 отобранных у крестьян винтовки на всю Екатеринославскую губернию (в Харьковской губернии этот показатель составил 1918 винтовок, в Полтавской — 1002, в Одесской — 27050). 35

За «преступления этой части бедноты другая, не пошедшая за большевизмом–ленинизмом часть бедноты должна была быть беспощадна к ней, — объясняет Махно свое отношение к комбедам, — беднота, как класс трудящихся, должна не только уметь сохранить силы своих рядов, но и уважать, и защищать в них принципы жизни — и в первую очередь из них принцип свободы и равенства мнений». 36

Вскоре махновская терпимость к иным мнениям подверглась неожиданному испытанию. С «батько» захотели заключить союз белые. К этому времени руководители отступившей в Крым части белого движения начинали понимать, что они ведут борьбу не с мифической анархией, а с четко организованной и упорядоченной силой большевизма, уничтожающей любое свободомыслие. Следовательно, в борьбе с этой грозной силой необходимо было объединиться со всеми антибольшевистскими движениями. Представитель штаба Врангеля при Крымской группе полковник Нога докладывал: «После Юшуньских боев противник отступил от Перекопского перешейка на север, и мы почти потеряли с ним связь; объяснение этого: на Украине в тылу красных поднялось восстание крестьян во главе с Махно, есть много и других партизанских отрядов, которые не дают покоя красным. И генерал Шиллинг, и генерал Слащов смотрят на эти явления весьма доброжелательно, но, не зная, как на это смотрит Ставка, конечно, мер по контакту с восставшим Махно и другими, естественно, не принимают... По–моему, сейчас настолько серьезный момент, что нашим девизом должно быть. «Кто против красных — все с нами». 37 Белый режим в Крыму предпринял

несколько попыток установить контакт с Махно. Но когда врангелевские посланцы наконец попали к нему, Махно приказал их казнить, чтобы крестьянская масса не заподозрила его в контактах с «помещиками». Социальные стереотипы были уже слишком сильны и диктовали правила игры.

Гораздо больший успех имела другая попытка заполучить Махно в союзники. В апреле 1920 г. анархистская группа «Набат» на своем совещании пришла к выводу о том, что необходимо превратить махновское движение в орудие реализации своих идей. К Махно была направлена делегация в составе анархистов А. Барона, А. Суховольского и И. Тепера с предложением «прекратить бессмысленные и бесцельные переходы с одного места на другое» и основать постоянную безвластную территорию. 38 Несмотря на бесцеремонный тон этого «указания» и его безграмотность с военной точки зрения, Махно любезно принял прибывшую 12 июня в район военных действий делегацию набатовцев. Он с 1919 г. относился к «Набату» как к «своей» организации, и возможность распространения влияния движения на другие территории с опорой на ячейки «Набата», разбросанные по Украине, была весьма соблазнительна.

Между тем, сам «Набат» планировал полностью подчинить движение своему влиянию и в случае необходимости даже заменить Махно на кого-нибудь другого: «Самый острый вопрос, который встал перед ними (Имеются в виду набатовцы; уместнее было бы написать «нами», так как автор этих строк Тепер принимал живейшее участие в заговоре — А. Ш.), выражался в том, чтобы путем усиления и расширения политической кругозора многих командиров настолько поднять их авторитет в общей массе повстанцев, чтобы значительно ослабить и уменьшить безграничную власть самого Махно, а в лучшем случае заменить его кем-нибудь другим». 39

Однако выяснилось, что «кругозор» махновских командиров вовсе не был таким «узким», как рассчитывали набатовцы. В состоявшейся дискуссии махновцы выступали «на равных» с городскими анархистами.

Выступая от лица махновцев, Долженко так характеризовал социальные корни большевизма: «Расширение по Марксу правительственной деятельности в настоящее время усиливает ряды коммунистической партии, как упражнение укрепляет тело человека.

Это верно. Но расширение функций государства, как вы знаете, увеличивает силу бюрократии, партийной или административной, ... которая является особой группой...Большевики стали отщепенцами, хотя они и выдвигают лозунги пролетариата. Государство стало хозяином орудий производства и блажителем индустриального пролетариата, которого фактически у нас нет. Это маленькая группа, во имя которой издаются законы, и которая, вместе с партией, является особой группировкой над пролетариатом». 40 Исходя из своего социального опыта, махновцы отрицают революционный потенциал значительной части пролетариата, связанной прежде всего с крупными предприятиями. Это мнение, предвосхитившее некоторые идеи лево-социалистических мыслителей второй половины XX в., не распространяется на весь пролетариат — его лозунги махновцы по-прежнему считают революционными. Без рабочих (прежде всего связанных с крестьянством производителями потребительской продукции) невозможна «третья революция» — свержение власти бюрократии. Концепция «третьей революции» означала шаг в сторону от идеи «революционного фронта». Раскол «революционного фронта» большевиками означал, что махновцам не удалось избежать столкновения с той частью трудящихся, которые шли за большевизмом. Находя свое объяснение «контрреволюционности» части пролетариата, махновцы оказываются и перед необходимостью некоторого изменения стратегии (впрочем, как показывают последующие события, идея «революционного фронта» также осталась в их арсенале). Если раньше махновцы стремились сначала в союзе с красными разгромить белых, а потом вступить с большевиками в борьбу за массы, то теперь, несмотря на сохранение белой угрозы, на первый план они ставят антибольшевистские задачи «третьей революции».

Оценивая перспективы «третьей революции», Долженко не сводит ее к успехам махновской армии: «Мы двигатели 3-й революции и создатели новых лозунгов, мы среди борющихся классов являемся как бы центральным, революционным бродилом, которое приводит в движение угнетенное многомиллионное крестьянство...Наше революционное бродило, приводящее в движение крестьянские группы, не способно дать определенное направление этому движению. Нас мало для того, чтобы приступить к созидательной работе, да и

глупо теперь, когда не закончена разрушительная работа, за это браться.

Занятие района не может уничтожить власть... Третью революцию может создать народ, но, ни в коем случае, наша армия». 41 Таким образом махновцы доказывали набатовцам, что занятие постоянного района не является самоцелью (движение уже имело подобный опыт). В сложившихся условиях тотальной войны социальное строительство все равно невозможно. Для победы движения необходимо его распространение на всю страну. И здесь махновцы рассчитывали не на военную победу, а на социальные организации в городах, способные выбить из-под большевиков хотя бы часть социальной опоры: «Сохранив профессиональные союзы и экономико-хозяйственные организации, мы должны вести неустанную борьбу за счастье неимущего класса Октябрьская революция создала целую сеть таких организаций. Нам только надо очистить их от политического влияния большевиков, и тогда они станут нашими, социалистическими». 42 Таким образом махновские идеологи показали, что они не замыкаются на партизанских методах борьбы и признают важную роль синдикализма в победе революции. Но здесь ключевую роль должны сыграть городские анархисты. «И вот, мы будем бродить по селам, будируя сознание крестьянства, а вы уходите на заводы и также будите уснувшие страсти рабочих, выдвигая их прямую задачу—социализацию орудий производства... Не согласны на этом поприще вместе работать — мы с вами порываем связи навсегда и будем считать вас, как обособленную группировку в анархическом организме». 43

Такая стратегия противоречила планам набатовцев — их влияние в городах было недостаточно для развертывания влиятельного синдикалистского движения. «Вначале Барон возражал, — вспоминал Белаш о ходе дискуссии. — Но под конец признал, что необходимо городским анархическим организациям влиться в профсоюзы, добиваясь советской трибуны, что махновщина должна остаться центральным, революционным бродилом на селе. В отношении политического руководства махновщиной и организации чуть ли не анархической партии с руководящими тенденциями, он высказал уверенность, что, рано или поздно, мы к этому сами придем». 44 Таким образом набатовцы, взяв на себя ответственность за активизацию движения в городах, продолжали настаивать на подчинении

Махновского движения более широкой политической организации. Итог попыток пришлых анархистов возглавить движение подвел сам Махно: «Ваше дело культурничать, и баста». 45 После этого Барон покинул район военных действий.

В это время у махновцев сохранялась собственная политическая организация, которая не собиралась подчиняться «Набату» по крайней мере до того, как его влияние на ход революционных событий не возрастет. Ядром этой организации был Союз анархистов. 46 Перед боевыми операциями Махно советовался не только со своим ближайшим окружением, но и с бойцами: «Много наших хлопцев стояли за то, чтобы дать бой, но много было и против. Врагов было значительно больше, да и в нашу задачу не входило давать, пока еще, бои красным, если на это нет жгучей необходимости». 47 Это не снижало, а повышало боеспособность армии Махно — бойцы лучше понимали смысл операции и сражались с большим воодушевлением. В комплектовании командного состава назначенчество продолжало сочетаться с выборностью. 48

При Махно сохранялся и коллегиальный политический орган — Реввоенсовет (РВС), или совет революционных повстанцев Украины (махновцев). Он был избран летом 1920 г. на собрании комсостава. В него вошли Махно, Белаш, Калашников, Куриленко, Каретников, а позднее кооптированы Аршинов и Попов. При РВС были созданы три отдела — оперативный (Махно, Калашников, Белаш), в подчинении которого находились штабы частей, организационный (Куриленко, Каретников), занимавшийся штатами и административно-хозяйственным контролем, и культурно-просветительский, который осенью возглавил Аршинов. Орготделу подчинялась также Комиссия противомахновских дел (Каретников, Попов, Кузьменко). 49

В задачи махновского культпросвета входило участие в судебных мероприятиях, активная агитация на крестьянских митингах, а также просветительская работа. Так, например, в «Дневнике жены Махно», рядом с описанием сцены пьянства есть и такая запись: «11 марта вечером был спектакль, посвященный памяти Т. Г. Шевченко. Наших там было много. Все прошло хорошо». 50

Тем временем обстановка в районе боевых действий ухудшалась. После разгрома махновцами стрелкового полка у Марьинки 25 апреля против партизан было решено бросить части Первой конной армии.

Широким фронтом они двинулись через район. После нескольких столкновений Махно в мае уходит на север, к Изюму. Но в районе осталась сеть военных организаций, готовых в любой момент поддержать махновскую мобильную группу. Как только кавалерийская масса Первой конной ушла из его района, Махно вернулся туда и немедленно обрел мощную армию. Причиной этого чуда была все та же сеть местных боевых организаций. Исследователь военного искусства Махно Н. Ефимов пишет: «Это были крестьяне, вооруженные винтовками или каким-либо другим оружием. Они не уходили с Махно, а оставались в том или другом своем селе или волости и представляли ячейку, которая занималась охранением своего района... Вот если явится в ее район продорган советской власти, какой-либо реквизиционер или разведывательная часть, желающая получить сведения о махновцах, то дело этой ячейки их уничтожить и сообщить о расположении красноармейских частей, расквартированных в их районе, главному отряду. Когда политический момент был удачен для Махно, то эти ячейки разбухали, принимали в свои ряды добровольцев и все время ими пополнялись». 51

Благодаря этой корневой сети махновская армия и снабжалась. Махновцы заранее сообщали крестьянам несколько мест, где для них должен быть готов ужин. Если махновцы нуждались в лошадях, но отбирали их преимущественно у тех хозяев, которые имели свыше трех лошадей. 52 Крестьяне хранили боеприпасы махновцев и ухаживали за ранеными. Сила этой корневой системы имела и обратную сторону — армия Махно резко ослабевала за пределами своего района.

2. Последний союз

В июне операции махновской армии против тылов Южного фронта были успешны. Было разбито несколько полков красных, тыл 13-й армии оказался в критическом положении. Красные были бессильны сделать что-нибудь. Им оставалось только обстреливать махновские митинги из артиллерии. И вдруг Махно уходит из района.

Причиной стало весенне-летнее наступление Врангеля. Махно увидел, что, разгромив тылы красных, он облегчил успех белой армии. Почувствовав силу, белые приступили к репрессиям: «Противник забирает скот и хлеб. Проводит насильственную мобилизацию по 41-й год. Уклоняющихся порют и расстреливают," 53 — гласит разведсводка 42-й дивизии. Естественно, махновцы не желали способствовать такой политике. 27 июня Махно писал в приказе своим войскам: «В интересах нашей армии уйти на время из пределов бело-красных позиций, дав им возможность сражаться до тех пор, пока мы не соберемся со своими силами». 54

В июле-сентябре Махно предпринял длительный рейд на север — в Изюмский уезд и далее почти до Харькова. По пути махновцы раздавали крестьянам хлеб из продовольственных складов (своего рода продрозверстка наоборот), громили инфраструктуру военного коммунизма. Авторитет Махно рос теперь уже не только в его родном районе.

В это время врангелевцы заняли Гуляйполе. Махно решил, что единственным способом освобождения его столицы может быть союз с красными против Врангеля. Против союза с большевиками выступило большинство гражданских анархистов, за — большая часть комсостава. 55 Предложение о союзе, переданное махновцами 27 сентября, было немедленно принято руководителями Южного фронта.

1 октября Махно в обращении к действующим на Украине повстанцам призвал их прекратить боевые действия против большевиков. «Оставаясь безучастными зрителями, — говорилось в нем, — украинские повстанцы помогли бы воцарению на Украине либо исторического врага — польского пана, либо опять царской

власти, возглавляемой германским бароном». 56 2 октября в Старобельске было подписано соглашение красных и махновцев. Его подписали М. Фрунзе, Б. Кун, С. Гусев с одной стороны и В. Куриленко и Д. Попов — с другой. Политическую часть соглашения заверил представитель Украинского правительства Я. Яковлев. В соответствии с соглашением между махновцами и красной армией прекращались военные действия, на Украине объявлялась амнистия анархистам и махновцам, они получали право на пропаганду своих идей без «призывов к насильственному свержению советского правительства», на участие в советах и в выборах на V съезд Советов, намеченный на декабрь. Стороны взаимно обязались не принимать дезертиров.

Махновская армия переходила в оперативное подчинение советскому командованию с условием, что «сохраняет внутри себя установленный ранее порядок». 57

Махновцы изложили свои предложения по дальнейшему сосуществованию с большевиками: «Ввиду того, что одной из существенных сторон махновского движения является борьба за самоуправление трудящихся масс у себя на местах, повстанческая армия махновцев выдвигает 4-й пункт политического соглашения, а именно: организация в районе действия махновской армии местным рабоче-крестьянским населением вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономия и федеративная связь с государственными органами Советской Республики». 58 Большевики обещали подписать и 4-й пункт, но оттягивали подписание под предлогом необходимости согласования с Москвой. 59 Переговоры по поводу нового пункта велись вплоть до нового разрыва отношений между махновцами и большевиками. До 16 октября соглашение было ратифицировано президиумом ЦИК Украинской советской республики. 61 От командования Южного фронта махновцы получили 100 миллионов рублей 62 — довольно скромную по тем временам сумму, которая воспринималась, скорее, как акт доброй воли, чем реальная помощь союзнику.

Часть махновцев категорически не поддержала этот союз. Отряды общей численностью 8 тысяч человек (у Махно осталось 13 тысяч человек) не пошли за Махно. 63 «Спустя некоторое время Каменев, Бондаренко, Пархоменко, Фомин и другие писали нам, примерно,

следующее: «Мы не хотели мира с большевиками, которые способны обмануть. Мы не желаем проливать свою кровь на Врангелевском фронте лишь потому, что нашими плодами воспользуются большевики. Мы не признаем их революционерами и боремся с ними, как с государственниками, властителями и законниками. Желаем вам успеха в деле разгрома Врангеля и умоляем не ложить пальцы в рот большевикам — откусят», 64 — вспоминал Белаш о пророчестве ушедших. Несмотря на отказ от союза с красными, отколовшиеся отряды с 10 октября прекратили активные боевые действия.

Во второй половине октября махновцы прорвались в тыл Врангеля и взяли свой район под контроль. 29 октября крупные силы красных прорвали фронт белых на Каховском плацдарме и вышли в глубокие тылы Врангеля. Его армия спешно отступила в Крым. В Махновский район, который в это время распространялся на 32 волости 65, пришел мир.

1 октября член коллегии ВЧК В. Манцев обратился к Ф. Дзержинскому: «Обещал освободить Волина и Чубенко. Согласны ли Вы на это? Если да, то освободите, временно оставив их в Москве. Об освобождении уведомяте немедленно». 66 Анархисты были освобождены и развернули свою агитацию по Украине, приняли участие в выборах на очередной всеукраинский съезд советов. «Набат», поддерживаемый авторитетом и ресурсами махновского движения, укрепился организационно, создал секретариаты во многих городах Украины, распространял махновские материалы, установил контакты с предприятиями. 67 На 1 декабря был назначен всеукраинский съезд анархистов в Харькове. Он был санкционирован властями, на него рассылались приглашения российским анархистам Е. Ярчуку, Г. Максимову и др. 68.

В Харькове работало махновское представительство. Первоначально в него входили Хохотва, Чарин и Клейн, а с 9 ноября более влиятельные деятели движения — Буданов, Таратута и Попов. В телеграмме заместителя начальника Украинского ревкома Балицкого Дзержинскому говорилось о махновском представительстве: «Даже в Харькове они имеют успех. Вчера только (телеграмма отправлена 22 ноября) прекратились забастовки на паровозостроительном заводе, вызванные махновской агитацией на почве острого продовольственного кризиса». 69 Понятно, что большевики не могли

долго терпеть существование легальной махновской агитации — рабочие могли перейти на сторону анархистов. Но пока Махно нужен был в качестве военной силы против Врангеля, ВЧК приходилось выжидать.

Махно именовался теперь председателем Революционной повстанческой армии, а ее командующим стал С. Каретников. 70 Таким образом Махно не попал в формальное подчинение к красному командованию.

Как только в районе прекратились военные действия, там была установлена советская власть махновского типа. Был созван волостной Совет (именовался также Исполнительным комитетом) — временный делегированный советский орган, в который вошли помимо анархистско-беспартийного большинства 20 эсеров и 5 коммунистов. 71 Секретарем Совета до 11 ноября был Попов, а затем — П. Рыбин.

В район прибыло около 100 анархистов, занявшихся культурно-просветительской работой. 72

В ноябре гуляйпольцы несколько раз собирались на сход, разрабатывая проект положения «О вольном трудовом совете». Окончательно положение было утверждено Советом 25 ноября, накануне нападения красных на район. Советы провозглашались «вольными» органами самоуправления трудящихся (крестьян, не эксплуатировавших бедноту, и рабочих) и должны были действовать в строгом соответствии с наказами избирателей. Запрещалось избрание в Советы членов партий. Перевыборы в Советы должны были проходить каждые 6–12 месяцев. Положение повторяло идеи, уже разработанные в программных документах движения, несколько конкретизируя их.

7 ноября собрание рабочих и служащих Гуляйполя решало вопросы социального регулирования. Постановили, «предприятия должны отдать часть производства в кооператив для распределения между всеми членами кооператива». 73 Кооператив, созданный в июне при профсоюзе 74, был своеобразной кассой взаимопомощи и механизмом уравнительного перераспределения среди трудящихся. Однако рыночные отношения таким образом не отменялись. Рабочим обеспечивался прожиточный минимум (причем не в натуральной форме). Они приобретали муку на связанной с кооперативом мельнице «Кемах» по льготным ценам. Цены (льготные для местных рабочих и

более высокие для всех остальных) определяло собрание работников мельницы (там тоже существовало самоуправление). 75 То же собрание трудящихся 7 ноября избрало в волостной совет трех представителей. 76

В районе сохранялась производственная демократия. 28 октября, например, собрание рабочих и служащих Гуляйпольского завода «Богатырь» обсуждало вопросы приобретения необходимых для возобновления работы материалов и приглашении дополнительной рабочей силы. Приобретение материалов было поручено фабрично–заводскому комитету совместно с профсоюзом и заводуправлением. Таким образом на заводе существовала разветвленная система органов управления и самоуправления, которая искала выход из кризиса в тяжелых условиях гражданской войны. 77

15 ноября Гуляйпольский Совет обсуждал перспективы «созидательной работы анархии» в районе. Однако высказывались и скептические мнения: «Большевики никогда не позволят нам самоуправляться, не допустят, чтобы в государственном организме было место, зараженное безвластием». 78 Это заседание приняло решение готовиться к отпору возможному большевистскому вторжению. 79

Упор во внутренней политике Махно в этот период делался на просвещении. Волин так формулировал принципы махновской просветительской политики этого времени: «Компетентность преподавания под контролем со стороны рабочих, приоритет не накопления знаний, а навыков развития свободной личности, способной бороться за справедливое общество и жить в нем, независимость школы от церкви и государства». 80

Во главе культурно–просветительского отдела Совета встал вернувшийся в район Аршинов. 81 Было принято положение о культпросвете, которое определяло, что членом этого отдела «может быть всякий товарищ, разделяющий принципы махновского движения, выраженные в декларации Реввоенсовета армии от 20 октября 1919 г. При этом поведение его в прошлом и настоящем должно отвечать принятому в отделе уровню». 82 Таким образом отдел должен был превратиться в безупречное в моральном отношении анархистское ядро (ибо декларация носила анархистский характер), которое могло бы приступить к решению важнейшей задачи на пути к анархическому

обществу — изменению мировоззрения и культурного уровня людей. Анархисты читали крестьянам и рабочим лекции об истории американского рабочего (то есть социалистического) движения, о задачах профессиональных союзов (организаций трудящихся), Лекции были выдержаны в анархо–синдикалистском духе: «Рабочие союзы (будут — А. Ш.) неизбежно постепенно отстранять государственные органы от участия в производстве». 83 Эта позиция, предполагала постепенность ликвидации государственности и перехода к социализму, что вполне соответствовало той реальности, в которой оказалось движение — анархистский анклав в формирующемся тоталитарном государстве.

В районе открывались новые школы, готовились педагогические эксперименты по системе анархиста Ф. Феррера. Учителя содержались крестьянами, но грамотные повстанцы и сами участвовали в преподавании. В программу школы входили в основном гуманитарные предметы: политэкономия, история, теория и практика анархизма и социализма, история французской революции (по Кропоткину) и революционного повстанчества в русской революции. Вновь начал работу махновский театр, ставивший пьесу «Жизнь махновцев». 84

Готовились и социальные преобразования — махновцы надеялись, что мир с большевиками продлится по крайней мере 3–4 месяца. На 15 ноября был назначен районный крестьянский съезд, но 13 ноября он был отложен из–за обострившейся обстановки. 85

Несмотря на заключенное перемирие, наученные горьким опытом лидеры движения относились к коммунистической партии с большой настороженностью и не отказывались от критики в адрес большевиков. 13 ноября Совет постановил, что необходимо требовать прекращения репрессий против меньшевиков и анархистов и освобождения их. 86 Несмотря на прежние разногласия и конфликты, махновцы вступились за социал–демократов, забыв, правда, об эсерах.

Цвет махновских войск (2400 сабель, 1900 штыков, 450 пулеметов и 32 орудия)87 под командованием Каретникова (сам Махно был ранен в ногу) был направлен на фронт. Одновременно началась дополнительная мобилизация в РККА, к которой крестьяне отнеслись более благосклонно в свете союза красных и Махно. Крестьянское ополчение приняло участие в штурме Перекопа, а кавалерия Каретникова и отряд пулеметчиков Ф. Кожина — в форсировании

Сиваша, который переходили также четыре красные дивизии. Общение Каретникова с Фрунзе не было вполне приятным — махновцы привыкли, чтобы им разъясняли приказы, советовались в разработке плана боевых операций. Тем более, что предыдущий опыт взаимодействия с большевиками не располагал к доверию: «Видимо, махновцы не совсем доверяли мне», 88 — вспоминает командующий фронтом. Переговоры затрудняло и то, что большевики опять не выполнили соглашение относительно снабжения махновцев. Как пишет комиссар штаба фронта А. Осинкин, Каретников «говорил, что не может выступать, потому что армия чего-то не получила. «Судя по предыдущему опыту этим «чем-то» могли быть, например, боеприпасы. Фрунзе попытался приструнить Каретникова: «Скажите, как поступают в войсках Махно с тем, кто отказывается выполнить распоряжение вышестоящего начальника?» На что Каретников ответил: «Этого у нас не бывает... У нас в войске революционная дисциплина и все приказы обсуждаются с начальниками частей». 89 Фрунзе пришлось признать в общении с махновцами принцип обсуждения с подчиненными своих приказов. После того, как разногласия были урегулированы, кавалерия Каретникова и пулеметная рота Кожина начали переходить Сиваш.

Белые не смогли выдержать внезапного удара махновцев и красных со стороны Сиваша. Они не думали, что значительные силы противника смогут пройти через это ледяное болото. Оборона Врангеля рухнула. Махновцы вышли к Юшуню, в тыл укреплений Перекопа, а после эвакуации остатков белой армии расположились в районе Евпатории.

Быстрая победа над Врангелем приблизила новые испытания для Махновского движения. Один из командиров Г. Василевский говорил 15 ноября П. Аршинову: «Конец соглашению! Ручаюсь, что через неделю большевики будут громить нас». 90

13 ноября Гуляйпольский Совет постановил «довести до сведения командования Южного фронта о том, что красное командование на фронте недружелюбно относится к командованию Революционной повстанческой армии (махновцев) на почве симпатии красноармейцев к командованию Революционных повстанцев (махновцев) и желания их перейти в ряды повстанчества. Красное командование не старается все назревшие вопросы разрешить мирным путем, а обострить их». 91

3. Последняя война

Уже 17 ноября, на следующий день после ликвидации Южного фронта, Фрунзе отдал приказ: «Украинскую повстанческую армию передаю в оперативное подчинение командарма 4-й, которому иметь в виду предстоящую переброску армии совместно с 9-й стрелковой дивизией на Кавказ». 92 Это прямо противоречило старобельскому соглашению, в соответствии с которым армия Махно передавалась лишь в оперативное подчинение Южному фронту и, следовательно, не должна была отрываться от родных мест. Переброска махновцев на Кавказ означала бы прекращение их существования как самостоятельной политической силы.

Гуляйпольский район также остался бы беззащитен перед лицом карательной машины большевиков. Тем не менее махновский штаб всерьез обсуждал возможность похода в поддержку Кемаля в Турцию. 93 Одновременно Фрунзе отдал распоряжение предотвратить возможный прорыв махновцев из Крыма. В то же время в подготовке удара против махновцев царила неразбериха: «Крым от материка изолирован двумя кавалерийскими дивизиями... — докладывал Дзержинскому Балицкий. — Вчера на совещании решили так: не выпуская Каретникова из Крыма, окружить надежными частями — (киргизской бригадой, курсантами и другими) Гуляйпольский район, затем снестись с Фрунзе или Манцевым, который организует ликвидационную группу». 94 Таким образом планы действий РККА и украинских чекистов разрабатывались самостоятельно и согласовывались на ходу.

20 ноября Махно отклонил требование двигаться на Кавказ и предложил провести переговоры для улаживания противоречий между сторонами, усилившихся после нескольких стычек между махновскими и красными подразделениями. Тогда же от секретного сотрудника ЧК махновское командование узнало, что в ближайшее время следует ждать нападения на Гуляйполе. 95 23 ноября махновцы задержали в Гуляйполе 9 агентов красной разведки. Белаш вспоминает: «По чекистской линии из Харькова группа Мартынова (40 человек) была командирована в Гуляйпольский район со специальным заданием

— разложить изнутри махновщину, а в случае неудачи — террористическими актами снять отдельных ее руководителей. Среди Мартыновцев из Харькова была наша группа человек 10, руководимая анархистом и бывшим адъютантом Чередняка и Шубы, Мирским. Она посылала в штаб секретные сводки, и события предупреждались раньше, чем вполне созревали». 96 Махновцы потребовали от Харьковского правительства разъяснений. Ответ властей был вполне доброжелателен: «Заговор, должно быть, является простым недоразумением, тем не менее советская власть для выяснения дела создает комиссию и предлагает штабу армии махновцев послать от себя в эту комиссию двух человек». 97 Этот ответ был передан 25 ноября, когда красным стало ясно, что махновцы действительно раскрыли их группу. 98

24 ноября в руки махновцев попала отпечатанная в преддверии нового поворота большевистской политики листовка «Бей бандитов–махновцев». 99 В тот же день Фрунзе издал приказ–ультиматум: «РВС Южного фронта считает задачу Повстанческой армии законченной и предлагает РВС Повстанческой армии немедленно приступить к работе по превращению партизанских повстанческих частей в нормальные воинские соединения красной армии. «Приказ сопровождался перечислением эксцессов во взаимоотношениях между красными и махновцами (в неблагоприятной для последних интерпретации) и оскорбительными выпадами в адрес Махно и частей, принимавших участие в штурме Крыма: «Махно и его штаб, послав для очистки совести против Врангеля ничтожную кучку своих приверженцев, предпочли засесть в каких–то особых видах с остальными бандами во фронтовом тылу». 100

Махновцы изо всех сил стремились свести число инцидентов к минимуму. «Так, в с. Малотокмачка, — вспоминает Белаш, — один махновец обезоружил красного командира лишь потому, что понравился «Маузер» и верховая лошадь. Командир 2-го полка Клерфман за это расстрелял его на месте, возвратив лошадь и оружие потерпевшему коммунисту. В Большемихайловке пять махновцев убили начальника снабжения какой–то дивизии, а с ним трех красноармейцев за то, что добровольно не сдали оружие и деньги. Из штаба выехал Щусь и на месте расстрелял виновных махновцев. В Михайлово — Лукашово махновец — комроты отряда Чалого,

вернувшегося из Мелитополя для организации пополнения Крымской группы, переманил к себе с 2-мя пулеметами взвод красноармейцев, которые охотно перешли к нему, тем самым обезоружив красную часть. Был скандал, и махновец–комроты за это был расстрелян. Таких случаев было много: и описывать их не стоит труда. Виновники–махновцы расстреливались до последнего (25/XI) дня». 101 На допросе в плену у красных Белаш утверждал: «Что касается массовых случаев нападения, раздевания и даже убийства красноармейцев, то в этом виноваты исключительно местные бандиты и крестьяне». 102 Но Фрунзе, не проведя серьезного расследования, обвинял во всех бедах, происходивших в этих местах, именно махновцев. Ему были нужны поводы для выполнения поставленной политическим руководством задачи.

По словам Белаша ультиматума Фрунзе в Гуляйполе не получали 103, что вполне естественно — нападение на махновскую столицу было внезапным. Для «жалкой кучки» махновцев в несколько тысяч человек, оставшейся в Крыму, нападение красных, последовавшее 26 ноября, явилось полной неожиданностью. Еще утром Каретников со штабом был вызван к Фрунзе на совещание, там арестован и затем расстрелян. Но с частями Каретникова все оказалось не так просто — они разбросали обступавшие их красные части и с большими потерями прорвались из Крыма. 104 Пройдя через Перекоп с помощью известного махновцам пароля, группа вышла на оперативный простор, но от нее осталось только 700 кавалеристов и 1500 штыков. 105

В Гуляйполе было больше оснований для беспокойства. Днем 26 ноября стало известно об аресте махновского представительства в Харькове (его члены будут расстреляны в 1921 г.). В ночь с 25 на 26 ноября было также арестовано около 350 анархистов, в том числе Волин, Мрачный, зачинщики забастовок в Харькове. 106 Телефонные переговоры ситуацию не прояснили — власти утверждали, что это какое–то недоразумение. Но Махно сумел привести свои войска в боевую готовность, и начавшаяся поздно вечером атака красных не застала его врасплох.

На Гуляйполе с трех сторон наступали части 42-й дивизии и двух бригад. Одна кавбригада вышла в тыл к махновцам. Постреляв по красным частям, наступавшим с юга, махновцы оставили Гуляйполе и ушли на восток. С севера в городок вошла кавалерийская

интербригада. Ничего не подозревавшие части, наседавшие с юга, атаковали занявших Гуляйполе кавалеристов. Начался жаркий бой красных друг с другом, что позволило махновцам выйти из окружения. 7 декабря Махно соединился с кавалерийским отрядом Марченко, прорвавшимся из Крыма. Аршинов вспоминает о состоянии Махно: «Вид разбитой, почти уничтоженной знаменитой конницы сильно потряс его». 107 Все нужно было начинать сначала.

А в это время Фрунзе разворачивал против Махно части трех армий (в том числе двух конных). Почти весь Южный фронт обрушился на повстанцев, уничтожая по пути небольшие группы, не успевшие соединиться с Махно 108.

Но небольшой отряд по пути обрастал потерявшими было связь друг с другом партизанскими частями. Присоединялись и красноармейцы разбитых махновцами частей РККА. В начале декабря у Махно было уже 2,5 тысячи бойцов. После нескольких неудачных попыток окружить повстанцев, огромная масса красных армий прижала их к Азовскому побережью в районе Андреевки. 15 декабря красное командование докладывало в Совнарком: «продолжая наше наступление с юга, запада и севера на Андреевку, наши части после боя овладели окраинами этого пункта, махновцы, сжатые со всех сторон, сгруппировались в центре селения и продолжают упорно обороняться». 109 Казалось, махновская эпопея подошла к концу.

Однако Фрунзе не учел совершенно уникальных возможностей махновской армии. Н. Ефимов пишет: «Махновец...за время партизанской борьбы, а может быть также в силу своих социальных условий, развил в себе индивидуальные свойства. Махновец всюду чувствует себя самостоятельным. Даже в бою любимый его строй— лава, где предоставляется отдельному бойцу максимум самостоятельности.

Развитие в махновце свойств индивидуального бойца дает возможность ему не терять голову в опасные минуты». 110

Махно мог, объяснив задачу, распустить свою армию на все четыре стороны в полной уверенности, что она соберется в указанном пункте в тылу противника и ударит по нему. К тому же махновская армия была «моторизована» — она почти целиком могла передвигаться на конях и тачанках, развивая скорость до 80 верст в день.

Все это помогло махновцам 16 декабря выйти из приготовленной Фрунзе западни. «Небольшие группы махновцев уже в это время, во время боя обходили наши части и проскальзывали на северо–восток... Махновцы приблизились к деревне, открыли в темноте беспорядочную стрельбу, чем произвели удачную панику среди красноармейских частей и заставили последних разбежаться». 111

Погрузившись на тачанки, махновцы вышли на оперативный простор, громя встречные красные части, которые и представить себе не могли, что противник сможет вырваться из окружения.

При этом «красноармейская пехота дралась нехотя. Махновская армия снова разрослась до 10–15 тысяч человек. На сторону повстанцев переходили целые подразделения 2-й красной армии, которой командовал «беспартийный большевик» Ф. Миронов. 112

Неспособность победить махновцев военным путем толкнула большевиков к наращиванию террора. 5 декабря армиям Южного фронта был отдан приказ проводить поголовные обыски, расстреливать не сдавших оружие крестьян, накладывать контрибуции на села, в черте которых производились нападения на красные части. 113 «Выкорчевывание» махновщины затрагивало и тех, кто перешел на сторону компартии. Так, в конце декабря «революционная тройка» в Пологах арестовала весь ревком и часть его расстреляла на том основании, что члены ревкома служили у Махно в 1918 г. (то есть в период войны с немцами). 114

Чтобы не подвергать излишней опасности односельчан, Махно переходит в декабре Днепр и углубляется в правобережную Украину. Переход на правобережье серьезно ослабил махновцев — здесь их не знали, местность была незнакомой, симпатии крестьянства склонялись на сторону петлюровцев, с которыми у махновцев были прохладные отношения. В то же время против махновцев выдвигались части трех кавдивизий. В районе реки Горный Тикич завязались кровавые бои. Махновцы передвигались так стремительно, что сумели застать врасплох командира одной из дивизий А. Пархоменко — он был убит на месте. Но противостоять натиску превосходящих сил противника на чужой территории махновцы не могли. Понеся большие потери у Горного Тикича, махновцы ушли на север и перешли Днепр у Канева. Затем последовал рейд через Полтавскую и Черниговскую губернии и дальше до Беловодска.

В середине февраля Махно повернул в родные места. Им теперь овладела новая идея — распространять движение вширь, постепенно вовлекая в него все новые и новые земли, создавая повсюду опорные базы. Только так можно было разорвать кольцо красных армий вокруг его армии на колесах. Первая попытка разослать отряды в разные стороны успехом не увенчалась. Но в начале марта Махно посылает колонны в направлении Дона, Кубани, Воронежской, Саратовской, Харьковской и даже Тамбовской губерний. Сам он с небольшой мобильной группой объезжал многочисленные очаги восстания, появляясь то на Дону, то на Полтавщине.

Крестьянство более обширной зоны, чем коренной махновский район, привыкало к батьке и все больше поддерживало его. В анонимных опросах, организованных большевистскими «социологами» для выяснения настроений населения, крестьяне писали, что «советская власть построена на угнетении рабочих и крестьян, на форменном обкрадывании крестьян и т. д». 115

Расширение ареала махновского движения в этот период опровергает вывод тех авторов, которые вслед за В. Каневым считают, что «у него уже не было никаких шансов на победу, но он не сдавался и с фантастическим упрямством продолжал борьбу. Это уже была война ради войны». 117 Именно в это время власть большевиков «висела на волоске». Крестьянские восстания охватили всю страну, бастовали рабочие Петрограда, восстал Кронштадт. И все требовали ликвидации режима, впоследствии известного как «военный коммунизм», причем ликвидации вместе с однопартийной диктатурой большевиков. Требования прекращения продразверстки, свободы распоряжения хлебом, ликвидации комнезамов были глубоко реалистичны, что показало ближайшее будущее.

В марте 1921 г., после Кронштадтского восстания, большевики пошли на серьезные уступки крестьянству ради главного — сохранения своей монополии на власть. Процесс введения новой экономической политики растянулся на весну–лето 1921 г. Учитывая все это, можно сказать, что в 1921 г. сохранялись шансы на свержение большевистского режима. 117

Но именно в этот момент Махно не смог перестроить свою стратегию. Распылив армию на создание новых повстанческих зон, он не сумел вовремя сосредоточить большие силы для решающего

наступления. Малейшая неудача могла привести к серьезному поражению. Махно вспоминает о решающем столкновении 13 марта 1921 г.: «Люди с возгласом «Жить свободно или умереть в борьбе!» бросались на любую часть и повертали в бегство. В одной сверхбезумной по отваге контратаке я был в упор пронизан большевистской пулей в бедро через слепую кишку навывлет и свалился с седла. Это послужило причиной нашего отступления, так как чья-то неопытность крикнула по фронту: «Батько убит!». 118

Эта неудача привела к тому, что весь апрель махновцы укрепляли повстанческие очаги на севере и востоке, но не предпринимали широкомасштабного наступления.

По воспоминаниям Белаша, в это время Махно разработал свой проект «Декларации махновцев», который отличался от предыдущего провозглашением в качестве промежуточной задачи «диктатуры труда» в форме Советской власти и системы профсоюзов, которыми должны руководить анархисты. 119 Эти идеи соответствовали программным положениям, с которыми Махно выступит в эмиграции. Но, так же, как и во второй половине 20-х гг., в 1921 г. новые идеи Махно не вызвали понимания большинства анархистов. Совет и штаб подвергли проект критике, обвиняя Махно в бонапартизме. 120

Несмотря на то что в апреле под общим командованием Махно находилось до 13 тысяч бойцов, к маю он смог сосредоточить для решающего удара в Полтавщине лишь около 2 тысяч бойцов под командованием Кожина и Куриленко. «Решено было пойти на Харьков и разогнать земных владык из партии коммунистов-большевиков». 122 Для взятия столицы советской Украины столь скромных сил, конечно, было недостаточно. Повстанческое движение расширило район своих действий, но не могло сконцентрироваться для решающих ударов. Новые партизанские отряды полтавщины и черниговщины были слабо связаны с Махно, хотя и восстали под его лозунгами. Они еще не восприняли махновскую дисциплину и вполне отвечали общепринятому представлению об аморфности крестьянского движения. От старых махновских кадров, в большинстве своем разосланных для организации новых очагов, осталось немного. Несмотря на частные успехи в боях с Первой конной армией, Махно не удалось пробиться к Харькову. Его ударная группа застряла в Полтавщине. В это время крестьянам стало ясно, что нэп — это

всерьез и надолго. Одновременно большевики перешли к тактике выжженной земли, выселяя за поддержку Махно целые деревни. 123 Ряды махновских отрядов таяли. В то же время и положение большевиков еще нельзя было назвать устойчивым-1 июня в Екатеринославе произошли серьезные рабочие волнения, «маленький Кронштадт». 15 июня в плен к повстанцам чуть было не попал Фрунзе. 124

В конце июня — начале июля в боях на Суле Фрунзе нанес махновской ударной группе чувствительное поражение. 125 К этому времени добровольно сдались красным почти три тысячи махновцев. Движение таяло на глазах. В июле состоялось последнее открытое заседание штаба махновской армии, в котором участвовало более тысячи бойцов. Махно выступал за то, чтобы отступить в Галицию. Белаш предложил идти в Турцию, чтобы сражаться на стороне кемалистов против Антанты. 126 Армия разделилась окончательно и постепенно рассыпалась на мелкие группы.

Но Махно не собирался сдаваться в плен. С небольшим отрядом в несколько десятков человек он прорвался через всю Украину к румынской границе. Несколько кавалерийских дивизий пытались найти этот отряд, но 28 августа 1921 г. он переправился через Днестр в Бессарабию.

Примечания к главе 5

1. Цит. по Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 149
2. Там же, С. 148, 150.
3. Там же, С. 150, Нестор Иванович Махно. С. 92–94.
4. Нестор Иванович Махно. С. 93–94.
5. Skirda A. Op. cit. P. 209.
6. Op. cit. P. 210.
7. Нестор Иванович Махно. С. 95.
8. Там же, С. 96.
9. «Летопись революции» 929. N 4, С. 275.
10. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 330, Л. 75.
11. Нестор Иванович Махно. С. 99.
12. Нестор Иванович Махно. С. 99–100.
13. Там же, С. 100.
14. Там же, С. 100–101.
15. Там же, С. 101.
16. Кубанин М. Ук. соч., С. 124.
17. Там же.
18. Цитата по Комин В. В. Нестор Махно. Мифы и реальность. М., 1990. С. 53.
19. Там же, С. 1.
20. 40 дней...С. 5.
21. Там же, С. 6.
22. Там же, С. 10.
23. Там же.
24. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 330, Л. 171–172.
25. Аршинов П. Ук. соч. С. 218.
26. 40 дней...С. 11.
27. «Община» N 43. С. 7.
28. Тепер И. Ук. соч. С. 19.
29. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 330, Л. 154.
30. Там же, Л. 148.
31. Махно Н. Махновщина...С. 35–36.
32. Цит. по Комин В. Ук. соч., С. 55.

33. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 330, Л. 59.
34. РЦХИДНИ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 2900, Л. 12.
35. Там же, Л. 14.
36. Махно Н. Махновщина...С. 3940.
37. Слащов — Крымский Я. А. Белый Крым. 1920. М. 1990. С. 144.
38. Тепер И. Ук. соч. С. 17.
39. Там же, С. 81.
40. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 245–246.
41. Там же, Л. 244.
42. Там же, Л. 245.
43. Там же, Л. 246.
44. Там же.
45. Тепер И. Ук. соч., С. 89.
46. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 246.
47. 40 дней...С. 11.
48. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 330, Л. 171
49. Там же, Л. 35–37.
50. 40 дней...С. 8.
51. Сборник трудов военно–научного обществе при Военной академии М., 1921. С. 220.
52. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 330, Л. 147.
53. Кубанин М. Ук. соч., С. 153.
54. Комин В. В. Ук. соч., С. 154.
55. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 234.
56. Там же, Д. 330, Л. 47.
57. Тепер И. Ук. соч., С. 117–119.
58. Нестор Иванович Махно, С. 177.
59. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 290.
60. РЦХИДНИ. Ф. 76, Оп. 3, Д. 109, Л. 37.
61. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 268.
62. Там же, Д. 330, Л. 38.
63. Там же, Д. 351, Л. 266, 268.
64. Там же, Л. 246.
65. Там же, Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 32.
66. РЦХИДНИ. Ф. 76, Оп. 3, Д. 109, Л. 3.
67. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 291.

68. РЦХИДНИ. Ф. 76, Оп. 3, Д. 109, Л. 4.
69. Там же, Л. 8–9.
70. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 330, Л. 49.
71. Там же, Ф. 1, Оп. 2, Д. 51, Л. 32.
72. Там же, Оп. 20, Д. 328, Л. 45.
73. ГАЗО. Ф. Р-1058, Оп. 1, Д. 1, Л. 55.
74. Там же, Л. 96.
75. Там же, Л. 54–56, 59.
76. Там же, Л. 55.
77. Там же, Л. 53.
78. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 292.
79. Там же.
80. Voline Op. dt. P. 664.
81. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 330, Л. 39.
82. Там же, Л. 67.
83. Там же, Л. 69.
84. Аршинов П. Ук. соч., С. 177–179.
85. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 330, Л. 41.
86. Там же, Л. 40.
87. Там же, Л. 140.
88. Фрунзе М. В. Военная и политическая деятельность. М., 1984. С. 110.
89. Фрунзе М. В. Воспоминания друзей и соратников, М., 1985, С. 172.
90. Аршинов П. Ук. соч., С. 179.
91. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 330, Л. 40.
92. М. В. Фрунзе на фонтах гражданской войны, М., 1941, С. 451,
93. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 299.
94. РЦХИДНИ. Ф. 76, Оп. 3, Д. 109, П. 6–7.
95. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 330, Л. 142.
96. Там же, Д. 351, Л. 293.
97. Аршинов П. Ук. соч., С. 181.
98. РЦХИДНИ. Ф. 76, Оп. 3, Д. 109, Л. 18.
99. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 330, Л. 142.
100. М. В. Фрунзе... С. 453–54.
101. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 293
102. Там же, Д. 330, Л. 141.

103. Там же, Л 143.
104. Там же, Д. 351, Л. 299.
105. Там же, Д 330, Л. 146.
106. РЦХИДНИ. Ф. 76, Оп. 3, Д. 109, Л. 10.
107. Аршинов П. Ук. соч., С. 189.
108. РЦХИДНИ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 2475, Л. 4–8.
109. Там же, Л. 10.
110. Сборник трудов...С. 220.
111. Там же, С. 219.
112. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 346.
113. М. В. Фрунзе...С. 458.
114. ГАЗО. Ф. Р-73, Оп. 1, Д. 49, Л. 11.
115. РЦХИДНИ. Ф. 76, Оп. 3, Д. 70, Л. 58.
116. Канев В Ук. соч., С. 66–67.
117. Подробнее см. Тоталитаризм. Из истории...С. 64.
118. Аршинов П. Ук. соч., С. 196.
119. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 331–332.
120. Там же.
121. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 333.
122. Там же, С. 198.
123. Нестор Иванович Махно. С. 184.
124. Mallet M. Op. cit. P. 77–78.
125. см Нестор Иванович Махно. С. 116–123.
126. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 351, Л. 342.

Глава VI. Эмиграция

1. Мытарства

Оказавшись в Румынии, махновцы были разоружены властями. Нестор с женой был поселен в Будапеште. В апреле 1922 г. Махно переехал в Польшу. Советская дипломатия и здесь добивалась его выдачи как уголовного преступника. При этом Махно не скрывал своих взглядов, агитировал за советскую власть, и польская администрация на всякий случай отправила группу анархистов из России в лагерь для перемещенных лиц. В июле 1922 г. Махно обратился к властям с просьбой разрешить ему эмиграцию в Чехословакию — более демократическую страну. Но в этом батяке было отказано — поляки подозревали его ни мало ни много в стремлении поднять восстание в Восточной Галиции в пользу Украинской советской республики. Прокурор окружного суда Варшавы видимо не вдавался в подробности разногласий между российскими революционерами, и по-своему истолковал высказывания Махно в поддержку Советов, революции, коммунизма и свободного самоопределения украинцев Восточной Галиции. 23 мая 1922 г. против Махно было возбуждено уголовное дело. 25 сентября 1922 г. Махно, Кузьменко и двое их соратников — И. Хмара и Я. Дорошенко, были арестованы и отправлены в Варшавскую тюрьму.

В мире поднялась кампания в защиту Махно, которую вели массовые анархо-синдикалистские организации. В их заявлении говорилось. «Махновщина и большевизм — это два антипода.

Первая стремится к полному самоуправлению трудящихся, второй — к диктатуре над ним. Гнусной, подлой клеветой является заявление советвласти о бандитском и погромном характере махновщины. Махновская армия является единственной в мире, непричастной ни к каким антиеврейским актам. Наоборот, — с революционной честью и решительностью она всегда их сурово преследовала. Братья трудящиеся! Помешайте осуществиться презренному замыслу русского и польского правительств. Подымите голос протеста против готовящегося убийства тов. Махно и против убийств других революционеров» 1.

27 ноября Махно второй раз в жизни предстал перед судом. Его обвиняли в контактах с миссией УССР в Варшаве и подготовке восстания. После того, как абсурдность этого обвинения стала очевидна, прокурор стал доказывать, что Махно не политэмигрант, а бандит. Возникла угроза, что Польша использует узников как разменную монету в дипломатической игре и выдаст их большевикам.

Газета «Дни» писала: «Махно на суде держится свободно, охотно говорит, категорически отказывается от возводимых на него обвинений в бандитизме, насилиях, в злых умыслах против Польши, в сношениях с большевиками. Говорит о себе и «махновском движении», как о своеобразном народном освободительном движении, о борьбе против всякой навязываемой народу власти. Говорит «интеллигентским» языком, порою с вычурными книжными оборотами» 2.

Выступления батько имели успех — особенно напоминания о том, что своими действиями в тылу красных он фактически спас Варшаву в 1920 г. 3. Уголовные обвинения доказаны не были, и 30 ноября Махно был оправдан. Он поселился в Торуни, где начал публиковать воспоминания и готовиться к новым боям. Одновременно в Берлине Аршинов выпустил первую «Историю махновского движения». Работы Н. Махно и П. Аршинова о махновском движении вызвали в целом положительные отклики в анархистской среде, однако, внезапно подверглись атаке со стороны анархо-синдикалистов. Критикуя махновское движение, М. Мрачный считает, что увлечение им реакционно, так как это ведет к недооценке характера будущей революции и великой роли рабочей организации в ней» 4 По мнению М. Мрачного, сам метод повстанческой борьбы делает вождизм и военный авторитаризм неизбежными «Но мы твердо помним простые и глубокие слова нашего гимна «никто не даст нам избавления, ни бог, ни царь и ни герой. «». И не батько, добавим мы, будь он хоть семи анархических пядей во лбу. И не вооруженная армия революционно настроенных повстанцев, хоть бы она вся состояла из Кропоткиных и Бакуниных» 5.

Более того, М. Мрачного возмущает «батьковщина», вождизм, присущий крестьянскому движению. «Мы боремся против глубоко вкоренившегося рабского стремления трудящихся передать свою волю, свою самостоятельность благодетелям, пастырям, вождям, партиям, которые уже устроят все к лучшему для нас с наименьшей тратой

наших собственных усилий, с наименьшим напряжением собственной воли к действию» 6.

Анархо–синдикалисты, участвовавшие в революции в городах, предпочитали стачки лихим конным атакам. Они доверяли и слухам о «бандитском» характере махновщины, критически относились к «диктаторству» Махно. Критика со стороны анархистов болезненно воспринималась Нестором Ивановичем. Но это были лишь первые выстрелы в будущей идеологической войне.

После откровенных заявлений Махно о стремлении продолжать вооруженную борьбу с большевиками польское правительство выслало его из страны в январе 1924 г. К этому времени было уже ясно, что в ближайшее время поднять восстание на территории СССР не удастся. Махно перебрался через Германию в Париж где и прожил остаток дней.

Последние годы Махно не были такими же бурными, как предыдущие, но все же это не было тихое угасание, подобное жизни многих эмигрантов. В Париже Махно оказался в самом центре политических дискуссий. И здесь он снова был «на коне». Французская анархистка И. Метт вспоминала, что Махно «был великим артистом, неузнаваемо перевоплощавшемся в присутствии толпы. В небольшой компании он с трудом мог объясняться, его привычка к громким речам в интимной обстановке казалась смешной и неуместной. Но стоило ему предстать перед большой аудиторией, как вы видели блестящего, красноречивого, уверенного в себе оратора. Однажды я присутствовала на публичном заседании в Париже, где обсуждался вопрос об антисемитизме и махновщине. Меня глубоко поразила тогда удивительная сила перевоплощения, на которую оказался способен этот украинский крестьянин» 7.

Споры 20-х — 30-х гг. не были просто эмигрантской пародией на прошедшую революцию. Ставкой дискуссий, разворачивавшихся между мировыми, был опыт Российской революций, уроки — для анархистов не менее ценные, чем для представителей других течений выброшенных большевизмом в мир.

Практический опыт революционной борьбы, которым обладали анархисты из России, определял то внимание, с которым мировая анархистская общественность следила за их спорами. Это определило и активное вмешательство в них таких авторитетных в международных

анархистских кругах теоретиков, как А. Беркман, Ж. Грав, Э. Малатеста, М. Неттлау, Л. Фабри, С. Фор, Р. Рокер и других. Но их авторитет, приобретенный десятилетиями участия в анархистском движении и множеством произведений, на которых воспитывались целые поколения анархистов, оказывался решающим не сам по себе, а только в соответствии с тем или иным мнением, поддержанным деятелями российского анархизма. Анархисты ждали новых революций, и не напрасно. В 1936 г. миллионы испанских рабочих и крестьян подняли черное знамя анархии. Их идеологические и политические принципы зависели от оценки махновского опыта.

В 1924 г. Н. Махно, П. Аршинов, В. Волин и несколько их товарищей создали Группу русских анархистов в Германии (поело переезда в Париж называлась Группа русских анархистов за границей). Группа выпускала журнал «Анархический вестник», а затем «Дело труда». Соратники Махно, так же, как и другие видные анархисты (Максимов, Ярчук и др.) были высланы из России вместе с теми представителями «чуждых» идейных течений, которых большевики опасались и расстреливать, и оставлять в стране.

Махно и Аршинов настаивали на том, что для координации работы различных проанархических массовых организаций анархисты должны создать собственную единую организацию. По поводу формы этой организации в 1923 г. возникли все более заметные разногласия. Волин считал, что организация может быть создана из представителей всех основных направлений анархистского движения. Для этого созданию организации должна предшествовать широкая теоретическая дискуссия, которая могла бы выявить общие черты воззрений всех течений и на их основе формировать «синтетическую» идеологию анархизма.

Идея «синтеза» встретила противодействие Аршинова, который считал невозможным объединить в одну организацию представителей большинства направлений анархизма, поскольку он слишком разношерстен. Аршинов считал, что в анархизме фактически господствует одна идеология — анархо-коммунизм, признающий синдикализм в качестве метода борьбы. Все остальные направления являются второстепенными и могут быть вынесены за рамки единой организации 8.

Такой организации по мнению Махно и Аршинова нужна была программа, которую можно было бы начать осуществлять в первый же день революции. В этом направлении развивалась мысль и других теоретиков анархизма. Авторитетный анархо–синдикалистский автор Г. Максимов предложил идею «переходного периода», приковавшую к себе внимание мирового анархистского сообщества. Напомнив, что анархисты во время революции поддерживали самоорганизацию трудящихся в Советы, Г. Максимов писал. «». Советы — еще не анархия. Но когда они наносят удар централизованному государству, разбивая вдребезги его аппарат — это является моментом переходной стадии к безвластному коммунизму» 9

Другой анархо–синдикалист, секретарь восстановленного в 1922 г. Международного товарищества рабочих (анархисты вели его историю со времен Интернационала К. Маркса и М. Бакунина) А. Шапиро писал: «Когда большинство анархистов признает, что ближайшая революционная волна не будет стопроцентно анархической, то они этим самым признают, что социальная революция...делится на этапы...Однако, когда говорят о переходном периоде, то анархисты–догматики становятся на дыбы. «Переходный период» легкомысленно смешивается с «диктатурой»» 10.

Возражения идее переходного периода, как это ни странно, исходили из лагеря участников махновского движения, практика которого вполне соответствовала идеям распыленной власти («вольные советы») и переходного периода. Ведь общество, установленное махновцами, очевидно не соответствовало критериям анархии, но уже рассматривалось как безгосударственное. Однако Аршинов, Махно и Волин рассматривали махновское движение как элемент социальной революции, а не общественную структуру. Общество махновской «освобожденной территории» не считалось ими анархическим потому, что там еще шла социальная революция. Аршинов называл махновское движение «началом строения нового общества». 11

Махно и Аршинов верили, что не за горами новая революция. И к ее началу анархисты должны быть вооружены четким планом действий и иметь всемирную организацию, способную действовать в соответствии с ним. Для того, чтобы отобрать в ряды Всеобщего анархического союза (так предполагалось назвать новую организацию)

действительных единомышленников, Аршиков, Махно и их сторонники составили текст проекта платформы Союза, который вошел в историю как «Платформа», а его сторонники — как «платформисты». «Платформа» составлялась без участия сторонников Воина, считавшего этот документ преждевременным. Но Махно решил присоединиться к одному из своих теоретиков, надолго разойдясь с другим. Жребий был брошен — Аршинов и Махно предложили анархистам создать всемирную организацию с жесткой дисциплиной и «реалистической программой».

2. Платформист

«Платформа», текст которой был опубликован в «Деле труда» в октябре 1926 г., предлагала жесткие формы организации, подчинение общим решениям (решение большинства считалось рекомендательным, но подлежащим исполнению, поскольку меньшинство должно следовать воле большинства), коллективную ответственность, исполнительный комитет с функциями идейного руководства. У многих анархистов эти требования вызвали возмущение. В августе 1927 г. группа эмигрантов из России, поддерживавшая В. Волина, опубликовала резко критический ответ на «Платформу» (его автором, видимо, был сам Волин). 12

Несколько позднее критический разбор «Платформы» предложил Г. Максимов 13. Реакция «платформистов» на критику была резко отрицательной. Ответ сторонников Волина они оценили как «беспрограммную программу анархо–хаотиков». 14

Так началась дискуссия, занимавшая анархистов всего мира в 1927–1931 гг. Принципы «Платформы» первоначально (до выступления против нее ведущих теоретиков анархизма) пользовались популярностью в анархическом движении Франции, Италии и других стран. Параллельно и в связи с дискуссией по поводу «Платформы» развивался идейно–организационный конфликт в анархистском движении в Испании, часть участников которого выступила с идеями, близкими к «платформизму». В то время эти круги охватывали сотни тысяч человек, так что новое поле битвы батько было по количеству вовлеченных людей вполне сопоставимо с прежним.

Авторы «Платформы» провозгласили задачей революции Анархический Коммунизм. 15 Под коммунизмом авторы понимают «свободное общество равных тружеников». 16 В отличие от анархо–синдикалистов, Махно и Аршинов отрицали идею переходного периода к коммунистической общественной модели: «Под переходным периодом у социально–политических партий, разумеется, определенная фаза жизни народа, характеризующаяся разрывом со старым строем и установлением новой экономической и политической системы, которая, однако, еще не содержит в себе полного

освобождения трудящихся... Анархисты всегда были принципиальными противниками подобных программ, находя, что само построение переходных систем, принцип эксплуатации и принуждения масс, удерживаемые этими системами, неизбежно поведут к новому росту рабства. Вместо политических программ—минимум анархисты всегда отстаивали лишь социальную революцию, лишаящую капиталистический класс политических и экономических привилегий и передающую средства и орудия производства и все функции общественно—хозяйственной жизни в руки трудящихся». 17

«Идей переходного периода, по которой в результате социальной революции должно образоваться не анархическое общество, а некий «икс», несущий в себе элементы и пережитки старой капиталистической системы, противонархична по своему существу. Она таит в себе угрозу укрепления и развития этих элементов до их первоначальных размеров и повернет развитие вспять. «В качестве примера такого развития снова приводится большевистский режим, «который, по убеждению большевиков, должен был явиться всего—навсего переходной ступенью к полному коммунизму, но который в действительности привел к восстановлению классового общества, на дне которого оказались по—прежнему рабочие и беднейшие крестьяне». 18

Таким образом, «платформисты» считают необходимым создать анархическое общество и разрушить старый мир уже в ходе социальной революции. Они — радикалы, они надеются прорваться к высокой цели сразу. Правда, новое общество будет еще не совершенным, но уже анархическим: «Центр тяжести в деле построения анархического общества заключается не в том, чтобы каждому индивиду на первый же день революции предоставить неограниченную свободу удовлетворения своих потребностей, а в том, чтобы завоевать социальную базу для этого общества и установить принципы отношений между людьми. Вопрос большего или меньшего материального достатка есть вопрос не принципа, а технический.

Основной принцип, на котором будет построено новое общество, который составит содержание этого общества и который ни в какой мере нельзя урезывать, состоит в равенстве отношений, в свободе и независимости трудящихся». 19 Здесь также заметно противоречие: свободу масс трудящихся нельзя «урезывать» ни в коем случае, но

свободу индивидуумов, из которых эти массы состоят, урезать можно. Модель общества, предлагаемая в «Платформе» — это и есть анархия. Социальная революция — это водораздел между двумя эпохами: «Овладение трудящимися производственными и общественными функциями проложит, таким образом, резкую грань между эпохой государственности и эпохой безгосударственности». 20

Здесь необходимо отвлечься. Подавляющее большинство читателей этой книги анархистами не являются, зачем им все эти рассуждения теоретиков давно прошедшего времени, даже с точки зрения сегодняшней анархистской теории, замешанной не только на «классике», но и на экологических и постиндустриальных идеях, споры Махно и его противников — вчерашний день. И все-таки эти теоретические столкновения важны и по сей день. Подставьте на место слов «анархическая революция» сочетание «либеральная реформа» — и перед вами дискуссия сторонников радикальных и умеренных преобразований России в наше время. Можно ли добиться желаемого одним скачком? Радикализм и эволюционизм присутствуют в любом течении, не только в анархизме. Радикальный большевик, анархист, либерал и консерватор очень похожи друг на друга, хотя идеалы их расходятся. И в этом отношении Махно вел вечную дискуссию, постигая вечные теоретические истины. Эта дискуссия многому научит не только его самого, но и добрую половину анархического движения. Она покажет на практике — радикализм ради радикализма ведет к большевизму, к идеям диктатуры. У Махно хватит мужества остановиться на пороге этого перерождения. А его друг и учитель Аршинов будет унесен логикой этого соблазна.

А пока критика идеи переходного периода не спасла авторов «Платформы» от обвинений в приверженности именно этой концепции. «Ответ» В. Волина и его сторонников провозглашал: «На словах, платонически отрицая эту идею, авторы Платформы на деле более, чем кто бы то ни было в наших рядах, стоят на точке зрения ее полного признания. В сущности, если в Платформе имеется нечто новое, то это именно и есть подробная разработка идеи переходного периода». 21

Такое неожиданное обвинение вызвало со стороны «платформистов» взрыв возмущения. Они считали, что достаточно отмежевались от «переходных» моделей и могли отнести обвинения

сторонников В. Волина только на счет неэтичности критиков: «Нет, они каждый раз доискиваются до скрытого, иезуитского смысла пункта, а уже потом на этот скрытый пункт отвечают». 22 «Ведь авторы «ответа» читали платформу и должны поэтому знать, что идея платформы сводится к организации анархических сил на период борьбы с классовым капиталистическим обществом». 23

Но в этом как раз и заключено самое уязвимое место концепции «платформистов» относительно переходного периода. Нарисованная ими картина будущего относится к достаточно продолжительному периоду конфронтации с внешним окружением. Длительность революционного периода признается и «платформистами»: «Осуществление его представит собою более или менее длительный социально–революционный процесс». 24 Комментируя эти слова, Г. Максимов писал: «Процесс — это функция времени, и время, в течение которого этот процесс продолжается — это «переходное время»». 25 Таким образом, по мнению Г. Максимова, отрицание переходного периода «платформистами» — это догма, прикрывающая непродуманность конструктивной программы. 26

Однако между формулировкой «Платформы» («социально революционный процесс») и Г. Максимова («переходный период») существует различие. Идея переходного периода предполагает, что конструктивная программа относится еще не к анархии, а к предшествующей ей стадии. Эта структура не увековечивается, ее принципиальные недостатки признаются. Предполагается, что по пути к анархии общество будет кардинально меняться. А модель «Платформы» относится не только к процессу социальной революции, но и к анархическому обществу в целом, и, по мысли авторов, соответствует его принципам.

В то же время авторам «Платформы» хочется составить программу, которая могла бы быть реально применена в случае начала революционных событий в существующем обществе. Опыт участия в Российской революции заставляет «платформистов» искать конкретные ответы на вопросы, которые неминуемо встанут перед революционерами с первого же дня. Анархический идеал сталкивается здесь с реалистичными задачами организации общества.

Это противоречие, подмеченное авторами «Ответа», стало одним из центральных пунктов их нападения. Иллюстрируя принцип

построения «Платформы», авторы «Ответа» писали: «Мы признаем тоже, что и вы (следует формулировка анархического принципа по формуле: с одной стороны, конечно, нельзя не признаться...). «Однако» (следует временный отказ от принципа по формуле: с другой стороны, нельзя не сознаться)». 27

Что же предлагали Махно и Аршинов? «Государство должно отмереть не когда-то, в обществе будущего. Оно должно быть разрушено трудящимися в первый же день их победы и ни в какой иной форме не должно быть восстановлено. Место его займет система федеративно объединенных самоуправляющихся производственно-потребительских организаций... Органы эти, связанные между собою в пределах города, области и затем всей страны, образуют городские, областные и наконец всеобщие (федеральные) органы руководства и управления производством». 28 Таким образом, предполагается иерархия управления экономикой, что уже само по себе означает власть и ставит под сомнение анархию. Махно и Аршинов считают необходимым ввести «производство, построенное по единому плану, построенному производственными организациями рабочих и крестьян на учете потребностей всего общества, и продукты этой мастерской принадлежат всему обществу». 29 Но планирование должны осуществлять не партийно-государственные бюрократы, как в СССР, а органы самоуправления. 30

Идея планирования, высказанная Аршиновым и Махно, получила достойный «отпор» со стороны В. Волина: «Основным вопросом организации нового производства является вопрос о том, будет ли оно централизовано и планировано, как это представляют себе, например, большевики, или же, наоборот, децентрализовано и построено на строго федеративных началах». 31

Жизнь оказалась мудрее спорщиков. Во время Испанской революции анархисты будут налаживать производство, используя и центральное демократическое планирование, и бартерный товарообмен, и ненавистные анархо-коммунистам рыночные отношения. Сегодняшний мир, во многом подтвердивший прогнозы анархистов об ослаблении роли государства в мире, о необходимости общественного, но не бюрократического регулирования социальных процессов, о самоуправлении как альтернативе произволу чиновничества и капиталистических монополий — этот мир тоже

ищет дорогу в будущее разными путями. Впрочем, в первой половине века анархисты не верили, что негосударственное общество будет «прорасти» естественным путем. Его нужно было «строить». Таковы были стереотипы времени.

Но для того, чтобы начать строительство нового общества (так ли важно — в рамках «первой стадии анархии» или переходного общества» к ней), необходимо уметь защищаться. Махно это было известно лучше, чем кому-либо из участников дискуссии. Труженики, «чтобы удержать завоевания революции, должны будут создать органы защиты революции, чтобы всему этому противопоставить соответствующую боевую силу. В первые дни революции такой боевой силой явятся все вооруженные рабочие и крестьяне. Однако лишь в первые дни, когда гражданская война еще не достигнет своего кульминационного пункта и когда борющиеся стороны не выдвинут еще правильно построенных военных организаций». 32

В 1936 г. в Испании события развивались по подобному сценарию. Характерна определенная растерянность в республиканском лагере в тот момент, когда со стороны фашистов «правильно построенная военная организация», несмотря на первоначальные поражения, была создана. Республиканцы и анархисты с этим опаздывали, что стало одной из причин потери ими инициативы.

Об этом предупреждали «платформисты»: «В социальной революции наиболее критическим моментом является не момент низвержения власти, а момент, который наступит после этого низвержения, момент всеобщего наступления низвергнутого строя на трудящихся, когда надо будет удерживать достигнутые завоевания». 33

В этот момент, по мнению «платформистов», революционные силы должны создать свою армию. Но как совместить идею армии с анархизмом? «Отрицая государственнические властнические принципы управления массами, мы тем самым отрицаем государственнический способ организации военной силы трудящихся, т. е. отрицаем принцип принудительной государственной армии. Согласно основным положениям анархизма в основу военных формирований трудящихся должен лечь принцип добровольного комплектования. Как на пример таких формирований, можно указать на партизанские военно-революционные формирования рабочих и крестьян, действовавшие в русской революции». 34

Однако добровольческая (наемная, поскольку солдат кто-то должен кормить) армия никак не гарантирует от диктатуры. Она вполне может превратиться в самостоятельную касту, противопоставившую себя обществу. Возможной гарантией от возникновения такой касты может быть децентрализация армии при партизанской войне. Но десятки исторических примеров показывают, что по мере успехов партизанского движения самостоятельные отряды под воздействием военной необходимости сливаются в единую армию, руководимую политически авторитарным вождем. И до, и после 1926 г. партизанские войны часто приводили, таким образом, к формированию диктаторских режимов.

«Платформисты» — не сторонники «партизанщины»: «революционное добровольчество и партизанство не следует понимать в узком смысле этих слов, т. е. как борьбу с врагом местных рабоче-крестьянских отрядов, не связанных между собою оперативным планом и действующих каждый на свою ответственность... Гражданская война, подобно всякой войне, может быть успешно проведена трудящимися лишь при соблюдении двух основных принципов военного дела — единства оперативного плана и единства общего командования... Таким образом, вооруженные силы революции в силу требований военной стратегии и стратегии контрреволюции неминуемо должны будут слиться в общую революционную армию, имеющую общее командование и общий оперативный план». 35

План ведения войны, подобный этому, был затем с успехом применен коммунистами в Китае и на Кубе. Итогом победы революционных сил (правда, не анархистских) стало установление диктатур.

По мнению «платформистов», «хотя революционная армия должна быть построена на определенных анархических принципах, тем не менее на самую армию не должно смотреть как на предмет принципа. Она — лишь следствие военной стратегии в революции, лишь стратегическое мероприятие, к которому неминуемо приведет трудящихся процесс гражданской войны». 36 Авторы документа не учитывают опасность того, что отступление от принципов в столь важном «стратегическом мероприятии» может привести всю революцию к перерождению и краху.

В качестве гарантий от перерождения армии «Платформа» предлагает «классовый характер армии» (комплектование ее из рабочих и крестьян; этот принцип, впрочем, провозглашался и большевиками) и «полное подчинение революционной армии рабоче-крестьянским массам в лице тех, общих для всей страны, организаций рабочих и крестьян, которые в момент революции будут поставлены массами на руководящие посты хозяйственно-социальной жизни страны». 37

Иными словами, революционная армия будет находиться в подчинении гражданских органов власти (именно власти, о чем говорят слова «руководящие посты»). И руководство это будет централизованным. «Платформа» предусматривает «орган защиты революции, несущий на себе обязанности борьбы с контрреволюцией, как на открытых военных фронтах, так и на фронтах скрытой гражданской войны (заговоры буржуазии, подготовка выступлений и т. д.)». 38 То есть главное командование и «ВЧК» в одном лице, которое формально подчинено организациям трудящихся. К необходимости создания такого органа «платформистов» подталкивал их опыт гражданской войны в России.

Очевидно, что такое существенное отступление от принципов анархистской доктрины (хотя и продиктованные практическим опытом) как стремление к созданию руководящих и карательных органов, в руках которых в условиях военной обстановки будет сосредоточена огромная власть, не могло не вызвать резкой критики в анархистской среде.

М. Корн прокомментировала идею создания гражданских органов, руководящих армией, следующим образом: «На обыкновенном языке это называется выборной «гражданской властью». Что же это у вас? Очевидно, что организация, заведующая фактически всею жизнью и имеющая в своих руках армию, есть не что иное, как государственная власть... Если это — «переходная форма», то почему отрицается идея «переходного периода»? А если это — форма окончательная, то почему «платформа» анархическая?» 39 Так перед «платформистами» ставится альтернатива следования конкретному опыту революционной практики, сегодняшним «интересам дела», или немедленного соблюдения принципов анархизма во всей их полноте. Сочетание того и другого в ходе социальной революции становится проблематичным.

Впрочем, «конструктив» Волина в этом вопросе был гораздо слабее. Пытаясь подкрепить свою позицию опытом гражданской войны, «Ответ» утверждает: «Напомним, что в ходе русской революции в борьбе с вооруженными силами реакции — Деникиным, Колчаком, Врангелем и др. — всегда побеждали прежде всего местные партизанские силы, а не централизованная армия с общим командованием и общим оперативным планом... Централизованная красная армия всегда приходила лишь «на готовое» и затем ложно приписывала себе победу, добытую не ее руками». 40

Это — несомненное преувеличение. Но даже если предположить, что все успехи борьбы с Деникиным и Врангелем следует приписать махновской армии, то правыми остаются все-таки Н. Махно и П. Аршинов — махновская армия имела единое командование. Военный раздел «Платформы» составлен на основе опыта махновской армии. Одно из двух — или гражданская война, или соблюдение принципов анархии. Это противоречие еще только начинало осознаваться анархистами, которые с прошлого века привыкли — старый мир уходит, оказывая вооруженное сопротивление. Только опыт XX века позволит поставить под сомнение эту аксиому.

На первом этапе борьбы участники махновского движения предлагают ограничения свободы слова, принятые в воюющих государствах, даже очень демократических. Но все же это очевидно государственная практика, хотя и вполне обоснованная военной обстановкой.

По мнению «платформистов», такая практика может сохраняться только во время гражданской войны. В послевоенном обществе должна господствовать полная свобода слова: «Вообще же, опуская исключительные случаи гражданской войны, победивший труд должен предоставить свободу слова и прессы как левым, так и правым мнениям. И эта свобода станет гордостью и украшением свободного общества свободных тружеников». 41

Пример с прессой показывает, что «платформисты» стояли на позициях «переходности». Одновременно этот пример помогает понять отношение авторов «Платформы» к насилию вообще: «Революционное насилие в борьбе с классовыми врагами анархисты признают и призывают к нему, но анархисты ни на минуту не согласятся пользоваться властью и силою навязывать свои решения

массам. Их средства в этом — пропаганда, сила мнения, аргументация словом». 42

Естественна озабоченность М. Корн соблюдением гражданских прав в «освобожденных районах»: «Предположим территорию, находящуюся фактически под влиянием анархистов. Каково будет их отношение к другим партиям? Признают ли авторы «Платформы» возможность насилия по отношению к врагу, не поднимающему оружия? Или они, согласно анархической идее, провозглашают полную свободу слова, печати, организаций для всех? (Это вопрос, который несколько лет тому назад звучал бы дико, но некоторые известные мне мнения мешают теперь быть вполне уверенной в ответе).

И вообще, допустимо ли проведение в жизнь своих решений силой? Допускают ли авторы «Платформы» пользование властью хотя бы на минуту?» 43 Махно и Аршинов пользовались властью «хотя бы на минуту» во время гражданской войны. Но они не считали это властью. Шла драка, они действовали, чтобы разбить врага. Потом, после победы можно было разобраться. По такому же пути шли и большевики. Не удивительно, что противники «Платформы» видели в ней призрак большевизма. И все же махновский путь в революции на порядок более вольнолюбив, чем большевистский. Махновцы стремились к максимально возможной в условиях гражданской войны свободе. Их противники отказывались учитывать это «смягчающее обстоятельство».

В конце концов под давлением критики «платформисты» признали, что их план — только самое начало анархии, которое не гарантирует соблюдения всех принципов анархизма. 44 Это вызвало резкую критику со стороны как противников теории «переходного периода» (за «скрытое» следование этой теории), так и со стороны ее сторонников (за непоследовательность и отказ признать правоту тех, кто доказывает необходимость «переходности»).

Острый и принципиальный спор вокруг «Платформы» был свидетельством тяжелейшего кризиса идеологии анархизма. Революционная эпоха первой половины XX века, замешанная на невиданном ранее насилии, на возникающем из недр революций тоталитаризме смешала оптимистические умственные конструкции анархо-коммунизма. Таким теоретикам анархизма, как Г. Максимов, А.

Горелик, М. Корн, М. Неттлау становилось все более очевидно, что к высоким идеалам свободы и солидарности, синтезом которых и является анархия, нельзя прийти путем насильственной революции. В крайнем случае она может стать первым шагом к эволюции в этом направлении, но не более. Анархизм стал постепенно освобождаться от радикализма, от веры в «большой скачок», в одномоментность исторических сдвигов, быстрого достижения высоких социальных целей.

Несогласные с этими новыми подходами участники гражданской войны, радикальные анархо–коммунисты Махно, Аршинов и Волин по существу «аннигилировали» идеи друг друга. С точки зрения Волина концепция «Платформистов» — не анархизм, а авторитарно–государственная теория. С точки зрения «платформистов», Волин предлагает не анархию, а хаос. В хаосе господствует власть сильного, а раз есть власть, то нет анархии.

Увидев, что спор ведет не к сплочению, а расколу движения, Махно предлагал отложить дискуссию по тактическим вопросам и сойтись на принципиальных пунктах «Платформы», которые не вызвали в движении серьезных разногласий. 45 Ему казалось, что разногласия в деталях не так уж и важны. Но спорщики не унимались — они продолжали считать, что от результатов спора зависит судьба будущих революций, а значит и мира.

Даже рассуждая на тему, в которой он считал себя специалистом, Махно теперь постоянно оговаривается: «быть может, придется», «по силе надобности придется». Но в одном Н. Махно непреклонен — если анархисты ради «утопии мечтателей» откажутся от военных мер, необходимых для победы, то «эти анархисты будут только на словах стоять в рядах всего движения, а на деле же они будут находиться вне его, или же будут вредить ему». 46 Эти оговорки не были замечены.

К удивлению «платформистов», позиция авторитетных теоретиков международного анархизма оказалась ближе взглядам сторонников В. Волина, чем к «Платформе». Э. Малатеста писал: «Я не сомневаюсь в анархической искренности этих русских товарищей. Они хотят осуществить анархический коммунизм, и ищут способы прийти к нему как можно скорее. Но недостаточно еще хотеть чего–нибудь, необходимо также применять надлежащие средства достижения. «По мнению Э. Малатесты, ошибка в средствах приведет «платформистов»

«к результатам, противоположным тем, каких ожидали сами организаторы». 47 По мнению Э. Малатесты, победа большевистскими методами неизбежно ведет к потере движением анархического характера. 48

Л. Фабри, сравнивая опасности со стороны контрреволюции и внутреннего перерождения движения в случае принятия положений «Платформы», писал, «антианархическая опасность, исходящая от... экспроприированных меньшинств, была бы всегда бесконечно меньше, чем громаднейшая опасность, которую создала бы такая вооруженная армия полиции и жандармов, хотя бы они и имели наглость называть себя анархистами...

Уничтожение свободы для одних приведет неизбежно к уничтожению или ограничению свободы для всех». 49

Против идей «Платформы» выступили также С. Фор, М. Неттлау и другие авторитетные анархисты. 50

Массированная критика методов совершения социальной революции, предложенных в «Платформе», не убедила Аршинова в реализме концепции его оппонентов, но показала, что большинство анархистов не могут принять принципов «платформизма». Это способствовало эволюции Аршинова от идеи безгосударственной организации трудящихся к идее диктатуры пролетариата, которая увенчалась в октябре 1931 г. докладом Аршинова «Анархизм и диктатура пролетариата», в котором он обосновывал необходимость установления диктатуры пролетариата в том виде, как это предлагал Ленин в работе «Государство и революция». 51

Несмотря на то, что Аршинов в своем докладе еще считает себя «революционным анархистом», 52 призыв к борьбе за диктатуру пролетариата и к «тесному контакту» с СССР 53 означал публичный разрыв этого теоретика с анархизмом. В ответ на этот доклад редакция «Дела труда», в которую входил и Махно, заявила: «Мы никоим образом не можем согласиться со скороспелыми и шаткими выводами т. Аршинова. Идею «диктатуры пролетариата» мы отвергали и сейчас целиком отвергаем». 54

Разочарование в анархизме и стремление возвратиться на родину привело Аршинова к сотрудничеству с большевизмом. Утверждение А. Л. Никитина о том, что Аршинов работал на ОГПУ с 1926 г. 55, пока не находит подтверждения. Во всяком случае ссылки на полемические

статьи в «Рассвете» и «Пробуждении» доказательством этого служить не могут. Идеи Аршинова нашли отклик в анархистской среде и соответствовали взглядам многих анархистов, в том числе и Махно. Таково уж было состояние анархистской мысли того времени. Играло ОГПУ какую-либо роль в этом идейном споре или нет — вопрос третьестепенный. Но все же сомнительно, чтобы большевистские спецслужбы способствовали изданию журнала, резко критиковавшего СССР с позиций, близких к троцкизму.

Переход Аршинова на позиции диктатуры означал окончательное поражение «платформизма» как формы радикального анархо-коммунизма. В 1933 г. Аршинов вернулся в СССР. Его знакомый Н. Чербаджиев утверждал: Аршинов перед отъездом дал понять, что уезжает для подпольной работы. 56 НКВД косвенно подтвердил эту версию, расстреляв Аршинова в 1937 г. Впрочем, это могли сделать и «на всякий случай».

Посещала ли Махно мысль о возвращении на Родину? Рассказывая об отношении батько к красным генералам, французская анархистка И. Метт писала: «Махно относился к ним с профессиональным уважением, мне даже показалось, что в его сознании произвольно возникли мысли о том, что и он мог бы быть генералом Красной Армии. Тем не менее, сам он никогда об этом не говорил. Наоборот, сказал мне, что если бы и смог вернуться в Россию, то ему бы пришлось серьезно изучать военное искусство. Это признание можно расценивать и как высказанную вслух мечту. Я уверена, если бы он вернулся в Россию, не прошло бы и двух дней, как он бы поругался с вышестоящим начальством, так как всегда был честным человеком и не мог бы смириться с социальной несправедливостью». 57 Если бы жизнь батько сложилась иначе, и в 1919 г. он отказался бы от анархистских взглядов и связал бы свою судьбу с большевизмом, он прожил бы на три года больше, до 1937 г. Но это была бы менее достойная жизнь.

«Предательство» Аршинова стала тяжелым ударом для Махно. Личные отношения с учителем были разорваны, «платформизм», защите которого Махно посвятил несколько лет, дискредитирован. Эту битву батько проиграл. Но и эти годы были прожиты не зря. Кризис радикального анархо-коммунизма позволил сделать анархистской теории еще один шаг вперед.

3. Тридцатые годы

После поражения «платформизма» в центр внимания анархистов постепенно переходили события в Испании. Именно здесь анархизм имел наилучшие шансы на успех, а значит — на участие в практической политике, предполагающей приспособление абстрактных принципов к обстоятельствам реальной жизни. Каковы могут быть границы такого «оппортунизма»?

В письме к испанским анархистам Х. Карбо и А. Пестанья Махно пишет, что завоевание земли, хлеба и воли должно быть «наименее болезненным». 58 Махно даже признает, что Испанская революция началась «с избирательного бюллетеня», демонстрируя, таким образом, готовность российского анархизма частично пересмотреть отрицательное отношение к выборам. 59

Оценивая первые итоги Испанской революции (которые он считал неутешительными), Махно останавливался и на других тактических проблемах. Он считает агитацию, которая была основным методом борьбы анархистов Испании в 1931 г., явно недостаточной: «Ощувив относительную свободу, анархисты, как и обыватели, увлеклись свободноговорением». 60

Другая проблема, которую с особой остротой поставила Испанская революция, касалась политики союзов. Возможен ли союз с коммунистами против реакции. Махно дает коммунистам однозначно негативную оценку: «Они встретили революцию как средство, с помощью которого...можно более развязно дурачить всевозможными неосуществимыми, ложными обещаниями пролетарские головы и прибирать их к рукам, чтобы с их физической помощью утвердить свою черную партийную диктатуру». 61 Понятно, что с такой силой союз нецелесообразен. В письме к испанским анархистам Махно утверждает: «испанские коммунисты—большевики, я думаю, такие же, как и их друзья — русские. Они пойдут по стопам иезуита Ленина и даже Сталина, они, чтобы утвердить свою партийную власть в стране...не замедлят объявить свою монополию на все достижения революции, и они предадут и союзников, и самое дело революции». 62 Несмотря на то, что это предупреждение не оказало решающего

влияния на позицию испанских анархистов, оно способствовало настороженности анархистов в отношении коммунистов в Испании. Как показали события 1937 г., когда коммунисты нанесли удар в спину своим союзникам, показали правоту Махно и тех лидеров испанского анархизма, которые с недоверием относились к коммунистам 63.

В рамках критики большевизма Махно продолжал развивать критику ориентации анархизма на пролетариат как на основную движущую силу революции: «В пролетарском государстве и власти пролетариат — по наговорам своих руководителей — видел сам и старался навязать другим средство избавления себя от власти буржуазии. «Результатом этой иллюзии стало установление новой диктатуры, «пролетарность» которой, по выражению Н. Махно, является фикцией. 64 «Многие анархисты склонны утверждать, что пролетариат здесь не при чем, его, дескать, обманула социалистическая интеллигентская каста... По-моему, это утверждение не совсем точно и звучит несколько пристрастно». 65 Несмотря на то, что интеллигентской касте как целому действительно присуще стремление заменить собою буржуазию, значительная ее часть выступала и на стороне революции. Также неоднороден и пролетариат, который поддержал революцию не сразу и не целиком, а затем участвовал в создании новой диктатуры. 66 «В пролетариате, занявшемся построением своего классового государства, насилие это породило в конце концов нетерпимость, омерзительное отношение к свободе личности, к свободе слова и печати, к свободе каких бы то ни было революционных организаций, расходящихся с наглостью пролетарской власти». 67

Идея о том, что человек может прийти в революцию из любого класса, что водораздел между революционными и контрреволюционными силами может проходить и через рабочий класс, и через интеллигенцию, и даже через эксплуататорские слои, активно развивалась затем на страницах журнала «Пробуждение», где теперь печатался Махно. При этом сам Махно в своих статьях в «Пробуждении» подчеркивал необходимость борьбы за интеллигенцию, необходимость перехода части интеллигентов на сторону революции. Обращаясь к революционеру-анархисту, Махно писал: «Девять из ученых могут не выйти к тебе, или, если выйдут, то

с целью обмануть тебя...Но десятый выйдет, и он будет твой друг, и он поможет тебе преодолеть обман девяти». 68

Преодоление недоверия к интеллигенции заметно и в письме Н. Махно к испанским анархистам: «Трудящиеся Испании — рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция, должны объединиться и максимум проявить энергии на путях революции». 69 Эта старая идея Махно о широком революционном фронте очищена здесь от наслоений «классовой теории» «платформизма» 1926–1931 г.

Политические взгляды Махно и в этом вопросе были тесно связаны с его практическим опытом. Французская анархистка И. Метт вспоминала: «Я думаю, самым существенным в нем было то, что он всегда оставался украинским крестьянином. Его никак нельзя было бы назвать беспечным человеком, в глубине души он и был эдаким бережливым крестьянином, превосходно знавшим жизнь деревни и заботы ее обитателей...Я вспоминаю, как однажды Нестор Махно рассказывал мне о своей мечте. Было это осенью 1927 года. Мы гуляли в Венсенском лесу. Может быть, красота природы настроила его на поэтический лад, и он сочинил этот свой «рассказ-мечту». Молодой Михниенко (настоящая фамилия Махно) возвращается в родную деревню Гуляйполе, начинает работать, ведет спокойную, правильную жизнь, женится на молодой крестьянке. У него добрая лошадь и хорошая упряжь. Вечером вместе с женой он возвращается в деревню после удачного дня, проведенного на базаре, где они продавали плоды урожая. В городе они купили много подарков...Махно так увлекся рассказом, что совершенно забыл, что сейчас он в Париже, что у него нет ни земли, ни дома, ни молодой жены. В то время они с женой жили порознь, множество раз сходились и расходились снова, пытались начать совместную жизнь. 70

И. Метт вспоминала, что «Махно был человеком чистым, даже целомудренным...Махно страстно любил дочь. Я не знаю, какими стали их отношения в конце его жизни, но, когда девочка была маленькой, Махно бесконечно возился с ней, баловал ее, хотя в раздражении, бывало случалось, колотил ее, после чего чувствовал себя совершенно больным только от одной мысли, что смог поднять на нее руку» 71.

В тяжелых условиях эмиграции батько держался достойно: «Я очень часто встречалась с ним на протяжении трех лет в Париже и

никогда не видела его пьяным. Несколько раз в качестве переводчика я сопровождала Махно на обеды, организованные в его честь западными анархистами. Нестор пьянел от первого стакана вина, глаза его начинали блестеть, он становился более красноречивым, но, повторяю, по-настоящему пьяным я его не видела никогда. Мне говорили, что в последние годы он голодал». 72

Последние годы Махно жил в однокомнатной квартирке в пригороде Парижа Венсене. Он тяжело болел туберкулезом, сильно беспокоила и рана в ноге. Семью кормила жена, работавшая в пансионате прачкой. На целую неделю он оставался один. Иногда бродил по улицам. Это были бурные дни в истории Франции. К власти рвались местные ультраправые. Левые организации собирали митинги против фашизма, временами доходило до столкновений. Зная характер Махно, нельзя исключать, что он участвовал в этих демонстрациях. Для тяжело больного туберкулезом человека это было смертельно опасно.

«Зимой ему стало хуже, — вспоминает Г. Кузьменко, — и приблизительно в марте месяце 1934 г. мы поместили его в один из французских госпиталей в Париже. По воскресеньям я его часто там навещала. Здесь я встречалась с его многочисленными товарищами, как русскими, так и французами» 73.

Состояние здоровья Нестора Ивановича продолжало ухудшаться, не помогла и проведенная в июне операция. Г. Кузьменко так описывает последний день жизни Махно: «Муж лежал в постели бледный, с полузакрытыми глазами, с распухшими руками, отгороженный от остальных большой ширмой. У него было несколько товарищей, которым, несмотря на поздний час, разрешили здесь присутствовать. Я поцеловала Нестора в щеку. Он открыл глаза и, обращаясь к дочери, слабым голосом произнес: «Оставайся, доченька, здоровой и счастливой. «Потом закрыл глаза и сказал: "Извините меня, друзья, я очень устал, хочу уснуть». «Пришла дежурная сестра, спросила его: «Как чувствуете себя?» На что он ответил: "Принесите кислородную подушку».

Сестра принесла ему кислородную подушку. С трудом, дрожащими руками он вставил себе в рот трубочку кислородной подушки, и сестра попросила нас всех удалиться и прийти завтра утром.

На следующий день, когда мы зашли в палату, то увидели, что кровать, на которой лежал муж, была пуста и ширмы не было. Один из соседей-больных сказал, что сегодня утром около 6 часов муж перестал дышать. Пришла сестра, закрыла лицо простыней и вскоре его вынесли в мертвецкую. Это было 6 июля 1934 г». 74

Прах Нестора Ивановича Махно был похоронен на кладбище Пер — Лашез, рядом с могилами парижских коммунаров. Это — не случайное решение. Коммунары были первыми, кто пытался воплотить на практике идеи Прудона и Бакунина. Они продержались только 72 дня и были разгромлены. Махно оказался более удачлив. Но и его попытка построить общество без угнетения и деспотизма оказалась неудачной. Для «эксперимента» Нестор Иванович получил от судьбы только три шанса по несколько месяцев каждый. Остальное время — кочевая жизнь, жестокая партизанская война. Через два года после смерти Махно его «рекорд анархического строительства» был превзойден — в Испании началось самое массовое в истории движение под черными знаменами. Чтобы удушить его, понадобились усилия сверхдержав того времени — СССР, Германии, Италии и Франции.

Вероятно, в те годы анархистские идеалы могли пробиваться на почву реальности только в экстремальных обстоятельствах. Трудно сказать, удалось бы анархистскому самоуправлению сохраниться в условиях спокойной повседневной жизни. Опыт многих стран Запада и «социалистической» Югославии показывает, что самоуправление и федерализм в условиях индустриального общества лишь незначительно улучшают условия жизни людей. Глобальные исторические сдвиги оказываются сильнее идей, родившихся раньше своего времени. Но только стремясь за горизонт можно преодолевать замкнутый круг повседневности.

Анархизм был массовым явлением тогда, когда индустриальное общество в двух своих ипостасях («социалистической» и «капиталистической») переживало муки рождения. Сотни тысяч людей считали себя анархистами и в «пропитанной духом капитализма» Америке, и в «законопослушной» Швеции, и в «деспотичной» России, и в «католической» Испании. Потом «системы» устоялись, поделили мир, и анархизм растворился в более умеренных течениях левой социал-демократии, неортодоксальном коммунизме, социальном

либерализме, синдикализме, в толстовских общинах, правозащитном движении. Но стоило индустриальной системе снова начать давать сбои, стоило миру начать движение к постиндустриальному обществу, и черные знамена снова замелькали в многотысячных колоннах — уже невооруженных. Новая эпоха — новые пути к свободе. В мае 1968 г. Париж покрылся баррикадами, осененными флагами анархии. В 1988–1991 гг. анархисты вместе с другими «неформалами» «раскручивали» маховик гражданских движений, и черные знамена доказывали всем и каждому — в стране явочным порядком установилась свобода мнений, и никакой чиновник не сможет больше диктовать гражданам, что они обязаны думать. И пусть потом большинство анархистов стало «добропорядочными гражданами», приверженцами самых разных идей — анархистское движение приучило их к культуре свободы, ограниченной лишь свободой других людей. Символ смены эпох: когда 1 мая 1990 г. на Красную площадь ступила многотысячная колонна под черными знаменами, руководители КПСС ушли с трибуны — они не могли более управлять такой страной. В этой колонне незримо шел и Нестор Иванович Махно — человек, который нашел в себе силы и смелость бросить вызов «железным законам истории» и не покориться им. И за это он был награжден бессмертием, вечным интересом потомков к загадочному «батько» под черным, как Вселенная, знаменем анархии.

Примечания к главе 6

1. Нестор Иванович Махно. С. 189.
  2. «Дни». 5. 12. 1922.
  3. Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 220.
  4. «Рабочий путь». N 5. С. 2.
  5. Там же. N 4. С. 1.
  6. Там же. N 1. С. 2.
  7. Нестор Иванович Махно. С. 129.
  8. См. «Дело труда». N 16, 19.
  9. «Рабочий путь». N 2–3. С. 5.
  10. Там же. № 4. С. 2.
  11. «Анархический вестник». N 2. С. 37.
  12. Skirda A. *Autonomie individuelle et force collective*. Paris, 1987.
- P. 174
13. Maximov G. *Constructive anarchism*. Chicago. 1952.
  14. «Дело труда». N 28. С. 4.
  15. Там же. N 13–14. С. 8.
  16. Там же. N 15. С. 6.
  17. Там же. С. 4.
  18. Там же. С. 5.
  19. Там же.
  20. Там же.
  21. Ответ...С. 16–17.
  22. «Дело труда». N 28. С. 15.
  23. Там же.
  24. «Дело труда». 15. С. 8.
  25. Maximov G. *Op. cit.* P. 85.
  26. Ibid.
  27. Ответ...С. 5.
  28. «Дело труда». N 13–14. С. 16; N 15. С. 9.
  29. Там же. N 28. С. 11.
  30. Там же.
  31. Ответ...С. 22.
  32. «Дело труда» № 16. С. 4.

33. Там же. С. 5
34. Там же.
35. Там же. С. 6.
36. Там же. С. 5.
37. Там же.
38. Там же. № 18. С. 5–6.
39. Там же. С. 6.
40. Ответ... С. 28
41. «Дело труда». № 18. С. 12
42. Ответ... С. 7.
43. «Дело труда». № 18. С. 9
44. Там же. С. 10.
45. Там же. N 25. С. 14.
46. Там же. N 15. С. 4.
47. «Пробуждение». N 14. С. 45.
48. Там же. С. 41–42.
49. См. Неттлау М. ук. соч. С. 360.
50. «Дело труда». N 70–71. С. 21.
51. Аршинов П. Анархизм и диктатура пролетариата. С. 83.
52. Аршинов П. ук. соч. С. 8.
53. Там же. С. 15.
54. «Вопросы философии», 1991 N 8 С. 98.
55. «Дело труда». N 73. С. 13.
56. Skirda A. Op. cit P. 184.
57. Нестор Иванович Махно. С. 128.
58. «Пробуждение». № 28–29. С. 19.
59. Там же. N 30–31. С. 21.
60. Там же. С. 20.
61. Там же. № 23–27. С. 78.
62. Там же. N 32–34. С. 20.
63. Шубин А. В. баррикады Барселоны. //«Община» N 50.
64. «Пробуждение». N 18. С. 45–46.
65. Там же. С. 46.
66. Там же. С. 46–17.
67. Там же. С. 47.
68. Там же. N 19–20. С. 20, 118
69. Там же. № 23–27. С. 77

70. Нестор Иванович Махно. С. 124–125.
71. Там же. С. 126–127.
72. Там же. С. 130.
73. «Набат». N 5. 1990.
74. Там же.